

УЛЬЯНОВЦЫ В БОЯХ ЗА РОДИНУ

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

1941-1945

К ЧИТАТЕЛЯМ

В Берлине у входа в Трептов-парк высится величественный памятник бессмертной славы и подвига нашего народа, спасшего мир от фашистской чумы. Советский воин с мечом в руке прижимает к широкой груди ребенка. Этот памятник стоит, как символ вечной благодарности простых, честных людей мира советским воинам-освободителям.

Дорогой читатель! Представь мысленно тот светлый, радостный день 9 мая 1945 года, когда по всей советской стране ветер мая развевал алые флаги победы, города перекликались салютами, и незнакомые люди обнимали друг друга, смеясь и плача от радости.

По трудным военным дорогам пришли мы к солнечному Дню победы. Мы дорого заплатили за свою великую победу. Тысячи сильных сынов и дочерей нашей Родины отдали жизнь в боях за ее свободу и счастье.

Никогда не пронесутся на послушных самолетах навстречу ветру и солнцу наши летчики-земляки дважды Герой Советского Союза генерал-майор мастер пикирующих ударов Иван Семенович Полбин и Герой Советского Союза майор Виктор Николаевич Каштанкин, повторивший бессмертный подвиг Николая Гастелло.

А вспомни, товарищ, о подвиге гвардии рядового, воспитанника Ивановского детского дома Ульяновской области, комсомольца Александра Матросова! Как воплощение красоты и благородства воинского подвига будет жить в памяти поколений образ этого юноши, который во имя победы закрыл своим телом амбразуру вражеского дзота.

Как мало они прожили, но как неповторимо ярка и богата была их жизнь!

Родина достойно отметила своих сынов и дочерей. Свыше двенадцати тысяч советских воинов удостоены высокого звания Героя Советского Союза. К славной семье героических защитников Родины принадлежат тысячи ульяновцев. Сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны, они совершили немало героических подвигов. Ста десяти нашим землякам присвоено звание Героя Советского Союза.

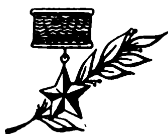
Идя навстречу запросам и пожеланиям трудящихся области, Приволжское книжное издательство совместно с Военно-научным обществом при Ульяновском Доме офицеров Советской Армии подготовило к выпуску второе издание сборника «Ульяновцы в боях за Родину», куда вошли новые очерки о девятнадцати Героях Советского Союза, наших земляках.

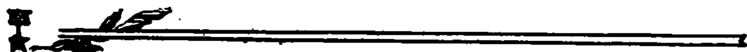
Авторы очерков — писатели, журналисты, члены Военно-научного общества при Ульяновском Доме офицеров Советской Армии. Для написания очерков ими использованы материалы Архива Министерства Обороны СССР, личные встречи и беседы с героями и их родственниками.

В книге «Ульяновцы в боях за Родину» школьный учитель, офицер Советской Армии, комсомольский вожак найдут немало материала для проведения бесед с молодежью на самые различные темы: о советском патриотизме, о дружбе и товариществе, о воинском долге и т. д. Все эти материалы рассказывают о том, как прекрасен и героичен советский человек. Они волнуют и трогают сердца своей простотой и искренностью, изумляют величием подвигов, совершенных во имя Родины.

В конце сборника дан именной указатель Героев Советского Союза ульяновцев с краткими биографическими справками о них.

Приволжское книжное издательство выражает глубокую благодарность всем организациям и лицам, которые активно помогали авторскому коллективу в сборе материалов для настоящего сборника.

Н. Костин

КРЫЛЬЯ НАД ЗЕМЛЕЙ

В начале июля 1941 года по дорогам, ведущим к Москве, день и ночь двигались фашистские мотомеханизированные и танковые соединения. В штаб авиационного полка на имя командира подполковника Полбина поступил приказ: нанести бомбовой удар по живой силе и технике противника в районе Смоленска. Не взяв старинный русский город с ходу, гитлеровские войска скапливались у стен крепости, образуя живое полукольцо.

На рассвете восемнадцать советских самолетов поднялись с одного из подмосковных аэродромов и направились по заданному курсу. Первую девятку «СБ» вел Иван Полбин, вторую — капитан Пасхин.

Набрали высоту. Полбин окинул взглядом приборную доску. Показания приборов нормальные. Из головы командира полка не выходило напутствие техника самолета: «Вы там не очень... Иван Семенович. На зенитку не наскочите...». В этих простых словах Полбин почувствовал душевное тепло, рожденное в повседневной боевой работе и дружбе. Впервые за много лет Полбин почему-

то подумал о том, что техник по возрасту значительно старше своего командира.

Условия полета оказались трудными. Высота облачности на отдельных отрезках маршрута достигала до ста метров. Начинал моросить дождь. И все же к Смоленску вышли в намеченное время.

Город был расцвечен пожарами, некоторые кварталы окутывал черный дым. По шоссе, которое прорезало прямой линией темный массив леса, двигались танки. Гитлеровцы никак не предполагали, что в такую погоду советская авиация рискнет сделать налет. На этот раз молчала даже вражеская зенитная артиллерия.

Полбин развернул самолеты за облаками. Маневрируя по горизонту, бомбардировщики заходили для удара по танкам. Секунда, другая... Пора! Вниз полетели бомбы. Над лесом поднялись черные клубы дыма, вспыхнули багровые языки пламени.

Отбомбились удачно. Теперь домой. И тут, словно очнувшись от сна, заговорили вражеские зенитки. Полбин принял решение — разомкнуться. Плотный боевой порядок мог теперь облегчить фашистам прицельную стрельбу.

Семь или восемь раз Полбин подавал команду, распуская и собирая бомбардировщиков. Многие самолеты получили повреждения, но ни один не вышел из строя. Отбиваясь от подоспевших к месту боя «мессершмиттов», полбинцы уходили все дальше и дальше на восток.

Взыскательным глазом опытного воздушного бойца следил Полбин за действиями каждого экипажа. Но все точно выполняли команды, метко отбивали наскоки «мессершмиттов». Два вражеских истребителя были сбиты стрелками-радистами.

Все восемнадцать скоростных бомбардировщиков благополучно вернулись на аэродром. Здесь их встретили заботливые техники. Они проверили каждую гайку, каждый шплинт и шарнир, заделали даже самые незначительные пробоины, прежде чем зачехлить и замаскировать машины. То у одного самолета, то у другого слышалось:

— Смотри-ка, по консоли осколком хватило.

— В стабилизаторе три пробоины.

— Руль поворота поврежден.

— Здорово стукнуло.

«С боевого задания вернулись все», — доложил Полбин командиру дивизии.

Может ли быть еще более приятное известие, чем это? Вернулись все. Значит, завтра они снова будут уничтожать ненавистного врага.

Об этом и думал Иван Полбин, простой крестьянский парень с Волги, ставший за годы Советской власти командиром авиационного полка. Каждый боевой вылет для него являлся школой мужества, приобретения опыта, воинского мастерства и умения. Наукой побеждать Полбин овладевал в ходе повседневных боев с фашистами. Этому он учил и своих подчиненных, которые беззаветно верили ему, шли за ним туда, куда приказывала идти в ту тяжелую пору Советская Родина.

23 августа 1941 года фашистские танковые части перерезали железную дорогу Великие Луки—Ржев. Перед полком Полбина советское командование поставило задачу: разбомбить танковые колонны врага, затормозить продвижение противника в направлении города Торопца.

Полбин, основываясь на данных разведки, принял решение штурмовать танковые колонны на бреющем полете. Это позволяло бомбардировщикам наносить противнику наибольший урон и сводить к минимуму свои потери.

Над целью экипажи бомбардировщиков оказались в сложной обстановке. За ночь гитлеровцы успели зарыться в землю и хорошо подготовить противовоздушную оборону. Знай Полбин об этом, он подошел бы к позициям врага на большой высоте и стал бы бомбить по площади. Но командир полка об этом не знал, и самолеты вышли над расположением фашистов на бреющем полете.

По бомбардировщикам ударили из автоматов, из ручных и зенитных пулеметов. Уходить из-под обстрела было поздно. Полбин сделал «горку» и сбросил первую серию бомб. Штурман и стрелок-радист поливали гитлеровцев из пулеметов. Начался жаркий бой с закопавшимся в землю врагом.

Справа от командира полка наносило удар по врагу звено капитана Преснякова, слева — старшего лейтенанта Павлюка. «Молодцы, — думал Полбин, — ни один не свернул с боевого курса». В этот момент из рук коман-

дира выбило управление. Самолет резко качнуло, Полбин быстро восстановил горизонтальное положение машины, но почувствовал, что она стала плохо слушаться рулей глубины.

В звене Преснякова загорелся самолет младшего лейтенанта Лебедева. У Полбина защемило сердце. Лебедев — замечательный летчик, весельчак, балагур, любимец молодежи. И вот его самолет горит. Ничто не в силах спасти машину. Но Лебедев не сдается. Он переводит бомбардировщик в пике и направляет его на опушку леса, с которой бьют вражеские зенитки.

К машине Полбина пристраиваются самолеты старших лейтенантов Гаврика и Итунина. Теперь «мессершмитты» не страшны. Можно успешно вести групповой оборонительный бой.

Заметно начинает отставать от строя капитан Пресняков. Полбин запросил его по радио, но ответа не получил. Стало ясно, что либо убит стрелок-радист, либо неисправна рация. Положение Преснякова осложнялось еще и тем, что он шел на одном моторе, — другой не работал. Но и на одном двигателе летчик упорно пробивался вперед. За Преснякова командир полка был спокоен: тот дотянет. Но где же еще три самолета?

На израненном самолете Полбин не долетел до своего аэродрома. Ему пришлось совершить посадку на аэродроме истребителей, которыми командовал офицер Хлусевич. Обычно послушный «СБ» на этот раз никак не шел на снижение. Несколько кругов сделал Полбин над аэродромом, прежде чем удалось приземлить «взбунтовавшийся» самолет. Когда машину осмотрели, то обнаружили перебитый триммер рулей глубины. Еще ни один из летчиков полка не производил посадки самолета с такой серьезной неисправностью.

Молодой черноусый капитан, осмотрев полбинскую машину, подошел к стрелку-радисту сержанту Васюку, сердечно пожал ему руку и сказал:

— Счастливый ты, радист. Командир у вас — геройский.

— Иван Семенович Полбин! — с гордостью произнес неразговорчивый Васюк.

— Это не тот Полбин, который фашистские танки бомбил? О нем еще недавно во фронтовой газете писали.

— Тот самый. У бомбардировщиков такого другого не найдешь.

— А где он сейчас? — спросил капитан.

— А вон с вашим командиром разговаривает, — показал летчику Васюк.

В полетах Иван Полбин никогда не знал усталости. А тут, после посадки изрешеченной машины, почувствовал себя совершенно разбитым. Он с трудом поддерживал разговор с Хлусевичем. Сказывалось нечеловеческое напряжение всех душевных и физических сил. Летчики-истребители удивлялись, как только он держался в воздухе. Все хвостовое оперение было искромсано осколками снарядов, во многих местах фюзеляж был пробит пулеметными очередями. Горючего в баках оставалось считанные граммы. Но экипаж преодолел трудности, вышел победителем. Ни командир, ни его подчиненные не думали о смерти. Они отважно защищали Родину и потому выстояли.

Выполняя самые ответственные задания командования, Иван Полбин настойчиво овладевал наукой побеждать. В боях с фашистами он закалял свою волю, проникался глубокой верой в подчиненных ему летчиков, в правоту того дела, которому клялся служить до последнего дыхания, до последней капли крови. В наградном листке командир дивизии писал о Полбине: «Командир полка — всегда впереди подчиненных. Он уверенно водит в бой летчиков, заражает их непреклонной решимостью и боевым энтузиазмом... За отличное выполнение боевых заданий награжден двумя орденами Красного Знамени... Тов. Полбин достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Звание Героя Советского Союза Ивану Семеновичу Полбину было присвоено после выполнения особо важного задания советского командования.

На железнодорожной станции Морозовская находился крупный вражеский бензосклад. Его надо было взорвать. Командир дивизии сказал Полбину:

— Подумай и доложи, как это лучше сделать.

Когда Полбин сообщил ему, что собирается бомбить бензосклад всего двумя самолетами, тот очень удивился.

— Что же вы сделаете двумя самолетами? — спросил он.

Полбин объяснил, что большой группой самолетов

к цели не пробиться, неизбежно будут потери. На два же самолета противник не обратит особого внимания. Поэтому больше шансов появиться над целью неожиданно. Бомбить они будут с пикирования, сериями из двух бомб. Вероятность поражения — максимальная.

Получив разрешение на боевой вылет, командир полка взял ведомым старшего лейтенанта Желудева. Сопровождали бомбардировщиков истребители майора Клещева.

Выбор командира полка на старшего лейтенанта Желудева пал не случайно. Этот офицер отличался крепкой физической закалкой, слыл снайпером бомбардирования, искусным мастером самолетовождения. В ночных полетах ему всегда поручалось первым отыскивать цель и наносить по ней удар, вызывая очаги пожаров, по которым бомбили потом все экипажи полка.

В район, где располагался бензосклад, бомбардировщики зашли со стороны солнца. Момент внезапности был обеспечен. Полбин хорошо видел с высоты полета белые квадраты домов, но цели не обнаружил. А секундная стрелка неумолимо спешила. Пора «Петлякова» вводить в пике, а цели все нет и нет. Полбин начал волноваться. Штурман Фак опоздал скомандовать «пошел», и Полбин без его сигнала направил самолет к земле.

Угол пикирования — семьдесят градусов. В кабине кажется, что все ушло куда-то в сторону, и перед глазами только приборная доска. Полбин решает бросить одну бомбу, жмет на кнопку, но прибор не срабатывает. Это штурман Фак, заметив ошибку командира, решил выключить механизм, чтобы не бросить бомбу впустую. Позднее Полбин догадался об этом и готов был расцеловать своего сообразительного штурмана.

По самолету начали бить вражеские зенитки. Набирая высоту, Полбин следил за действиями Желудева. Тот обнаружил цель и бросил по ней две бомбы. Они упали метров на 50 в сторону. Вот теперь-то цель ясно видна. Можно делать второй заход.

Высота набрана. Штурман командует: «Пошел!». Самолет пикирует. Мгновение — и серия бомб стремительно ринулась к земле. Прямое попадание. Склад окутывается густым черным дымом, сквозь который вверх пробиваются огромные языки пламени.

Доблесть, помноженная на мастерство и бесстра-

нне, обеспечивала Ивану Полбину отличное выполнение боевого задания. Удар — и 700 тонн горючего у гитлеровцев взлетело в воздух!

На аэродроме Ивана Полбина ждала большая радость. Техник самолета вручил ему сразу два письма от жены из Читы. Мария Николаевна писала, что дети живы и здоровы, Витюшка учится в школе. Жалко, что письма от него приходят с большим опозданием. Последнее получили за июль. По вечерам к ним часто заходят Татьяна Ларичева и Лидия Кривонос. «Вместе слушаем сводки Совинформбюро. Каждый раз ждем, когда диктор объявит о большом наступлении нашей армии. Если бы не было этой надежды, жить было бы невозможно...», — писала Мария Николаевна.

«Да, Манек, жить тогда не стоило бы», — подумал Полбин и положил письмо в планшет. Придет комиссар, надо и ему дать почитать. Ларичев сегодня письма не получил, а Мария Николаевна подробно рассказала о многих семьях летчиков, живущих в Чите. Командир и комиссар должны все знать не только о фронтовых делах летчиков, но и о жизни их семей.

Далеко за полночь не ложился спать командир бомбардировщиков. Вместе с комиссаром они обсудили результаты бомбометания с пикирования по железнодорожным и шоссейным мостам и аэродромам противника. Успехи налицо. Они радовали. Полбин сам непрерывно учился в ходе боев и учил своих подчиненных побеждать врага. Полбин всегда избегал проторенных дорог в жизни. По всему своему складу и характеру он был новатором. Он первым в бомбардировочной авиации освоил метод снайперских бомбовых ударов по малогабаритным целям. Впервые в его полку при штурмовке наземных целей стали применяться передние и люковые пулеметы. Каждый экипаж умело использовал в воздушных боях фотоконтроль.

В полетах Полбина всегда отличала собранность и внимательность, над целью — точность и хладнокровие. Бомбил он снайперски, при встрече с вражескими истребителями не отступал, а отважно и смело принимал бой, в трудной обстановке был решителен и находчив. Пикирующие бомбардировщики Полбина сыграли большую роль в разгроме танковых колонн противника под Смоленском и Ржевом, под Москвой и Волгоградом, под

Миллеровом и Харьковом, под Белгородом и Курском.

Будучи уже командиром корпуса, генералом, Иван Полбин ежедневно поднимался в воздух во главе прославленных пикирующих бомбардировщиков. Во время боев за Александрию выяснилось, что на одном из участков фронта фашисты создали три крупных узла с мощной огневой системой, которые закрывали советским войскам выход на важную магистраль. В течение одного дня бомбардировщики Полбина эшелонированно, небольшими группами бомбили укрепленные позиции гитлеровцев. Когда опорные пункты были захвачены советскими частями, пленные фашисты говорили: «Нельзя было головы поднять от непрестанной бомбежки. Казалось, что небо состояло наполовину из воздуха, наполовину из советских самолетов».

Генерал Полбин тактически грамотно и оперативно применял пикирующие бомбардировщики на направлении главного удара. Много раз гвардейскому авиационному соединению приходилось первым открывать большую авиационную битву. Так было под Харьковом и Белгородом, под Александрией и Кировоградом. И всегда пикирующие бомбардировщики действовали с огромным боевым эффектом. Только в течение 1944 года соединение произвело 4661 боевой вылет. Средняя бомбовая нагрузка на каждый самолет была доведена до 800 килограммов, максимальная — до 1000.

В составе 1-го и 2-го Украинских фронтов гвардейский корпус Полбина принял участие в Кировоградской, Корсунь-Шевченковской, Уманской, Ясской, Кишиневской, Львовской, Сандомирской наступательных операциях и других сражениях, сыгравших решающую роль в разгроме немецко-фашистских захватчиков.

Авиационный генерал не раз во время полетов принимал вызов фашистских истребителей. Однажды, когда полбинцы бомбили противника в районе Миллерово, бомбардировщиков неожиданно атаковали двенадцать «мессершмиттов». По команде Полбина «петляковы» сомкнулись и смело вступили с ними в бой. Один за другим четыре гитлеровских самолета были сбиты, остальные ушли.

На вражеском аэродроме полбинцы уничтожили еще 27 «юнкерсов» — 31 гитлеровская машина за один только боевой вылет! А сколько таких вылетов было совер-

шено за время войны! Всюду, где требовалось нанести по врагу мощные бомбовые удары, над землей неизменно появлялись гвардейские крылья полбинцев.

Иван Семенович Полбин до самозабвения любил самолет «ПЕ-2» и владел им виртуозно. Замечательное мастерство летчика, большой талант командира он отдавал без остатка борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Полбин был горячим патриотом, верным сыном Советской Родины. В одной из своих статей в годы войны он писал: «Родина! В первые же дни Великой Отечественной войны она возобладала над всеми нашими чувствами. Еще глубже за полтора года тяжелой борьбы мы познали кровную связь с ней, еще крепче и нежнее полюбили тебя, моя Отчизна».

Каждое слово волжского крылатого богатыря звало, поднимало в бой. «118 раз я бомбил передний край обороны противника, — писал Полбин. — 118 вылетов — это 118 ураганов в сердце! 118 вулканов ненависти! 118 вылетов под вражеским огнем! 118 раз мы встречались со смертью. Но сильнее смерти любовь к Родине!»

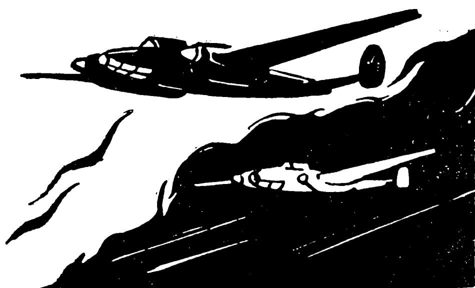
Гвардии генерал-майор авиации Иван Семенович Полбин много и вдохновенно трудился для достижения победы. Но дожить до нее ему не довелось. 11 февраля 1945 года генерал Полбин повел группу самолетов на боевое задание -- уничтожить сильный узел сопротивления противника в районе Бреславля. Выйдя на цель, Полбин ввел свой самолет в пикирование, стремясь как можно точнее поразить врага. Фашистские зенитчики сосредоточили на головном самолете огонь всех своих орудий. От прямого попадания зенитного снаряда самолет командира корпуса загорелся и упал в расположении противника. Так смертью храбрых, совершая свой сто пятьдесят седьмой боевой вылет, погиб генерал-майор авиации Полбин.

6 апреля 1945 года Советское правительство посмертно наградило Ивана Семеновича Полбина второй медалью «Золотая Звезда».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин писал жене Полбина Марии Николаевне: Посылаю Вам грамоту Президиума Верховного Совета СССР о награждении Вашего мужа второй медалью Золотая Звезда» для хранения как память о муже —

дважды Герое, подвиги которого никогда не забудутся нашим народом».

Родина не забыла подвиги генерала Полбина. Новое крылатое поколение первой в мире страны социализма учится у него мужеству, отваге, беззаветной преданности великому делу Ленинской партии, тому делу, которому отдал до конца весь свой талант, ясный ум и горячее сердце коммунист Иван Полбин.

А. Ворожейкин,
генерал-майор авиации, дважды Герой Советского Союза

ОН БЫЛ ПЕРВЫМ...

Весьма трудно в немногих словах рассказать о человеке, описание только ратных подвигов которого не уложится и в объемную книгу. Тем более, что этот человек с юности был для тебя живым примером доблести и отваги, мужества и стойкости, военной сметки и удивительной храбрости, редкостной душевности и завидной чуткости.

Именно таким для меня был Герой Советского Союза Николай Семенович Герасимов, мой добрый учитель, наставник и боевой друг.

Перебирая в памяти годы, когда мы вместе с ним рука об руку шли по жизни, мне вспомнилось лето 1939 года. К этому времени Николай Семенович был уже Героем Советского Союза, получившим это высокое звание за участие в боях с фашизмом в небе Испании.

1. Воспитание советских ассов

Как сейчас помню, стояла теплая солнечная погода. Наша эскадрилья по тревоге снялась из-под Москвы и двинулась на восток. Куда и зачем — никто не знал. На

шестые сутки поезд остановился на полустанке в Забайкалье, и мы выгрузились.

Аэродром находился почти на стыке монгольской и манчжурской границ. Из-за рубежа веяло горячим дыханием степей. Новенькие самолеты-истребители, пахнущие еще заводской краской, ждали нас.

Лето здесь, как обычно, стояло жаркое и сухое. Ясная погода держалась устойчиво. Летчики, истосковавшиеся за время пути по полетам, с удовольствием садились в истребители и поднимались в воздух. Все понимали, что нам предстоит что-то важное, ответственное. Неизвестность настораживала и приятно волновала.

На третий день получили телеграмму, что к нам вылетает майор Герасимов.

— Коля! — радостно воскликнул один из летчиков, — Герой Советского Союза. Я с ним вместе учился в военной школе. А до этого он работал ткачем в Ишеевке. Это под Ульяновском. Хороший парень, компанейский, прямой. Только резковат. Не любит, когда перед ним темнят. А на баяне играет — заслушаешься!

Летчик улыбнулся и таинственно сообщил:

— Как научился летать, частенько в воздухе устраивал цирк. За эту самодеятельность от начальства ему здорово попадало.

И мы узнали: Герасимов летал мастерски, особенно увлекался высшим пилотажем. Задания на полеты никогда его не устраивали. Он стал добиваться расширения программы учебных полетов. Не разрешили. И тогда он на глазах всего аэродрома продемонстрировал в воздухе все, что только может делать самолет в умелых руках. Начальство похвалило за высокий класс пилотирования, а за нарушение дисциплины — наказало.

— И вот ведут парня арестованного на гауптвахту, — с юмором продолжал рассказчик. — Увидала это его девушка, будущая жена, и спрашивает:

— Коля, ты куда?

— На охоту.

— А где же твое ружье?

— А вон, товарищи сзади несут.

...И вот однажды на аэродром сел самолет. Его встретили командир эскадрильи и я, комиссар. Летчик легко, даже с молодцеватой резвостью спрыгнул на

землю. Рослый, крепкого сложения. В военной гимнастерке, но без всяких знаков различия. Это нас смутило. Непривычно было видеть на истребителе невоенного человека.

Командир эскадрильи четко доложил Герасимову.

— Хорошо рапортуете, — пожимая нам руки, заметил майор с усмешкой, прищуря темные глаза, и сразу спросил: — Ну, как, освоили новые самолеты? Вдоволь налетались?

— Нет. Потребуется еще денька два-три.

— В Монголии дотренируетесь, если самураи позволят. А теперь готовьтесь к перелету.

И вот граница. Расставание с Родиной.

Человек не может равнодушно покидать свою страну, хотя бы и на время. Новые чувства, ранее не испытанные, охватили нас. Вот ушла под крыло станция Оловянная, промелькнула извилистой лентой речка. Наконец, под самолетом проплыл пограничный пункт Соловьевск.

Граница!

Ее следа нет ни на земле, ни в воздухе, она нанесена только на карту. Но всем своим существом осязаешь ее под собой. Невольно оборачиваешься, бросая последний взгляд, сжимаешь управление в руках, как бы безмолвно клянешься быть верным родной земле до конца.

Строй пятнадцати истребителей становится плотнее. Эскадрилью ведет майор Куцевалов.

Конечный наш аэродром находился в Восточной Монголии, недалеко от реки Халхин-Гол. Кругом открытая, пустынная степь. Нашу эскадрилью часто посещал Герасимов. Он, пока не было боевых действий, передавал нам свой боевой опыт. Мы понимали, что одного задора, желания недостаточно для победы. Нужны знания. И с жадностью ловили каждое слово своего учителя.

И вот первый бой.

Солнце уже поднялось в зенит и так раскалило землю, что после трех часов сидения в самолете мне казалось, будто степь начала плавиться, тлеть. Разомлевшее от жары тело стало грузным, из-под кожаного шлема, ставшего горячим, струйками стекал пот, дышать было трудно. И в этот момент два красных шарика взвились над аэродромом. Сигнал означал немедленный вылет всей эскадрильи. Запустив мотор, я увидел, как начала

взлет соседняя эскадрилья. Вслед за ней поднялась и наша.

Эскадрилья красивым, плотным строем устремилась к Халхин-Голу. Все внимание за воздухом. И вот в синеве неба замаячила целая стая самолетов. Вначале мне представилось, что это наши, ранее взлетевшие. Но группа слишком велика — 50—60 машин. И было в их полете что-то непривычное, холодное, зловещее...

Мы повернули на противника.

Вдруг случилось что-то необъяснимое — откуда-то сверху на строй противника свалилась лава самолетов. Внезапность — откуда она, эта лава, с каких высот? (Ведь я, кажется, все видел) — была потрясающей в самом точном смысле этого слова. Удар был так силен, что мне показалось, будто это взрыв какой-то громадной силы разметал вражеский строй, оставив висеть парашюты, да узкие косые жгуты дыма. Как выяснилось после, это группа истребителей, возглавляемая майором Герасимовым, атаковала врага. Все машины завертелись в бешеной пляске. На подмогу атакованным спешила другая группа японцев. Мы развернулись ей навстречу.

Лобовая атака! Все вытянулось в струну, дыхание перехватило...

Но вражеские самолеты выросли передо мной так стремительно, что единственное движение, которое я успел сделать, состояло в нажатии гашеток: я надавил на них инстинктивно, не глядя в прицел; светлые кинжальные тени метнулись в глазах. И все...

Еще не веря, что страшная лобовая атака кончилась так просто, я некоторое время летел в напряженном ожидании: ведь ни я, ни противник — не отвернулся. По крайней мере так мне показалось. Я осмотрелся. Кругом творилось что-то невообразимое: воздух кишел самолетами и блестел огнем. Мне показалось, что небо горит.

Даже мой глаз новичка мог заметить, что противник в беспорядке уходит на свою территорию. Бой завершился бегством противника.

Герасимовская выучка сказалась в первом же бою. И вообще приезд инструкторов резко изменил ход боев в нашу пользу. Трудно переоценить, как много они сделали здесь, на монгольской земле, обучая летчиков умению бить врага.

2. На Курской дуге

Еще ближе Николая Семеновича мне довелось узнать во время боев на Курской дуге. Помню, мы только что возвратились из полета и, сидя на земле рядом со своими самолетами, обедали. Летчики делились впечатлениями об удачно проведенном бое.

Из землянки командного пункта, близ которого мы обедали, вышли командир дивизии полковник Герасимов и командир полка майор Василяка. Разговоры смолкли. Официантка предложила командиру дивизии обед.

Полковник поздравил нас с успешным боем и, взяв тарелку с борщом, сел на землю.

— Ну, как провели бой? — спросил он меня.

Я сказал, что у нас особенно отличился Тимонов.

Летчик вспыхнул, быстро вскочил, поправил под ремнем гимнастерку и, преодолевая смущение в голосе, отчеканил:

— Так точно, товарищ полковник! Двух сегодня прикончил: «юнкерса» и «мессершмитта».

Капитан Рогачев рассказал, как Тимонов только что объяснил свой успех в бою. Николай Семенович от души расхохотался: ведь это его излюбленный метод — бить противника в упор! Именно так учил он нас, молодых летчиков, еще в Монголии в 1939 году. Именно так он учит и сейчас.

В одобрительном смехе комдива мы уловили нотки гордости за летчиков и за свой труд командира-воспитателя. С уважением посмотрел я на своего первого боевого учителя. Занимая большую должность, он в обращении с подчиненными остался прежним: простым, веселым и по-прежнему много летает. Только чуть отяжелел, на смуглом, обветренном лице заметна печать суровой жизни. Испания, Халхин-Гол, участие в походах по освобождению Западной Украины и Белоруссии, война с белофиннами, первые тяжелые дни Отечественной войны, Волгоград, ранения — все это не прошло бесследно...

Мои размышления были прерваны гулом моторов. Взлетела очередная группа истребителей на боевое задание. Командир дивизии с командиром полка, пожелав нам приятного аппетита, поспешили на командный пункт.

Только успели мы взлететь, как последовал приказ: идти под Харьков. Для сбора группы начали, было, над аэродромом делать небольшой разворот, но тут же получили предупреждение:

— Немедленно следовать в заданный район.

Значит, немцы уже над линией фронта. Взяв нужный курс, я пошел на повышенной скорости.

Вся наша шестерка, не успев собраться, растянулась попарно. Боевого порядка нет. Замечаю в небе две стаи «юнкерсов». Набирая высоту, направляемся навстречу. Немцы уже перелетели линию фронта. Спешим. Мотор «яка» работает на пределе, но, кажется, самолет как будто бы уперся в стенку, не хочет следовать за мыслями. Опоздали. И прежде чем успеем сблизиться, «юнкерсы» отбомбятся. А с земли несется и грозный, и тревожный, и умоляющий голос:

— Истребители? Где же вы? Чего путаетесь? Нас бомбят...

И тут я увидел, что первой группе «юнкерсов» мы уже не в состоянии помешать, спешим ко второй, еще надеясь хоть часть самолетов перехватить на выходе из пикирования. Но и этой возможности теперь нет: мешают немецкие истребители. Они дерзко обрушились сверху. Мы вынуждены защищаться. «Мессершмитты», пользуясь тактическим преимуществом, стараются все сделать, чтобы удержать нас в своих «объятиях».

А «юнкерсы», побросав бомбы, с бреющего полета начали обстрел наших войск из пулеметов. Мы парой сковываем истребителей противника, а четверкой с хода прорываемся к бомбардировщикам. Враг сразу, точно по команде, подставил нам свои хвосты. И вот загорелся один «юнкерс», второй, третий...

Преследуя, мы крепко пощипали «юнкерсов». И все же это мало радовало. Противник нанес нашим войскам большой урон.

Кто же виноват в этом? Где ошибка? Чего не сделали, чтобы не допустить «юнкерсов» к цели? Нас обвинили в том, что мы ввязались в бой с истребителями противника и этим дали вражеским бомбардировщикам отбомбиться.

Я попытался, было, объяснить, что мы поздно были подняты. И когда прилетели на фронт, гитлеровцы уже заканчивали бомбометание. Истребители противника нас

атаковали еще на маршруте. Однако все же нам удалось прорваться к бомбардировщикам и сбить семь самолетов. Но меня никто не хотел слушать.

И вот прибыл командир дивизии Герасимов. Разобравшись, почему не сумели перехватить своевременно противника, он заявил:

— Плохо получилось. И все же я вас не обвиняю. Трудно, конечно, предупредить все действия противника на таком огромном фронте. И все-таки я бы на вашем месте собрал группу, а не полетел парами к фронту. «Мессера» же всех вас могли перещелкать поодиночке.

— Нас торопили! — вставил я.

— А у вас своей головы на плечах разве нет? — вскипел полковник. — Думать надо. Пора знать, что без боевого строя нельзя драться...

Герасимов тут же спокойно, даже с некоторой иронией заметил:

— Полетели «тузы» полка, а «мессершмиттишки» попались слабочки. Это вас и выручило. Смотрите же, впредь такого не допускать. Сила истребителей — в маневре и взаимодействии. Если этого нет, то нет в воздухе и истребителей. Понятно?

Он помолчал, а потом, окинув всех задорным взглядом с лукавинкой, улыбнулся:

— А сейчас лечу вместе с вами... И, помолчав немного, сказал раздумчиво, как бы размышляя вслух:

— Учи показом, а не указом. Попомните на будущее.

Этой фразой Николай Семенович подчеркнул главное в своей работе по подготовке летчиков. Он всегда учил нас на примере.

3. В небе над Днепром

Под командованием Николая Семеновича мне посчастливилось воевать в небе и над Днепром, во время освобождения Киева от фашистских захватчиков.

Вспоминаются такие эпизоды. Командир эскадрильи Николай Худяков только что возвратился с полета и докладывал начальнику штаба полка майору Матвееву данные разведки. Начштаба торопливо наносил на свою рабочую карту все, что говорил летчик. На карте

километрах в шестидесяти южнее Киева на правом берегу и излучине Днепра тянулась красная линия наших войск. Это Букринский плацдарм, названный так по двум населенным пунктам — Малый и Великий Букрин. Здесь шли жестокие бои на земле и в воздухе, сюда-то по докладу Худякова и двигались фашистские танки, пехота и артиллерия.

Майор задал летчику еще несколько уточняющих вопросов и поспешил на командный пункт. А мы пошли обедать.

В разгар обеда шумно подъехал начальник штаба полка. Предстоял срочный вылет на прикрытие штурмовиков, которые должны нанести удар по скоплению танков и пехоты противника.

Готовых к вылету набралось только шесть «яков». Остальные еще не успели заправиться бензином.

— Может, минут десять подождем остальных? — посоветовал я, застегивая шлемофон.

— Нет, нет! — решительно заявил начальник штаба. — Я командиру дивизии об этом уже докладывал. Приказал вылетать немедленно: нужно нанести удар по противнику, пока он еще на исходных позициях.

И вот две пятерки «илов» одна за другой плывут плотным строем. Над ними ступеньками — мы, истребители. Выше всех — пара летчика Николая Пахомова. Ее задача — не дать противнику сверху напасть на нашу четверку «яков». Мы же не должны пропустить к «илам» ни одного вражеского истребителя.

Километрах в пятидесяти от Днепра Пахомов нас предупредил:

— Вижу четверку «мессов».

Немецкие истребители в голубизне неба еле-еле виднеются тонкими штрихами. Враг идет с нами одним курсом. Значит, уже обнаружил и вот-вот бросится в атаку. Но нападения нет. Странно.

«Мирный» полет «мессершмиттов» насторожил нас. Было ясно, что «мессера» что-то затевают каверзное.

Впереди в дыму и огне виднелся крутой правый берег Днепра. А фашисты летели все так же «мирно». И вдруг ниже нас встречным курсом пронеслась шестерка истребителей. Их вызвала «мирная» четверка. Раньше «мессера» всегда старались быть выше нас, сейчас — ниже... Необычно. Нет ли противника еще?

Шестерка «мессеров» круто развернулась, целясь ударить нас в хвост. «Мирная» четверка стремительно неслась сверху. Фашисты решили, видимо, одновременным ударом в двух направлениях отсечь нас, истребителей, от штурмовиков, разбить, а затем расправиться с «илами». Расчет на силу. Их десять, а нас шестеро. Замысел врага ясен. Нужно только обороняться и ни при каких обстоятельствах далеко не отходить от штурмовиков. Главная опасность кроется в нижней группе «мессершмиттов».

Родился план боя: Пахомов со своим ведомым отбивает атаку верхних «мессершмиттов», наша четверка — нижних.

— Понятно! — отрывисто уведомляет Пахомов, уже загораживая к нам путь верхним «мессерам».

А шестерка «мессеров» уже настигла нас сзади.

— Игорь, за мной! — передаю Кустову и резко ухожу от «илов» со снижением в сторону, набирая высоту для быстрого маневра. «Мессершмитты», решив, что мы спасаемся бегством, нас не преследуют, а устремляются к штурмовикам. Этого-то нам и надо. С земли беспокоятся за успех боя:

— Маленькие, почему бросили «горбатых»? (так на фронте иногда называли штурмовиков за их высокую кабину).

— Сейчас возвратимся, не волнуйтесь! — и снова все внимание на вражеской шестерке, быстро сближающейся с «илами».

А если сейчас на нас нападет какая-нибудь случайная пара истребителей противника? Не сдобровать. Маневр не удастся.

Внимательно просматриваю небо. Пока новой подмоги противника нет. Хочется скорее атаковать шестерку! Но еще рано: можно только спугнуть, но не разбить. А нужно обязательно хоть одного фашиста да уничтожить. Другие тогда могут на некоторое время оставить нас в покое. Две-три секунды медлю. И медлить тоже опасно, а вдруг да опоздаем с атакой, и гитлеровцы откроют огонь по «илам»? Растет нетерпение. Спокойно! Но в такие минуты спокойным быть трудно.

— Истребители! — сообщает кто-то из штурмовиков. — Куда отскочили? Нас атакуют!

И прежде чем повернуть на противника, замечаю, как

на нас сверху, из-за облаков, высыпались еще три пары «мессершмиттов». Все во мне вздрогнуло. Скорее на «мессов», берущих уже в прицел штурмовиков. Нужно успеть! Во что бы то ни стало успеть атаковать раньше, чем будем атакованы сами верхней шестеркой.

Резкий поворот. У нас большая скорость, и мы вчетвером моментально настигли вражеских истребителей. Мне видно, как Кустов ловко присосался к одному «мессершмитту» и вот-вот срежет его. Вражеские истребители, увлекшись атакой, летели в прежнем порядке. Я беру на прицел змеевидное тело «мессершмитта». Оно на мушке. Но для надежного поражения этой гадины нужна голова. И вот ее желтый нос в центре серебристого перекрестия. Нажимаю на кнопки пушки и пулеметов и тут же отскакиваю.

В воздушном бою часто секунда, нет, даже мгновение решают успех атаки. В такие моменты не до осмотрительности, тут вздохнуть некогда. Этот момент миновал. Достигли ли своей цели?

Наши штурмовики в прежнем строю уже пересекли Днепр и начали снижаться для удара. Сейчас они перестроятся в боевой порядок — «круг» и получат лучшую возможность обороняться. Из атакованной нами шестерки «мессершмиттов» один вспыхнул и закувыркался вниз; второй врезался в правый берег реки и взорвался. Остальные четыре разметались в небе. Шестерка, которая вывалилась из-за облаков, угрожающе повисла над нами, ожидая удобного момента для нападения. Четверка гитлеровцев продолжает клевать пару Пахомова. Тимонов со мной рядом, пятый «як» подальше. А где же шестой? Не он ли врезался в землю? Нет! Я хорошо видел, что это был «мессершмитт»... Вот он! Лазарев погнался за фашистскими истребителями. Как некстати...

В этот момент из вражеской шестерки, висевшей над нами, пара бросилась за Лазаревым, а четверка на меня и Тимонова.

Тут же вдали, со стороны вражеской территории, появилась большая группа самолетов. Летело несколько косяков фашистских бомбардировщиков и с ними, широко расплывшись, стайки истребителей. Один косяк Ю-87 совсем уже близко и разворачивается на бомбометание с пикирования. Ясно: гитлеровцы решили массирован-

ным бомбовым ударом поддержать свою атаку на земле. А мы, скованные боем, не можем им помешать.

Положение резко ухудшилось. От пришедшей армады на нас ринулось несколько пар вражеских «фоккеров». Хорошо хоть, что «илы» сходу накрыли скопище фашистов бомбами и теперь, поливая свою цель пушечно-пулеметным огнем, встали в боевой порядок — «круг», облегчив этим наши действия. Мы получили возможность вести бой на виражах, так сейчас выгодных для нас. Пара Пахомова этим воспользовалась и спустилась к нам, попутно сбив «мессершмитта». Немецкие истребители все отпрянули вверх, образовав тоже «круг». Мы, находясь под штурмовиками, только отбивались, внимательно следя, чтобы вражеские истребители не прорвались к «илам».

Первая группа «юнкерсов», пройдя высоко над нами, начала уже бомбить. На подходе еще несколько таких групп.

Кто им преградит путь? Исчезли и Кустов с Лазаревым. Куда они смогли деваться? А как с бомбардировщиками? Они теперь могут все беспрепятственно высыпать свой груз на небольшой кусочек правого берега Днепра, с таким трудом отвоеванный у фашистов. Взгляд скользнул вниз. Берег словно раскололся, и из глубины недр хлестнул огонь. Все в дыму...

Вражеские истребители, очевидно, опасаясь, что мы помешаем их бомбардировщикам, настойчиво стараются расправиться с нами и прорваться к штурмовикам. Сколько еще мы можем продержаться? А впереди предстоит самый ответственный этап прикрытия «илов»: они выполнят свою задачу, разорвут «круг» и пойдут на свой аэродром, вытягиваясь в колонну. В этот момент они наиболее уязвимы. Гитлеровцы сейчас только этого и ждут.

Несколько «мессершмиттов» начали подбираться к нам снизу. Опасаясь, что так они могут к кому-нибудь подкрасться и сбить, запрашиваю:

— Горбатые, скоро ли?

— Кончаем! — слышу спокойный ответ командира штурмовиков. От этого голоса и нам становилось легче.

«Илы» разорвали свой «круг» и начали вытягиваться в колонну. Я жду, что немецкие истребители с неистовой напористостью бросятся на штурмовиков, и предупреж-

даю летчиков об этом критическом моменте. Но фашистов точно ураганом подбросило вверх, и они в беспорядке разметались по небу. Что такое? Не хитрость ли какая? О, нет! По ним с высоты ударила какая-то пара «яков». Всего только пара. Кто это?

— Не опоздали? — слышу Игоря Кустова, который проносится мимо меня и тут же вместе со своим напарником устремляется ввысь на головную подходящую группу «юнкерсов». Мгновение — и один бомбардировщик взорвался. Оба «яка» с задранными носами в небо потеряли скорость и беспомощно зависли. Пара «фоккеров» бросилась на них. Мы с Тимоновым поспешили на помощь, направив вверх свои машины. Но, увы, нет скорости. Мой «як» тоже беспомощно повис. Пока не свалился, скорей стрелять! Может, удасться отогнать «фоккеров»... «Фоккера» отскочили. Но мой истребитель вышел из подчинения, готовый вот-вот рухнуть камнем вниз. Рядом в таком же положении Тимонов. Вижу, как несколько «мессершмиттов» уже несутся на нас. Шурую рулями. Самолет ни с места: потеряна скорость — потеряно и управление, но «як» еще по инерции держится в воздухе. Секунда — и он свалится. Мы с Николаем — мишени...

Мой «як», выйдя из подчинения, не спешит сам изменить положение. Вот уже один «мессершмитт» несется на меня, за ним второй. А там вдали «яки» мчатся нам на помощь... Успеют ли? Вся надежда на них... Мгновение. А как оно ощутимо и бесконечно!.. Кругом хлещет огонь. Или «мессершмитты» расстреляют нас, или они раньше погибнут сами?.. Ожидание. Кто кого?..

И наши успели.

Выручил Герасимов, прилетевший с новой группой истребителей. В небе за какие-то полминуты стала совсем иная картина. Наперерез «юнкерсам», оставляя за собой белесые струи, метеорами мчатся истребители «лавочкины» и «яки». Секунды — и они волна за волной начали накрывать бомбардировщиков. Массивные туши «юнкерсов» заметались по небу. Засверкал огонь. Падают бомбы, падают горящие самолеты. Вот надо мной качается белый купол парашютиста, рядом с ним кометой с дымчатым хвостом кувыркается «юнкерс». Обгоняя его, чадя, отвесно к земле скользнул «мессершмитт». А за ним, окутанный пламенем и чернотой, пикирует «ла-

вочкин». Кажется, горят не только самолеты, но и сам воздух.

А штурмовщики, выполнив свою задачу, уже взяли курс домой, собираясь снова в пятерки. Мы всей шестеркой рядом. Навстречу нам в высоте важно и грозно плыла колонна наших бомбардировщиков. Ниже их летели новые группы штурмовиков...

* * *

Николай Семенович был любимым нашим командиром и товарищем. Мы с ним мечтали вместе закончить войну и отпраздновать победу в Берлине. Но сложилось так, что не смог он вместе с дивизией дойти до Берлина. В конце войны был отозван с фронта и направлен на Дальний Восток. Его опыт, знания требовались для подготовки нового отряда летчиков.

После окончания Отечественной войны Герасимов все свои силы отдавал воспитанию молодых авиаторов. Но здоровье, подорванное в боях, стало сдавать. Десять фронтовых ранений не прошли бесследно. Николай Семенович умер в 1960 году, не прожив и пятидесяти лет.

Вся сознательная жизнь этого замечательного человека, коммуниста, командира, воина, героя была целиком отдана Советской Армии. И всегда он был в первых ее рядах. А тот, кто идет в боях впереди, принимает на себя самые сильные удары врага.

Николаю Семеновичу Герасимову, одному из первых среди крылатого племени, пришлось столкнуться с фашистскими пиратами в небе Испании. Он первым вступил в борьбу с японскими захватчиками. Он первым принял удар гитлеровской фашистской армии. В борьбе за честь, свободу и независимость нашей великой Родины он всюду был первым.

Наша молодежь, воспитанная людьми, о которых сейчас говорят: «Они были первыми», с достоинством несет эстафету старшего поколения.

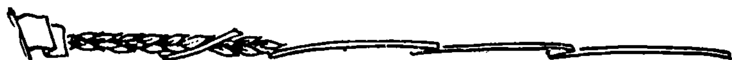
Об этом первого июля 1963 года хорошо сказал старший сын Николая Семеновича летчик-истребитель капитан Олег Герасимов:

— Мы, представители молодого поколения, стараем-

ся не только сохранить, но и умножить боевую славу наших отцов.

И в этом ни один советский человек не сомневается. Сыновья поколения Герасимовых, штурмующих космос, достойны своих отцов.

М. Кошкин

НЕПОКОЛЕБИМАЯ СТОЙКОСТЬ

Майору Борису Андреевичу Кротову, командиру кавалерийского полка, звание Героя Советского Союза присвоено не за один какой-либо подвиг, а за многие отважные схватки с гитлеровцами в первые месяцы войны. Он зарекомендовал себя в полку опытным и волевым командиром, отважным и мужественным кавалеристом.

Непродолжителен был боевой путь этого храброго командира — не многим больше месяца. Но и за этот срок он сумел совершить ряд подвигов в жесточайших боях с вооруженным до зубов противником.

«Смелый, знающий и расчетливый командир, отличный знаток своего дела и чуткий, внимательный товарищ», — так характеризовало командование майора Кротова.

Другим замечательным качеством Кротова была готовность к самопожертвованию во имя счастья советского народа, во имя любимой Родины, которой он был предан до самого последнего вздоха.

Описание боевых подвигов Бориса Андреевича заня-

ло бы не один десяток страниц, но мы коротко расскажем об одном, в котором ярче всего проявились мужество и стойкость нашего земляка, уроженца села Чириково Барышского района.

Это было в августе 1941 года. Части Советской Армии с кровопролитными боями отступали на восток, в глубь страны. Кавалерийский полк, которым командовал майор Кротов, держал оборону на одном из главных участков Литовского шоссе, чтобы обеспечить отход других кавалерийских полков, сражавшихся с превосходящими силами гитлеровцев.

Во второй половине дня 21 августа противник открыл ураганный огонь по участку обороны полка майора Кротова. Спокойно и уверенно отдавал командир полка приказы, на каком участке сосредоточить огонь артиллерии, куда подтянуть резервы.

Обстановка на поле боя была тяжелая. Кротов не покидал свой наблюдательный пункт полуоткрытого типа ни на минуту: гитлеровцы с ожесточением рвались вперед, стремясь смять обороняющихся своим превосходством в живой силе и особенно технике. Но Кротов оставался спокойным. Вдруг к нему прибежал связной с донесением.

— Товарищ майор, во втором эскадроне прямым попаданием снаряда убиты лошади и семь человек, в том числе командир эскадрона...

Вскочив на коня, командир полка вихрем помчался в район обороны второго эскадрона. Фашисты продолжали вести ураганный огонь по этому участку. Совсем рядом разорвался снаряд, лошадь взвилась на дыбы и дико заржала. Взрывом Кротова оглушило и выбросило из седла. Но каким-то чудом он остался жив. Не мешкая, Кротов побежал по траншее.

Увидев командира полка, бойцы обрадовались, подтянулись, воспрянули духом, быстро заняли свои места в боевом порядке эскадрона. Теперь их оставалась небольшая горстка. Но все они старались быть ближе к командиру полка, словно он мог избавить их от нависшей смертельной опасности.

— Всем подготовиться к отражению атаки врага! — подал команду Кротов.

Вокруг все клокотало. Отважные кавалеристы решили умереть, но не пропустить врага. Тем временем на-

ступили сумерки. Собрав вокруг себя бойцов, майор Кротов объяснил положение и в заключение сказал:

— Фашистские танки и здесь не должны пройти!

В это время послышался нарастающий гул моторов: танки противника двинулись в атаку. Земля окуталась пороховым дымом, гудела от разрывов снарядов. Четыре танка с черными крестами на бортах все ближе и ближе подходили к окопам, где находился командир полка. За танками следовала гитлеровская пехота. Фонтанами взлетала земля от разрывов вражеских снарядов. В этот критический момент Кротов подал команду:

— Приготовить гранаты! Пулеметчикам отрезать пехоту от танков! — и сам первым взял в обе руки противотанковые гранаты.

Фашистские танки стремительно приближались к позициям эскадрона. Одна машина двигалась прямо на майора. Вот она уже совсем близко. Кротов, выждав момент, когда танк, взбираясь на пригорок, подставил гусеницу под удар, бросил гранату. Грозная машина беспомощно завертелась на месте. Меж тем еще два танка подошли совсем близко. Командир полка вновь бросил гранаты. Его примеру последовали и бойцы. Железные коробки крестатых чудовищ вспыхнули. Атака захлебнулась. Наступила передышка. Но она была непродолжительной. Через час фашисты снова рванулись в атаку. Майор Кротов со связными занимал оборону на самом опасном участке.

Собрав остаток сил, гитлеровцы ввели в бой все что могли. Артиллерийский огонь врага с небывалой силой обрушился на наши окопы. Создалась угроза прорыва нашей обороны вражескими танками. Подняв высоко над головой связку гранат, майор встал во весь рост и метнул их под гусеницу головной машины. Раздался оглушительный взрыв, и танк со свастикой остановился. Но в это время что-то острое, горячее ударило в грудь Кротова, в глазах у него потемнело, небо быстро-быстро закружилось, и он упал замертво...

Гибель любимого командира еще больше ожесточила советских воинов.

— Вот вам, гады, за нашего командира! — кричали кавалеристы и бросали гранаты под гусеницы фашистских танков.

Бой продолжался. Не обращая внимания на град

пуль, советские солдаты выскакивали из окопов и забрасывали гранатами танки гитлеровцев. Горело уже несколько машин. Землю устилали сотни вражеских трупов.

Долго рвались гранаты бойцов-кавалеристов, глухо хлопали выстрелы, зло строчили пулеметы... Высоту, господствующую над шоссе, и на этот раз гитлеровцам взять не удалось. Кавалеристы майора Кротова стояли здесь насмерть!

Родина высоко оценила боевые заслуги командира кавалерийского полка. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 9 ноября 1941 года майору Б. А. Кротову было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Н. Кузминский

У РАЗВИЛКИ ДОРОГ

Стоял октябрь сурового сорок первого года... Широкое поле изрыто траншеями, испещрено воронками, исполосовано гусеницами тягачей. Враг рвался к Москве. Где-то неподалеку, за окаймляющими поле лесными массивами, раскинулся город Волоколамск. За ним — Москва.

Через поле бегут три дороги. У опушки они сливаются в одну. Как в сказке. Только в сказке гораздо проще. А здесь по какой из трех дорог не иди — обязательно столкнешься с гитлеровскими полчищами.

Да, по всем трем дорогам движутся на восток танковые соединения генерала Гудериана. Три дороги сливаются в одну. Она ведет к сердцу нашей Родины — Москве...

Здесь у развилки этих дорог, рядом с Волоколамском, занял оборону истребительный противотанковый артиллерийский полк, чтобы огнем своих орудий остановить врага. Не обращая внимания ни на холодный дождь, ни на изматывающую липкую, как остывающая смола, грязь, артиллеристы маскировали орудия, ры-

ли землянки и хода сообщений, запасались снарядами и гранатами, тянули телефонные провода к наблюдательным пунктам и в штабы. Нужно было спешить: враг был уже близко. Бой предстоял ожесточенный.

Командование полка знало, что для разгрома танковых войск Гудериана сил одного полка мало. Сотни танков не остановить пяти батареям по четыре орудия в каждой. Но обескровить неприятеля, уничтожить часть его техники и задержать продвижение врага — можно. И полк готовился к выполнению поставленной перед ним задачи.

Три дня не показывались фашистские танки на истоптанном поле. Три дня и три ночи совершенствовали свою оборону артиллеристы, увязая в грязи, мокрые от пота и холодного, со снегом дождя. Полк построил мощную оборону и был готов к встрече врага.

Наступило утро четвертого дня.

Тучи рассеялись. Все вокруг было залито яркими лучами солнца. Артиллеристы сидели на брустверах у пушек, делились махоркой и в ожидании завтрака разговаривали. В такое чудесное утро хорошо было вспомнить родные места.

— Вот и у нас, в Ульяновской области, леса, как здесь, — обращаясь к товарищам, говорил молодой радист 5-й батареи полка Петр Стемасов. — И земля такая же. Гляжу вот на поле и кажется, что где-то у нашего села такое местечко видел. Точь-в-точь такое! Даже березка у дороги.

Все посмотрели на одиноко стоящую у разбитой дороги березку и удивились: до сегодняшнего утра никто ее не замечал! А она — тоненькая, прямая-прямая, с роскошным пучком красновато-коричневых веточек, стояла среди вымоин и грязи, белея стройным стволом — такая родная, красивая, будто вымытая и расчесанная чьими-то ласковыми руками...

В это время над лесом показался немецкий воздушный разведчик — двухфюзеляжный самолет, окрещенный солдатами презрительным названием «рама». Он приближался к скрещению дорог, кружился над опушкой леса.

По тому, что немецкий разведчик нисколько не заинтересовался полем и пролетел к находящемуся позади селу, было ясно: все батареи полка замаскированы

хорошо, противник их не заметил. «Рама» долго кружилась над селом, сбросила несколько пачек листовок и скрылась за горизонтом.

Артиллеристы ждали появления вражеских войск. Однако уже близился полдень, потом солнце начало клониться к западу, а на дорогах никто не появлялся.

— Еще один день передышки, — радовались бойцы.

Но их радость была обманчивой. К вечеру на дорогу, охраняемую пятой батареей, из леса выскочили три легких вражеских танка. Это были разведчики. На большой скорости они двигались через поле к селу, очевидно, считая, что дорога к селу свободна.

— К орудиям! — скомандовал лейтенант Беляков.

Артиллерийские расчеты мгновенно заняли свои боевые места, приготовились. Грозные стволы пушек медленно поворачивались вправо, словно чудовищные магнитные стрелки. Наводчики взяли вражеские машины на прицел.

Когда фашистские разведчики приблизились на двести метров, прозвучала команда: «Огонь!» Все четыре орудия пятой батареи выстрелили почти одновременно. Передние два танка резко остановились. Над первым к вечернему небу взвился черный шлейф дыма, второй волчком завертелся на месте, оставив в грязи разорванную гусеницу. Третий, круто развернувшись на месте, стремительно помчался обратно, свернул в придорожные кустарники и скрылся. Из подбитых танков выскакивали ошалевшие танкисты. Они плюхались в грязь, пытались уползти. Артиллеристы взялись за карабины. Через несколько минут с экипажами подбитых танков было покончено.

Радист Стемасов передал сообщение о происшедшем в штаб полка.

Рано утром, как только взошло солнце, небо загудело от рева вынырнувших из-за горизонта вражеских бомбардировщиков. Они повисли над селом, по очереди переходя в пике и забрасывая село бомбами. Запылали избы, в синее небо взметались языки взрывов, над лесом черными тучами поплыли клубы дыма. Начав с села, фашисты квадрат за квадратом бомбили дорогу к лесу, приближаясь к опушке, вдоль которой шла линия обороны артиллерийского полка. Золотисто-багряный осенний лес превращался в черное нагромо-

ждение древесных стволов — истерзанных, лишенных ветвей, перемешанных с землей и грязью.

Скоро бомбы посыпались на пятую батарею. Лейтенант Беляков приказал всем укрыться в блиндажи.

Выглянув из землянки, радист Стемасов увидел, что от пылающего стога соломы загорается кузов тягача. Машина не должна погибнуть! Без тягача не увезти тяжелую пушку. И Стемасов, забыв об опасности, кинулся к машине. На огонь полетела шинель. За нею комья земли и грязи. Огонь отступил. Стемасов рывком открыл дверку кабины. Ободренный его примером, к машине уже бежал водитель, впервые очутившийся под бомбежкой. Теперь и ему не было страшно. Вместе с Петром он забрался в кабину, и они вывели машину в безопасное место. А бомбы рвались вокруг, их осколки с лязгом ударялись о тягач. В самом конце пути, уже среди деревьев, один из осколков повредил что-то в моторе и он заглох.

— Тут не опасно! — сказал водителю Стемасов. — Ремонтируй, браток!

И Стемасов нырнул в ближайший ход сообщения.

Когда радист подполз к блиндажу, лейтенант Беляков шагнул к нему навстречу. Но в этот миг бомба разорвалась у второго орудия. Беляков выскочил из укрытия и бросился к пушке, желая убедиться, цела ли она. Следующая бомба легла почти рядом. Стемасов бросился на помощь командиру. В облаке дыма и земли он увидел распластанное у колеса орудия тело Белякова. Подхватив на руки тело командира, Стемасов прыгнул в свежую, еще горячую воронку. К счастью, командир был жив. Он потерял сознание от сильной контузии. Через несколько минут с помощью Стемасова лейтенант пришел в себя.

Командир батареи и Стемасов решили, выбрав удобный момент, прорваться под огнем к блиндажу. Но стоило им подняться над краем воронки, как оба тут же прижались к земле: у четвертого орудия горели ящики со снарядами!

— Назад! — приказал лейтенант радисту. — Сейчас будут рваться!

За грохотом взрывов авиабомб и воем бомбардировщиков Стемасов не слышал слабого голоса лейтенанта. Перед ним возникла картина страшной угрозы,

нависшей над батареей. Снаряды могли начать рваться сию же минуту. Раздумывать некогда! И Петр кинулся к ящикам. Опять пришла на выручку земля. Ею удалось присыпать, потушить снарядные ящики.

На помощь Стемасову кинулся было и Беляков. Но острая боль в голове свалила его на первом же шагу. Он покатился обратно в воронку.

«Это результат контузии», — догадался лейтенант и снова пополз, превозмогая боль, на помощь бойцу. Успех решали секунды. Стемасов сумел выиграть их. Когда Беляков опять появился над краем воронки, радист уже стоял около потушенных ящиков и выпачканными в грязи руками стирал с лица пот. В то же мгновение позади Стемасова возник огромный султан взрыва. Воздушная волна ударила лейтенанту в лицо. А Стемасов исчез под комьями грязи и горячей земли. Слой, придавивший его, оказался нетолстым. Несколько усилий — и над головой появилось небо. Вокруг стояла непривычная тишина.

Отбомбившись, вражеские самолеты улетели и больше не возвращались. Но тут же им на смену гитлеровцы пустили в ход артиллерию. Тяжелые снаряды натужно сверлили воздух и падали далеко позади расположения советского артполка, наполнив лес глухими разрывами.

— После артподготовки появятся танки, — предупредил батарейцев Беляков. — Приготовиться к отражению танковой атаки.

Еще рвались в лесу снаряды, когда в небо взвилась зеленая ракета. Это наблюдатели предупреждали свой полк о приближении врага. А еще через четверть часа показались первые фашистские танки. Они приближались сразу по всем трем дорогам.

Артиллеристы насторожились, помня приказ: открывать огонь только с близких дистанций, каждым снарядом бить только наверняка. Вражеские танки были уже близко. Их много...

— Не стрелять! — повторил Беляков. — Подпустим еще ближе...

Но соседняя батарея не выдержала и открыла огонь.

— Напрасно! — с досадой крикнул Беляков, повернувшись в их сторону.

Немецкие танки, как по команде, повернули ство-

лы своих пушек в сторону обнаружившей себя батареи и ударили по ней. Передние машины свернули с дороги, вероятно, получив задание раздавить батарею гусеницами.

И в то же мгновение раздалась команда Белякова:

— Огонь!

Все четыре орудия дали первый залп по врагу.

— Ура! — покатилось по батарее.

Первым залпом артиллеристы метко сразили два фашистских танка.

Завязался жестокий, неравный бой.

У четвертого орудия, оставшегося без расчета, стояли радист Стемасов и санитар Ботвин. Они посылали снаряд за снарядом в гущу фашистских танков. Меткими выстрелами они подбили уже три машины, когда разорвавшийся рядом фашистский снаряд разбил накатник орудия...

Оставив пришедшее в негодность орудие, Стемасов заменил убитого товарища в расчете сержанта Павличенко.

Мелко дрожит под ногами земля, в ушах не умолкает грохот и вой, все вокруг окутано огнем и дымом. А танки идут и идут. Многие из них пылают; другие замерли на разорванных гусеницах. Но еще большее количество их продолжает ползти. Немцы пытаются поскорее прорваться сквозь огненный заслон советского противотанкового полка и скрыться в лесу. Они ожесточенно отбиваются, отдельные группы переходят в атаки. Вот впереди десятки машин развернулись в боевой порядок и идут прямо на пятую батарею лейтенанта Белякова. Но меткий огонь советских орудий вынуждает их метаться по полю, терять все новые и новые машины.

— Танки обходят с тыла! — крикнул кто-то лейтенанту. — Двенадцать машин.

Беляков оглянулся.

Да, двенадцать машин, скрываясь за мелким кустарником опушки, обошли батарею и сейчас выползали на открытое поле.

— Стемасов, ко мне! — приказал командир. — Разверни первое орудие и отбивай!..

— Есть! — ответил Стемасов и побежал к орудию, у которого оставался всего лишь один заряжающий. Но

и он через несколько секунд упал на землю с пробитой осколком грудью.

Вместе с ранеными бойцами Стемасову удалось развернуть орудие в сторону наступающих танков и открыть огонь.

На помощь Стемасову прибежал Беляков.

— Каждому по шести! — попытался шутить лейтенант.

И действительно, через короткое время пять из двенадцати танков были подбиты. Остальные повернули обратно и исчезли в лесу.

Вскоре все орудия батареи оказались разбитыми. Пришлось отбиваться гранатами. Из штаба полка передали приказ: батареям покинуть позицию и скрыться в лесу.

Огонь единичных огневых точек полка прекратился. Казалось, что на поле боя не осталось ни одной души.

А танки все шли и шли по дороге. Не встречая сопротивления, немцы решили, что с батареями русских покончено.

Когда с батареи унесли последнего раненого, Стемасов решил забежать в штабной блиндаж, чтобы забрать полевую радиостанцию. Тем временем, не заметив его отсутствия, лейтенант Беляков с остатками своего подразделения все дальше углублялся в лесную чащу. И когда Стемасов с радиостанцией на спине опять вернулся к месту, где недавно оставил товарищей, там уже никого не было.

Ничего. Догоню, — решил он.

И тут его взгляд остановился на брошенном соседней батареей орудии. Оно стояло в окопе, повернутое стволом в сторону леса.

Стемасов решил осмотреть брошенную пушку, чтобы проверить, не сможет ли враг использовать ее. К удивлению радиста, пушка оказалась исправной. Даже затвор остался на месте, хотя отсутствовало прицельное приспособление.

«Некому было даже затвор вынуть», — вспомнив, какой шквал огня обрушился на четвертую батарею с самого начала боя, подумал Стемасов.

Оставив в окопе радиостанцию, Стемасов решительно подошел к орудию. Рядом с ним лежало пять бронебойных снарядов.

«Маловато, — с холодным спокойствием подумал солдат. — Ну, да ничего».

Чтобы открыть огонь по дороге, по которой продолжали двигаться вражеские танки, орудие нужно было повернуть почти на полкруга. Стемасов подошел к концу станины, уцепился руками. Станина не сдвинулась.

В блиндаже удалось разыскать лом. С его помощью он повернул орудие в сторону врага.

Зарядив пушку, Стемасов на глазок навел ее на ближний танк и дернул шнур. Грянул выстрел. И следом за ним танк остановился на месте и окутался черным дымом. В тот же миг за спиной Петра раздался торжествующий крик. Он оглянулся. Из лесу к нему на подмогу бежал незнакомый артиллерист, размахивая панорамой.

— Молодчина! — восхищенно сказал боец Стемасову. — Давай-ка пристроим эту штуковину, тогда дело пойдет еще веселее.

Действительно, с панорамой дела пошли лучше: оставшимися снарядами храбрецы подбили еще два танка. Снаряды кончились...

— Где-нибудь найдем! — решили Стемасов и его помощник Неронов.

Они кинулись к ближайшим землянкам. Там Неронов наткнулся на присыпанные взрывом ящики. В них лежали снаряды. К сожалению, бронебойных не оказалось. Такими танк не уничтожишь.

— За танками должна появиться пехота, — сказал Неронову Петр. — Подождем?

— Подождем!..

Они притаились у пушки. Перед ними расстилалось окруженное лесом поле, изрытое бомбами, снарядами и гусеницами. На нем чадили догорающие танки. Более тридцати разбитых машин насчитал Стемасов впереди обороны своей батареи. Одиннадцать из них подбил он сам.

Через некоторое время, как и предполагали солдаты, появилась голова пехотной колонны. Немцы шли спокойно, уверенные в том, что прошедшие впереди танки очистили дорогу от советских подразделений.

Как только голова колонны приблизилась на верный выстрел, два советских солдата открыли по ней шрапнельный огонь. Более часа длился неравный бой между

полком немецкой пехоты и двумя храбрецами. Немцы поднимались в атаку, но тут же падали, не выдерживая губительного огня. Но у советских солдат кончились снаряды. Прихватив панораму и вынув затвор, Стемасов с товарищем исчезли в лесу. Отдохнув, Стемасов и Неронов решили догонять свои батареи.

Не отошли они от места отдыха и километра, как из молодой сосновой поросли вышел Беляков. Он был ранен. Стемасов доложил командиру о бое с пехотой и танками.

— В батарее решили, что ты погиб, — сказал лейтенант Стемасову. — Вдруг слышу голосок нашей пушки. «Ну, — думаю, — ты это». Укрыл бойцов в удобном местечке, а сам, как видишь, вернулся. Только идти тяжело. Ногу покалечило малость.

— Жалко пушка осталась, — заметил Неронов. — Увезти бы ее. Панораму и затвор мы прихватили.

— Дело говоришь, — поддержал бойца Беляков. — Увезти. Только как? У нас один тягач уцелел. Но там ведь кругом теперь немцы.

— Ночью! — ответил Стемасов. — Разрешите, товарищ командир. Увезем! И не дожидайтесь нас. Мы догоним.

Беляков разрешил Стемасову, Неронову и водителю тягача остаться и попытать удачи, а сам, опираясь на палку, ушел. Вскоре после его ухода по еле приметной лесной дороге к позициям батареи подъехал тягач. Три советских бойца укрылись в подлеске и начали дожидаться темноты.

С наступлением сумерек артиллеристы выползли на опушку. Фашистов там не было. Стемасов с товарищами осторожно прицепил к тягачу пушку, из которой недавно расстреливали врага, и утащил ее в лес. Теперь предстояло догнать свою батарею.

Однако их подстерегала неудача. В трех километрах от села Еснново тягач и пушка глубоко увязли в трясине. Ночь прошла в напрасных попытках вырваться из коварной ловушки. Оставалось одно: бросить тягач и пушку, а самим уходить.

— Утро вечера мудренее, — решили артиллеристы. Они забрались в кузов тягача и уснули.

...Двое суток пробыл Стемасов с товарищами в лесу. Двое суток все трое придумывали десятки планов

спасения машины и орудия. Однако все они были неосуществимы. И только на третий день в селе посчастливилось встретить железнодорожника. На следующий день он привел с собою более двадцати человек укрывающихся в лесу мужчин. Все они были преклонного возраста.

— Освободим вам пушку, сынки, обязательно освободим, — говорили старики артиллеристам.

Завизжали пилы, зазвенели топоры. Вскоре с помощью рычагов и настила тягач выбрался на твердую почву. За ним была спасена и пушка.

Артиллеристы тронулись дальше. По глухим лесным дорогам в тылу врага они упорно пробирались к своим, рискуя наткнуться на вражеские заслоны и погибнуть. На седьмые сутки Стемасов с друзьями проскользнул через линию фронта и оказался в городе Истре, где находился родной полк и где дожидался их возвращения лейтенант Беляков...

Впереди предстояли новые жестокие битвы с врагом. До последнего дня войны в них участвовал волжанин-ульяновец Стемасов. Солдатские погоны его сменились офицерскими, грудь украсили полоски орденских ленточек, выше которых поблескивала гранями лучей Золотая Звезда Героя Советского Союза.

Давно отгремели последние залпы орудий. Победно закончил советский народ Великую Отечественную войну. Офицер Петр Дмитриевич Стемасов на всю жизнь связал свою судьбу с Вооруженными Силами Родины. Он и поныне служит в их рядах, делясь богатым боевым опытом с молодыми солдатами.

П. Слесарев

ПОД СЕВАСТОПОЛЕМ

Мне особенно памятны июньские дни 1942 года под Севастополем. На всех направлениях там шли кровопролитные и непрерывные бои. Они начинались чуть свет и слегка затухали лишь с наступлением полной темноты. В штилевые вечера весь севастопольский плацдарм, начиная от Северной бухты и до самой Балаклавы, окутывался плотной душной пеленой из известковой пыли и гари. Она образовалась от взрывов сотен авиационных бомб различного калибра.

В эту пору защитники «Черноморской твердыни» находились в самых невыгодных условиях. У нас насчитывалось десятка два танков, а у немцев свыше трехсот. Артиллерия врага была многочисленнее нашей. Причем, она в избытке обеспечивалась боеприпасами, а наши советские артиллеристы жили буквально на «голодном пайке». Каждый снаряд ценился на вес золота, и доставка не восполняла расхода.

На узкой прибрежной полосе ютился единственный аэродром, на котором было несколько истребителей и десятка три штурмовиков. Между тем военно-воздуш-

ные силы врага, которыми командовал генерал Фон-Рихтгофен, насчитывали до шестисот боевых единиц.

И, несмотря на это, защитники Севастополя дрались с непостижимой храбростью. Подчас даже тяжело раненные не покидали своего окопа, а защищали его до последнего патрона. Чтобы остановить танковую атаку врага, солдаты и моряки со связкой гранат смело бросались под днища стальных громад и вместе с ними взлетали на воздух. И это не было проявлением отчаяния, а считалось выполнением воинского долга, когда положение спасало лишь применение крайнего средства. А на это был способен любой севастополец.

Этими волевыми чертами характера обладал и наш земляк, уроженец села Старое Тимошкино Барышского района Абдулхак Умеркин. До начала Отечественной войны Абдулхак окончил десятилетку и мечтал о профессии учителя. Особенно привлекали его такие науки, как физика и математика.

Но жизнь сложилась по-иному: после окончания средней школы Умеркина призвали в армию.

Дни учебы летели быстро. Абдулхак настойчиво постигал азы огневого дела. Артиллерия нравилась ему. «Очень хорошо, что я попал в артиллерию», — не раз с благодарностью думал молодой солдат.

Воинская служба расширяла его теоретические познания в области математики и физики — как раз именно в том направлении, куда он хотел заглянуть поглубже.

Демобилизовавшись, Абдулхак возвратился в родное Старое Тимошкино.

«Теперь в институт, за учебу», — думал он. Но внезапно начавшаяся война против гитлеровских захватчиков все прежнее отодвинула на задний план.

Абдулхак был зачислен в артиллерийскую часть. После окончания краткосрочных курсов ему было присвоено звание младшего лейтенанта. Весна 1942 года застала его уже в Севастополе, где он командовал батареей гаубичного артиллерийского полка.

Враг яростно штурмовал позиции советских войск. Батарея Умеркина занимала огневую позицию у деревни Камышлы, на скатах одной из возвышенностей Мекензиевских высот.

Немцы уже заняли селения Бельбек, хутор «Серп

и Молот» и Дуванкой. Теперь они рвались через деревню Камышлы в прилегающую к ней долину. Замысел их был ясен: овладеть долиной, просочиться лесами в Мартыновский овраг, а оттуда, минуя Восточно-Инкерманский маяк, пробиться к Северной бухте.

В случае удачи этого маневра советские войска, обороняющие деревню Буденновку, северную окраину города, станцию Мекензиевы горы и Графскую балку, окажутся отрезанными от основных сил.

— Не выйдет! — упрямо сжимая запекшиеся от жары и пыли губы, шептал командир батареи. — Сорвем и эту вашу затею...

Орудия батареи метко клали снаряды прямо в гущу наступавших танков и пехоты немцев.

— Огонь! — командовал младший лейтенант, отбивая уже третью атаку врага. И он дрогнул, откатился на исходный рубеж к опушке леса. И хотя враг находился еще в зоне прицельного огня, Умеркин распорядился:

— Прекратить огонь!..

Артиллеристы, вытирая уставшие, потные, но довольные лица, присели у своих орудий. Они правильно поняли команду. Третья атака — это не последняя. Снаряды надо экономить, беречь для отражения очередной и, возможно, еще не одной атаки гитлеровцев.

И они не просчитались. Примерно через час передышка кончилась, появились бомбардировщики врага. Они построились в «волчий круг» и стали пикировать на позиции нашей пехоты. Не успела эта группа отвалить, как подошла новая. Затем еще воздушная волна за волной.

Всю долину заволокло огнем и дымом.

Едва прекратилась бомбардировка, как густые цепи немцев и их танки двинулись в атаку. Немцы шли пьяные в полный рост.

По фашистским захватчикам! — крикнул Умеркин.

Он не докончил фразы. Выстрелы гулко разорвали воздух. Снаряды ложились прямо в гущу наступавших. И там, где они рвались, сразу становилось пусто.

Однако силы были слишком неравными. Немцы ворвались в занятые нашими бойцами окопы. Отдельные бойцы редкой цепочкой, короткими перебежками отходили из долины в горы.

— Огонь! — командовал Умеркин.

Стена разрывов накрыла наступавшие цепи, вынудила их залечь. Это позволило отошедшим севастопольцам окопаться на новом рубеже.

Тут же Умеркин заметил, как на скатах одной из противоположных высот немцы устанавливали батарею шестиствольных минометов.

— Уничтожить! — крикнул в телефон командир батареи с наблюдательного пункта и назвал прицел.

Тяжелые снаряды с первого залпа подняли на воздух шестиствольные минометы врага, которыми немцы намеревались уничтожить батарею, преградившую им путь вперед.

Но немцы не отказались от намерения расправиться с артиллеристами. Их автоматчики отрезали наблюдательный пункт от батареи. Плотное кольцо их сужалось все больше. Командир батареи с наблюдателем в упор разил гитлеровцев из автоматов. Оставалось у каждого по одному магазину. Патроны эти можно было истратить всего за несколько секунд. Правда, были еще гранаты, но их могло хватить ненадолго.

«Что же предпринять?» — лихорадочно думал Умеркин. Почему-то вспомнилось Тимошкино. Леса за поселком. Ягодная пора. А смерть уже глядела в лицо.

— Нет, от фашистской пули умирать не будем! — произнес Умеркин.

И он нажал кнопку телефона:

— Батарея. Огонь по наблюдательному пункту!

Трубка на другом конце провода молчала. Потом послышался шорох и дрогнувший голос знакомого артиллериста:

— Но... товарищ командир... Ведь этак... Разве вы не понимаете?

— Еще раз приказываю: огонь!

В блиндаже наступила томительная тишина. Командир и наблюдатель молча обнялись, крепко, возможно, в последний раз, пожали друг другу руки. Умеркин сказал спокойно:

— Действуй, как я!.. Возможно, пробьемся к своим.

— Ясно, товарищ младший лейтенант, — ответил наблюдатель и поправил на боку пару гранат, так, чтобы их удобнее было взять в руку.

И тут же земля вздрогнула, как от сильного подземного толчка. Четыре взрыва, подняв клубы земли

и пыли, возникли по сторонам наблюдательного пункта. Потом еще залп, другой. Стена блиндажа обвалилась.

Гитлеровцы залегли, потом группами побежали вниз, к подножию высоты. А снаряды настигали их, вздыбливая землю.

— Вперед! — крикнул Умеркин и выскочил из блиндажа, а вслед за ним наблюдатель и связист. Они добежали до первой глубокой воронки и залегли.

Через полчаса Умеркин с обоими связистами неожиданно появились у батареи.

— Живы! — радостно воскликнули артиллеристы, ведя огонь по танкам, которые заходили им уже в тыл, и по автоматчикам, наступавшим с фронта.

Ликовать было некогда.

— Почему молчит третье орудие? — спросил командир батареи.

— Прямое попадание. Вон из того танка, — ответил командир орудия, показывая на танк, горевший метрах в трехстах.

Вскоре батарея оказалась в кольце врага.

— Спокойно! Пехоту мы не подпустим близко. Главное сейчас — танки отсечь от нее, не дать им собраться в кулак.

А вражеское кольцо сжималось все плотнее. Немцы тут и там окапывались, не решаясь на открытый штурм. Надеялись на то, что у советских артиллеристов скоро кончатся боеприпасы. Это отлично представлял Умеркин. Ведь ночью они станут легкой добычей врага.

Но это знали и в штабе Приморской армии. И вот, когда начало смеркаться, со стороны станции Мекензиевы горы раздалось дружное: «ур-р-ра-а-а!..»

— Матросы! — воскликнули артиллеристы и перенесли огонь по отступавшим цепям немцев.

Вечером положение в секторе деревни Камышлы было восстановлено. И в этом основная заслуга гаубичной батареи, которой командовал младший лейтенант Абдулхак Умеркин.

Две недели удерживали важные ключевые позиции отважные батарейцы на Мекензиевых высотах. Многие были ранены, но не покинули поле боя, хотя вся земля вокруг них была изрыта воронками, почернела от дыма.

Когда совсем кончились снаряды, Умеркин возглавил группу моряков-автоматчиков. Во время контратак он

был дважды контужен, но, придя в сознание, снова вел бойцов вперед.

За умелое руководство тяжелыми боями, проявленный героизм и мужество на Мекензиевых высотах Абдулхаку Умеркину было присвоено звание Героя Советского Союза.

В. Дедюхин

АРТИЛЛЕРИСТ ПАВЕЛ ЛАПТЕВ

Лошадь с возом неслась вскачь по склону оврага. Еще несколько метров — и крутой обрыв. Женщина, что на возу, погибнет. Тринадцатилетний Павлуша Лаптев бросился наперерез лошади и остановил ее в двух шагах от обрыва.

Спасенная им женщина, ныне престарелая колхозница Анна Сербукова, вспоминая этот случай, сказала:

— Храбрый парень, что и говорить. И воевал храбро.

Достав из сумки небольшую фотографию, она бережно вытерла ее фартуком и, подавая, сказала:

— Вот он, Павлуша Лаптев. Подарил мне в сорок третьем году, когда на побывку приезжал в наше село Богдашкино после ранения.

С фотографии глядело мужественное лицо капитана-артиллериста, грудь которого украшали три боевых ордена, две медали и Золотая Звезда Героя Советского Союза.

1

Было это близ станции Сиротино 7 июля 1941 года. Лаптев командовал батареей. Пушки скрыты в при-

брежных кустах. На другом берегу немцы. Лязг гусениц, глухой шум несется из-за реки. Фашисты хотят переправиться. Они копошатся у берега — наводят понтоны. Немцев много, их хорошо видно. Батарейцы вопросительно смотрят на своего командира.

— Ахнуть бы!

Но Лаптев ждет.

Немцы навели понтоны. Поползла на наш берег бронированная гадина.

— По фашистским разбойникам — огонь!

Полетели в воздух вражеские солдаты, уничтожены понтоны, потонули в реке крестатые танки и пушки врага...

На станцию Старое Село прибыл немецкий эшелон: солдаты, танки, боеприпасы. Павел Лаптев, действуя смело и решительно, приказал выкатить пушки на открытую позицию. В упор, прямой наводкой, расстрелял сначала паровоз, а потом ударил из всех пушек по составу. Четыре танка, десятки солдат и офицеров были уничтожены метким артиллерийским огнем.

В жарком бою у деревни. О. фашисты двинулись лавиной. Трудно удержать пехоте грохочущий вал. Пушки Лаптева били по танкам, косили шрапнелью фашистских автоматчиков. Вражеская атака захлебнулась: фашисты отступили, оставив несколько дымящихся танков.

2

Шел бой за пункт Н. Лаптев с двумя наблюдателями из батареи забрался на высокий чердак дома. Огневые точки врага рядом. Надо засечь их, сообщить на батарею. Немцы заметили наблюдательный пункт. Открыли огонь. Немецкий снаряд разорвался на крыше, поджег ее. Осколками убиты товарищи Лаптева. Он молча простился с ними.

«Мстить! Мстить жестоко!»

Чердак пылал. Было опасно оставаться здесь. Но отсюда хорошо был виден враг. Это главное. Наводчики слышат из огня голос своего командира. Быстро и точно бьют орудия. Огневые точки врага превращены в прах.

3

Высокая елка на опушке леса. Густая хвоя укрыла человека. Лейтенант Лаптев шесть часов сидит на дереве. Мерзнут, затекая, ноги, слезятся глаза от холодного февральского ветра. Окоченевшие пальцы не держат карандаша. Но Лаптев слезает с дерева только тогда, когда все огневые точки врага занесены на карту. Выявлена система огня, расположение дзотов и подходы к ним.

4

Село Ивищи Смоленской области — важный стратегический узел врага. Немцы основательно засели в нем, надо их выгнать на мороз. В девять часов вечера уверенно заговорили пушки лаптевской батареи, разбивая засеченные немецкие дзоты и блиндажи.

Пошла в наступление наша пехота. Два вражеских пулемета мешают ей двигаться.

«Недосмотрел», — подумал Лаптев и передал новую команду на батарею.

Два снаряда угодили в дзот. Пулеметчики врага уничтожены. Из сарая, что на краю села, строчит еще пулемет. Лаптев с разведчиками подползает к нему: граната, другая — замолчала и эта огневая точка.

Лаптев вскочил. Короткая перебежка — и он в селе. Тишина, напряженная, страшная, после треска и взрывов. Лейтенант в белом халате осторожно шел возле самых изб, сжимая в руках автомат. Из одного дома вышло несколько человек, тоже в халатах, затем из другого, третьего.

«Человек двадцать пять», — быстро прикинул Лаптев. Гитлеровцы проходили мимо, почти вплотную.

«Может, свои?» — на мгновение мелькнуло в голове. Один из проходивших заговорил по-немецки.

«Фашисты!»

Лаптев взвел автомат. Выстрела нет. Что-то заело или диск без патронов.

«Отпускать фашистов живыми с нашей земли? Не будет такого!» Автоматом, как молотком, долбанул Лаптев по голове заднего немца, догнал второго. Автомат — пополам. У третьего вырвал из рук винтовку,

прикладом винтовки прикончил еще двоих. Пятый фашист был огромного роста и злой, как гадюка. Сцепились в яростной схватке насмерть.

— Кусается, сволочь!

Подоспевший разведчик Глушковский прикончил озверевшего врага. Остальные обратились в бегство. Двое юркнули в траншею. Лаптев заметил их.

— Руки вверх! Вылезай!

Двое пленных с испугом глядели вокруг. Мертвые немцы лежали на снегу. Их не меньше десятка. А русских — двое. Они подсчитывают трофеи: 9 минометов, 12 пулеметов, пушка и разная мелочь. В конце улицы разнеслось громовое «ура». Наши пехотинцы без потерь овладели селом.

21 июля 1942 года старший лейтенант Павел Васильевич Лаптев получил звание Героя Советского Союза.

5

Летом 1942 года немцы настойчиво рвались к советскому югу. Под лозунгом «Поможем Югу!» двинулись вперед на врага войска Западного фронта.

Четыре ночи боевой разведки. Ползком по сырой траве, сквозь колючий кустарник пробирался Павел Лаптев с разведчиками к самому краю обороны немцев. Нанесены на карту все блиндажи, пулеметные точки, линии связи противника.

...Могучий голос советских пушек возвестил начало прорыва линии обороны врага. Девяносто минут грохотала артиллерия. Днем было темно от земли, поднятой в воздух. Взлетали бревна дзотов, вырывались деревья с корнем. Когда затихла канонада и отбомбились наши самолеты, ринулись в бой пехотинцы.

Верный своим привычкам, капитан Лаптев двинул вперед пушки своего дивизиона тотчас же вслед за пехотой, хотя стволы орудий еще не остыли от стрельбы.

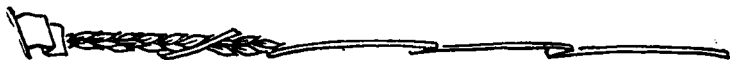
Более полутора тысяч убитых фашистов, 13 разбитых орудий, 33 миномета, 90 пулеметов, 5 сожженных складов — таков итог работы лаптевского дивизиона в дни прорыва.

9 августа на одну батарею Лаптева двинулись в контратаку 9 танков и батальон немецкой пехоты. Быст-

ро и точно стреляя прямой наводкой, батарея отбила бешеный натиск фашистов. Три вражеских танка уродливыми громадами остались торчать на опушке леса, возле болота, шесть повернули обратно. Были убиты и ранены десятки немецких солдат и офицеров.

Орден Красного Знамени был наградой Лаптеву за отличную боевую работу во время прорыва на южном участке фронта.

Н. Кузминский,
С. Жмырев

ОН ЗАЩИЩАЛ ГОРОД НА ВОЛГЕ

Остывает уже песок: вечернее уставшее солнце опустилось низко. Но зато вода в реке теплая...

— Ай, тону! — вдруг донесся крик.

Девочка лет восьми, отчаянно махая руками, скрывается под водой. Вот она снова появляется. В вечерней тишине отчетливо слышно, как она бьет по воде руками.

С берега в воду бросилось несколько человек. Впереди — тринадцатилетний мальчуган. Он подплыл первым и в тот момент, когда девочка, захлебнувшись, стала уходить на дно, схватил ее. Так Володя Хазов спас свою сестру Надю. В глазах всех мальчишек Володя был героем...

Но не думали мальчишки, что через ряд лет их заводила Володя Хазов станет Героем Советского Союза.

...Летом село Большой Кувай просыпается рано. Встала и Екатерина Никитична: нужно успеть к наряду. Прошла в комнату к Володе, а его уже нет. Со дня на день ждет вызова из училища, отдыхать бы ему, а он опять чуть свет ускакал к своим железкам. Вот

кончил техникум — работал бы. Так неймется ему. Я, говорит, мама, хочу стать танкистом.

Работает на лафетной жатке. Старается парень. Все хочет трактор изучить: в армии пригодится. Сегодня утро росное выдалось, жатке не пройти. Так Володя целый день помогал трактористу чинить машину...

Уже затемно Володя идет домой. Запыленный, усталый. Еще издалека что-то кричит матери, ждущей его у ворот. Но почему у нее такое грустное лицо?

— Володя, вызов тебе пришел...

Так Владимир Хазов попал в Ульяновское танковое училище. Шел 1937 год.

«...Учиться здесь не так-то легко. Сам понимаешь — за два года мы должны пройти многое. Овладеть боевой техникой, стать командиром взвода. А «кони» здесь — посложнее тех, с которыми мы имели с тобой дело в коневодческом техникуме. Но трудности все пересилю. Знаю, что теперь попал на свою дорогу...»

Нужно кончать: через несколько минут вечерняя проверка. Владимир быстро надписал на конверте адрес своего друга из родного села, бросил письмо на тумбочку дневального и побежал на построение.

По центральной улице города, чеканя шаг, шла рота курсантов-танкистов.

— Хазов, запевай! — слышатся голоса.

Над вечерним городом полетела песня. Все дружно подхватили припев:

Стоим на страже
Всегда, всегда.
Но если скажет
Страна труда, —
Прицелом точным
Врагу в упор!
Дальневосточная,
Даешь отпор!

Это была любимая песня курсантов.

Дальний Восток. Легендарные места, овеянные славой походов гражданской войны. Еще свежи были в памяти отпорные бои с маньчжурскими милитаристами на КВЖД в 1929 г. А теперь там японские самураи подняли голову, вторглись в Китай, то и дело суются на

наши границы. Эх, вот бы куда попасть служить!.. Об этом мечтали многие. Но туда посылали только отличников.

Эти мечты и устремления еще более «подогревал» приехавший с Дальнего Востока командир курсантской роты капитан Дорошкевич. Стройный, подтянутый, до самозабвения любивший свою профессию танкиста, он скоро завоевал курсантские сердца. Ему подражали, с него брали пример. Его рассказы о Дальнем Востоке звали к подвигам, зажигали романтикой героизма.

Однажды в училище произошло неприметное на первый взгляд событие. На несколько дней заехал сюда бывший выпускник лейтенант Осадчий. А перед его приездом в печати промелькнуло сообщение, что Президиум Верховного Совета СССР наградил Осадчего орденом Красного Знамени. За что, не говорилось. Но курсантам было ясно — за то, что в Испании воевал добровольцем в Интернациональной бригаде.

Приезд Осадчего всколыхнул всех. Туда, где был Осадчий, мечтали попасть многие курсанты. Об испанских событиях часто толковали и спорили. Горячо участвовал в этих спорах и Владимир.

В те годы наша армия перевооружалась новой боевой техникой. Росли и крепли бронетанковые войска.

В училище появились новые машины вместо старых, громоздких, тихоходных. Чтобы ими овладеть, требовалось учиться и учиться...

Каждый день после завтрака курсанты шли в танковый тир. Здесь они тренировались в стрельбе и действиях при танковом оружии. Хазову трудно давалась стрельба с ходу по движущейся цели. Пули летели мимо. Так было и на этот раз.

— А ну-ка подождите. — Рядом с ним стоял командир роты. — Вы неправильно делаете наводку в цель. Ее лучше производить так, чтобы устранялся мертвый ход поворотного и подъемного механизмов. Тоже и с ножным спуском...— Капитан подробно объяснил курсанту его ошибки. — Смотрите, как нужно действовать, — и он сам занял место стрелка. Все мишени были поражены. Дорошкевич показывал образцово. Недаром он носил в кобуре именной пистолет — подарок наркома за отличную стрельбу — и никогда с ним не расставался.

Хазов упорно тренировался и добился того, что стал поражать цели с первого выстрела. Многое перенял он от своих командиров...

Май 1939 года. Новая провокация японских самураев на реке Халхин-Гол... Осенью выпуск. Туда, обязательно туда — на Дальний Восток... Во что бы то ни стало сдать все экзамены на отлично!

И тот день наступил. В новых командирских тужурках стального цвета застыл строй выпускников. Напротив них замерла шеренга преподавателей и командиров подразделений. С приветствиями и поздравлениями выступают представители общественности. Затем начальник училища комбриг Шуров зачитывает приказ наркома о выпуске.

«...Окончившему училище по 1 разряду Хазову Владимиру Петровичу присвоить звание лейтенанта... направить в распоряжение командующего Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армией...»

Итак, его мечта сбылась. Он ехал туда, в самую гущу событий. Но в боях ему не пришлось участвовать. Когда он прибыл к месту своего назначения, то оказалось, что боевые действия уже закончились. Монгольская Народная Республика к этому времени была полностью очищена от японских захватчиков.

И Хазов снова учится сам, учит и своих подчиненных.

В учении было тяжело. Хазов много работал над боевой подготовкой. Через год его взвод стал лучшим в бригаде.

И все-таки Владимиру казалось, что все эти стрельбы, тревоги так и останутся учебными, что никакой враг не посмеет напасть на нашу страну, а если и посмеет, то его разобьют так же быстро и решительно, как японцев на Хасане или Халхин-Голе.

...Наступило грозное 22 июня 1941 года. В тот же день в штабе лежал рапорт Хазова об отправке в действующую армию. Ему отказали. Но затем последовал второй рапорт, третий, четвертый...

В сентябре сорок первого года с группой командиров Хазов был направлен в Волгоград на тракторный завод за танками.

Получив новенькие «тридцатьчетверки», Владимир со своими товарищами уехал на фронт. Как он воевал? Об

этом красноречиво говорится в одном документе, который хранится в Ульяновском танковом училище:

«... Хазов проявил себя отважным воином. Он обычно не ограничивается пассивным ожиданием противника, если только его рота не имеет задачи прикрывать какое-нибудь направление. Чаще всего он оказывается в центре событий, в гуще сражения. Он жаждет встреч с немцами, ищет боя.

Так он воспитал и своих подчиненных. Однако он не действует опрометчиво. Даже в самом горячем бою он в меру осторожен, победа не кружит ему голову...»

Впервые с немецкими танками Владимиру пришлось встретиться весной сорок второго года в районе Харькова, в боях под селениями Петровским и Терновым. В итоге этих встреч на его счету — четыре уничтоженных танка. Командование представило его к награждению орденом Красного Знамени.

14 июня Хазов получил приказ организовать засаду в районе селения Ольховатка. В роте оставалось всего три танка. Владимир выбрал позицию на опушке рощи перед небольшим оврагом. Отсюда был хороший обзор и обстрел в сторону противника, а овраг прикрывал подступы. Позицию тщательно подготовили. Несколько часов танкисты оборудовали танковые окопы, маскировали их, измеряли расстояния до ориентиров, составляли карточки танкового огня. Когда работа была окончена, Хазов удовлетворенно сказал:

— Ну, пусть теперь попробуют сунуться!..

Вскоре послышался рокот моторов: приближалась колонна немецких боевых машин.

Хазов наблюдал в бинокль, стоя в открытом люке. Впереди шел «тупорылый» немецкий танк «T-IV». На стволе его пушки была выведена надпись «Смерть русским Т-34 и КВ». Хазов усмехнулся про себя: «Ну, это мы сейчас посмотрим» и передал по радио: «По моей команде второму бить по центру, третьему — по хвосту колонны».

Он занял место наводчика и припал к телескопическому прицелу... Команда «огонь!» — и почти одновременно прогремели три выстрела. Передний танк загорелся. Тогда Хазов сосредоточил огонь по хвосту колонны. Несколько выстрелов — и задымили еще две машины. Движение колонны приостановилось. Впереди

создавалась «пробка». Вот когда нужно использовать момент! И Хазов его использовал блестяще. Он командует: «Огонь вести самостоятельно. Громи тупорылых!..»

В танке становится жарко. От порохового дыма слезятся глаза, трудно дышать. Но Хазов не замечает... Немецкие танки открыли ответный огонь. Удержать инициативу боя в своих руках! Чаще огонь! Хазов словно слился с пушкой.

— Заряжай! Выстрел!.. Выстрел! — следуют команды одна за другой. И с каждым выстрелом все новые машины охватывает пламенем.

Потеряв более 10 танков, противник беспорядочно отступил.

Когда Хазов отдыхал? Об этом никто не знал. Вот и сейчас, еще не успели остынуть машины от вчерашнего боя, а Хазов уже расспрашивает вернувшихся разведчиков о сосредоточении фашистских танков в соседней лощине.

— Товарищ капитан, — доложил он комбату. — В лощине, в трех километрах от сюда, немцы, двадцать семь машин. О нашей близости они не подозревают. Я предлагаю...

И Хазов изложил свой план уничтожения вражеских машин. Он предлагал атаковать врага... двумя своими танками.

— Главное здесь, — доказывал Хазов, — фактор внезапности. Немецкие танки стоят скученно. Им потребуется время, чтобы развернуться в лощине и принять бой. Поэтому внезапное нападение двумя танками даст больший эффект, чем открытая атака несколькими.

И комбат одобрил план Хазова.

Стояла настороженная предрассветная тишина. На горизонте вспыхивали зарницы дальнего боя, да где-то в стороне приглушенно гудели моторы. Это по просьбе Хазова было включено несколько наших двигателей. Маскируясь их шумом, два советских танка приближались к цели.

Немецкие танкисты действительно не думали, что рядом могут оказаться советские танки. На дне балки, поросшей кустами, они заканчивали последние приготовления к наступлению.

Наши танки подошли незамеченными на совсем близкое расстояние. Хазов остановил свой танк и по-

дозвал к себе сигналом старшего сержанта Тугарова.

— Видишь, как увлеклись фрицы, — прошептал он. — Я проскочу еще немного вперед и ударю вон по тем, а ты отсюда бей в лоб. Главное — не дать им опомниться. Ну, давай, брат.

Предрассветную тишину разорвали звуки пулеметных очередей. На какую-то секунду, ошарашенные такой дерзостью, немцы застыли как вкопанные, а потом в панике бросились кто куда. Затем Хазов и Тугаров открыли огонь из пушек. В первую очередь они били по тем машинам, которые загораживали выход из лощины.

Одна за другой загорались черные громадины. Яркими факелами вспыхнули бензозаправщики.

Несколько уцелевших машин все же вырвалось из лощины на ровное место. Они вступили в бой и обрушили огонь на ближний к ним танк Хазова. Броня выдержала. Но немцы могли повредить ходовую часть.

На помощь своему командиру уже спешил Тугаров. Теперь он бил по врагу с фланга, отвлекая огонь на себя.

Эта схватка длилась считанные минуты. На месте боя осталось двадцать две подбитые и уничтоженные немецкие машины. Дно лощины было усеяно вражескими трупами солдат и офицеров.

Командование бригады представило Хазова к присвоению ему звания Героя Советского Союза, а его товарищей — к награждению орденами...

В Ульяновск на имя начальника училища с фронта пришло письмо. В нем Хазов рассказывал о том, как воюет. «...Благодарю своих бывших командиров и преподавателей за хорошую выучку, — писал он. — Горжусь тем, что я — воспитанник Ульяновского училища...»

А сам он в это время продолжал сражаться с фашистами. Враг наседал. В сентябре 1942 года он вышел на подступы к Волгограду.

«Ни шагу назад!» — обратилась к своим сынам Родина. Черный от жары и копоти, по нескольку раз в день водил Хазов свою роту в бой. Здесь он стал членом Коммунистической партии. К этому времени на его личном счету было уже 27 уничтоженных немецких танков.

...Получен приказ: контратаковать противника с десантом на броне. Танк командира первым идет на врага.

Гитлеровцы открыли по нашим машинам артиллерийский огонь. И опять разгорелся — который по счету! — жестокий бой у стен города-героя.

Этот бой стал последним для Хазова. Вражеский снаряд пробил бортовую броню и разорвался внутри танка. Танк задрожал всем корпусом и остановился. Медленно приподнялась крышка башенного люка, и в его дымящемся отверстии появилась окровавленная голова танкиста.

— Погибли... Все погибли, — прошептал он. Это был Владимир. Собрав последние силы, он выполз из люка и упал на крыло.

Десантники бережно подняли тяжело раненного командира и снесли в лощину, где находился санвзвод одного из пехотных батальонов.

По улице города среди дымящихся развалин тихим ходом шел танк. На его броне танкисты везли в госпиталь своего командира роты. В это время начался артиллерийский обстрел. И один из снарядов попал в танк...

Так погиб Владимир Хазов — Герой Советского Союза. Память о славном защитнике города на Волге свято хранит советский народ.

С. Романовский

КАК ЗАГОРАЮТСЯ ЗВЕЗДЫ

Наши части выходили из окружения в районе железнодорожной станции Лозовая. Проваливаясь в мартовском снегу, лошади тащили повозки, густо облепленные людьми. Командир орудия сержант Абрамов пытался уцепиться за последнюю повозку, забитую народом, но его не взяли.

— Ты что и нас хочешь погубить и себя? Поищи телегу посвободней...

Он остался один в поле, где лежали убитые люди и кони, да сквозь снег проглядывало жнивье. Сзади надвигался рокот — приближались фашистские танки и мотопехота. Он расстегнул кобуру пистолета и горько усмехнулся:

— ТТ — против танков? Ни дать бой, ни скрыться, ни убежать.

...Рокот с вражеской стороны нарастал. Внезапно Абрамов услышал жалобное ржанье. Он пошел на него и увидел двух опрокинутых взрывом лошадей. Одна была еще жива. Абрамов освободил ее от постромок, помог подняться на ноги. Одним прыжком он вскочил на спину лошади. Абрамов думал только об одном: скорее бы нагнать своих, только бы не попасть в руки к немцам, только бы выдюжила раненая лошадь.

А потом, когда опасность как-будто миновала, Абрамов предался иным мыслям. Мирный запах лошадиного пота вернул его к забытому детству, к селу Еделево, где он родился и вырос. К избе, пропахшей березовыми вениками и коровьим молоком и застолью, когда мать луковично-коричневым деревянным черпаком наливала суп в большое блюдо шестерым детям, а отец, что одним из первых вступил в колхоз, хмурил брови, чтобы ребятишки с достоинством вели себя за столом.

Вспомнил он и незаменимую речку Иерусалимку, куда серебряный ковшик Большой Медведицы ссыпал все окрестные звезды. Детство. Друзья-мальчишки... Они верхами уезжали за эту речку в ночное. И Петр с благодарностью подумал: «Не будь в мальчишестве этих поездок, — не умел бы он ездить без седла и не ушел бы сегодня от врага...»

Костер его детства сразу погас, как только он вспомнил бой на острове под Днепропетровском, где нельзя было вырыть окоп в зыбучем островном песке. Он увидел лица шестерых товарищей из его орудийного расчета, погибших в этом бою. Вспомнил и незабвенного политрука Казакова, который тут же, у орудия, был убит прямым попаданием вражеского снаряда... Вспомнил, как он, Петр Абрамов, оглохший от канонады, управляясь за семерых, бил из орудия по группам немцев. Говорили, что он тогда сделал невозможное — отбил семь атак, обеспечил переправу и выжил.

Вспомнил он и другие бои, и других товарищей, умиравших у него на руках, и недавний многосуточный бой под Лозовой, где опять был перебит его новый расчет, но где крепко досталось и фашистам.

И острая ненависть поднималась в сердце всадника, отступающего по степи на бесседельной окровавленной лошади.

...Он нагнал наших в станице, где части готовились к обороне. У ближних строений осторожно, стараясь не задеть широкую рану на крупе, слез с лошади. Перевязал, как удалось, раненое место, истратив весь индивидуальный пакет. Потом нашел в карманах ломоть хлеба, сдул с него крупицы махорки и по-деревенски, не отдергивая пальцев, вложил его в теплые лошадиные губы.

Рядом суетливо торопились солдаты, артиллеристы

на себе выкатывали орудие, из голого сада доносились мерзлые удары топора — готовили позицию для батарей; растрепанные в боях части обретали боевой порядок.

А он, артиллерист, без расчета и без орудия, искореженного взрывом и брошенного в садах, Лозовой, стоял у раненой лошади и называл ее разными лошадиными кличками из своего детства. Она грустно жевала и не в лад его словам прядала ушами, пока Петр не догадался, что она глухая...

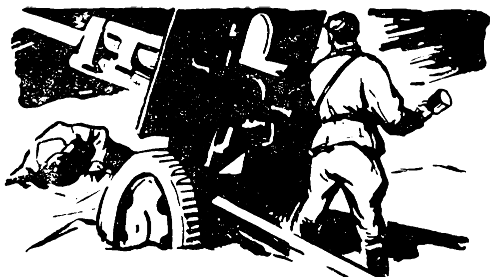
Это потом — летом 44-го — заполыхает беспримерный бой на Висле, где ульяновец Петр Абрамов будет стоять насмерть у булыжного сарая, повитого дымом сжатых хлебов, подожженных фашистами. Жажда сожжет гортань: орудийный ствол накалится до того, что станет невозможно стрелять; эсэсовцы, как саранча, под прикрытием танков пойдут в тридесятую атаку. А расчет орудия во главе с Петром Абрамовым забросает фашистов их же гранатами, которых по счастью в булыжном сарае обнаружилось в избытке, остановит гитлеровцев автоматным огнем. Восемьдесят трупов, три танка, несколько орудий оставят фашисты в этом бою.

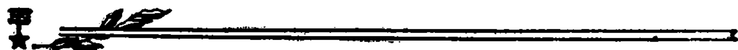
Здесь рухнет на землю Петр Абрамов, тяжело раненный в голову, но очнется, выстоит, выдюжит и дождется того часа, когда Гитлер, забившись в крысиную нору, покончит с собой. А в мае 1945 года взойдет и засветится на груди Петра Александровича Золотая Звезда Героя Советского Союза.

И займется мирное утро над Россией. Остынут пепелища, зарубцуются раны земли. Вернувшись из армии, выдержав несколько мучительных операций черепа, вернется в родное село и Петр Абрамов. Взяв с собой детишек, пойдет он в березняк, высветленный снежницей, и солдатским ножом сделает неглубокий надрез на детски-нежной кожице березы. Надрежет, досадуя, что нельзя втолковать березе: «Я поранил тебя не потому, что огрубел, а потому, что мне, искалеченному на войне, нельзя без витаминов... А ты не сердись на меня — я залечу этот надрез». Он будет пить прохладно-сладкое молоко земли — березовый сок и набираться сил. Потом он примется за работу заведующего избой-читальней в Еделево надолго, по-хорошему. А затем скромная работа в ОКСе Ульяновского горисполкома...

А пока он — в станице, где после спешного отступления наши части собираются дать отпор врагу. Одной рукой Абрамов поглаживает по холке оглохшую в боях лошадь, другой выворачивает карманы шинели, гимнастерки и брюк — не завалялся ли где кусок хлеба... И, не найдя ни крошки, окликнет пожилого бойца в полушубке:

— Папаша, у тебя не найдется ли с полфунта хлеба? Взаимообразно. Для лучшего друга!..

М. Кошкин

МАСТЕР ТОЧНЫХ УДАРОВ

В осенние дни 1940 года начала свою жизнь новая авиационная часть. Штаб ее разместился на окраине аэродрома. Вокруг чернели сбросившие листву деревья. Выцвел зеленый ковер аэродрома. Пелена дождя и тумана висела в воздухе. Скучная картина поздней осени нагоняла грусть и тоску на молодых летчиков, только что прибывших в часть. Среди них был и младший лейтенант Горбунов, уроженец села Араповки Майнского района.

В этой части Горбунов получил практические навыки в полетах днем и ночью, в различных метеорологических условиях. Это были напряженные, но вместе с тем замечательные месяцы, явившиеся важным периодом в подготовке к боевым действиям.

* * *

В июле 1942 года лейтенант Горбунов получил задание разведать восточное побережье Керченского полуострова и произвести бомбежку обнаруженных целей. Цель искать долго не пришлось. Вскоре под крыльями

самолета показались два немецких транспорта. После первых прямых попаданий один транспорт вспыхнул и затонул. Второй, получив повреждение, сумел уйти.

Воздушная разведка донесла, что в Мариупольском порту сосредоточилось много немецких транспортов. Командир полка вызвал к себе лейтенанта Горбунова и сказал ему:

— Вам поручается, товарищ Горбунов, нанести бомбовый удар по транспортам противника. Кроме того, надо вывести из строя электростанцию, которую восстановили немцы.

Полет был тяжелым. Немецкие зенитки и истребители встретили его самолет далеко до подхода к цели. Но он прорвался к ней и повредил несколько транспортов. В порту возник большой пожар. Удар по электростанции тоже был удачным.

И так почти каждый день, а иногда и по нескольку раз в день приходилось летать Горбунову.

Однажды лейтенант Горбунов направился с группой самолетов в район Константиновская. На небольшой высоте самолеты прошли сто километров, отделявших аэродром от линии фронта. Горбунов сразу обнаружил колонну вражеских машин. Последовала команда, и летчики сбросили бомбы. Не трудно было заметить результаты первого бомбового удара: опрокинутые машины, уткнувшиеся в землю стволы пушек, мечущиеся возле них и распластанные на земле фигурки гитлеровцев. Четыре танка и десяток автомашин пылали огромными кострами. Черный дым валил от подожженной цистерны с горючим.

В январе 1943 года началось наступление наших войск на Северном Кавказе. После первых ударов Советской Армии немцы стали откатываться на север. В связи с этим и изменилась тактика нашей авиации. Она оказывала наступающим наземным войскам большую помощь: обрушивала свои удары на вражеские позиции, уничтожала живую силу и технику на поле боя, в районах сосредоточения, на марше.

Кроме того, летчики наносили удары по опорным пунктам и узлам сопротивления противника, уничтожали его живую силу и технику в полосе наступления наших наземных войск, разрушая переправы, расчищая дорогу советским танкам. Ни на один день не прекраща-

лась боевая деятельность полка. К весне весь Северный Кавказ был очищен от фашистов. В руках немцев остался небольшой клочок земли на Таманском полуострове и Крым. На этих двух участках и сосредоточил свою боевую работу 367-й авиационный полк.

В этих наступательных боях не раз отличался летчик Горбунов. Советское правительство высоко оценило его боевые заслуги перед Родиной, присвоив ему 1 мая 1943 года звание Героя Советского Союза.

В ноябре 1943 года командованием соединения старший лейтенант Горбунов был командирован на учебу в Краснознаменную Военно-Воздушную академию, которую он окончил в 1946 году.

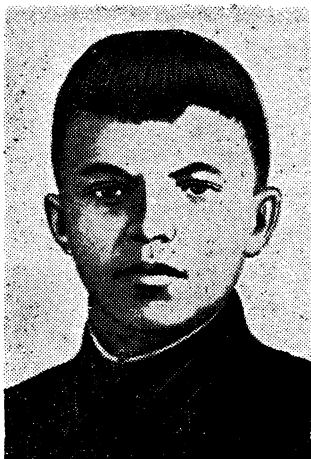
После учебы в академии капитан Горбунов был направлен на руководящую штурманскую работу в авиацию дальнего действия.

В 1958 году полковник Горбунов А. М. окончил Военную академию генерального штаба и продолжает службу в Военно-Воздушных Силах.

Н. Еремин

ГВАРДИИ РЯДОВОЙ

Гвардии рядовой Александр Матросов, воспитанник Ивановского детского дома Ульяновской области, в 19 лет стал легендарным героем Великой Отечественной войны. Его бессмертный подвиг народ никогда не забудет. Многие поколения будут брать с него пример героизма, мужества и верности своей Родине.

А ведь этот белокурый, с живыми голубыми глазами, простой и скромный паренек ничем не отличался от своих товарищей по детскому дому. Саша был послушный, правдивый, честный, как и большинство его сверстников. Разве вот только воли и настойчивости у него было больше, чем у других, да характер потверже. У Саши никогда слово не расходилось с делом.

Александр Матросов особенно крепко дорожил солдатской дружбой. Всегда и во всем помогал товарищам, никогда не оставлял их в беде, делился с ними последним куском хлеба, последней щепоткой махорки... Таким его помнят друзья, товарищи. Таким они хранят в своем сердце образ Матросова, ставшего для миллионов юношей примером мужества и отваги.

...Шел 1943 год. На просторах нашей Родины бушевала жестокая, кровопролитная война советского народа с гитлеровскими захватчиками. Был на исходе серый вьюжный февраль. В районе Западной Двины, где шли упорные бои, 22 февраля в батальоне, в котором служил Александр Матросов, состоялось комсомольское собрание. Комсомольцы обсуждали вопрос о том, как лучше выполнить боевой приказ: освободить от фашистских оккупантов деревню Чернушки. Говорили коротко, но страстно. Их молодые сердца горели ненавистью к врагу.

Выступил и комсомолец Александр Матросов. Он пристально посмотрел в лица своих боевых товарищей, ставших в суровые дни войны близкими и родными, спокойно, но твердо сказал:

— Приказ мы выполним! Освободим Чернушки! Я буду драться с врагом до последней капли крови, пока руки держат оружие, пока в груди бьется сердце...

Всю ночь батальон передвигался через лес по бездорожью к намеченной цели. Ночь была тихая, теплая. Здесь, на западе, уже явно чувствовалось приближение весны. Под рыхлым снегом уже хлюпала вода. Притихшие деревья точно прислушивались к шагам солдат и тихо качали своими голыми ветками.

Александр Матросов с автоматом на груди шел впереди. За ним шли его друзья Воробьев, Бардабаев, Копылов. Они вместе учились военному делу, вместе приехали на фронт. Все молодые, жизнерадостные. Еще недавно они жили счастливой мирной жизнью, не зная забот и тревог. Мечтали стать инженерами, агрономами, учеными. Но вот лютый враг нарушил мирную жизнь. Матросову, Воробьеву, Бардабаеву, Копылову и тысячам их сверстников пришлось взять в руки оружие, чтобы исполнить свой воинский долг — доблестно защищать Родину.

Останавливаясь закурить, пряча огонек цигарки в рукав, Александр Матросов говорил:

— Помните, друзья, наш уговор: воевать так воевать. Надо будет — умри, а дело сделай.

— Дадим прикурить немчуре! — дружно отвечали друзья Матросова. — Будем драться до последней капли крови.

Пробираясь в голову колонны, старший лейтенант Артюхов подошел к автоматчикам.

— Это ты, Матросов? — тихо спросил Артюхов, зорко всматриваясь в лица бойцов своего подразделения.

— Я, товарищ старший лейтенант, — ответил Александр.

— Как чувствуешь себя?

— Отлично, — спокойно ответил Матросов.

— Идем со мной, — сказал Артюхов. — Будешь моим ординарцем.

— Есть!

На рассвете группа старшего лейтенанта Артюхова вышла к опушке бора. На востоке медленно брезжил рассвет. Постепенно зарождался новый день...

Группе воинов осталось пересечь поляну с небольшим островком кустарника, мелколесьем, а там и деревня Чернушки. Но здесь группа Артюхова и встретила врага. С высотки яростно начали бить три фашистских пулемета. Завязался ожесточенный бой. Бойцам подразделений Губина и Донского удалось блокировать два фланговых вражеских дзота, уничтожить много живой силы. А третий, центральный дзот продолжал вести губительный огонь по нашим воинам.

Показаться на поляне, продвинуться вперед подразделению старшего лейтенанта Артюхова не было никакой возможности: яростный огонь пулемета все уничтожал на своем пути. Стало ясно, что нелегко будет взять эту лесную крепость. Артюхов и Матросов, зайдя справа, продвинулись к вражескому дзоту метров на сорок. Отсюда им хорошо было видно, как из амбразуры дзота вырывались смертоносные струи огня.

«Как бы уничтожить этот дзот», — думал старший лейтенант.

Прячась за пихтой, Артюхов приказал Александру Матросову:

— Шестерых автоматчиков — срочно ко мне!

— Есть!

Александр Матросов быстро привел к старшему лейтенанту автоматчиков. Артюхов отобрал троих: Белевича, Костылева и Антощенко и приказал им:

— Подползите к дзоту и из автоматов — по амбразуре!

— Есть! — ответили автоматчики.

Бесстрашные воины, пригнув низко головы к земле, по-пластунски поползли к дзоту. Впереди полз Белевич. Но как только смельчаки оказались на поляне их сразу заметил враг. Из амбразуры дзота наискосок ударил пулемет. Противно визжали пули, вгрызаясь в снег то впереди, то сбоку автоматчиков. Вдруг Костылев резко дернулся и замер на снегу. Двое продолжали упорно ползти к намеченной цели.

Александр Матросов с тревогой наблюдал за каждым движением своих друзей. Ему страстно хотелось как-то помочь им быстрее продвинуться вперед. Он видел — стали неподвижными на белом снегу Белевич и Костылев. Но вот и Антощенко сник головой в снег. Больно сжалось сердце Матросова. Но нужно было уничтожить вражеский дзот, занять деревню Чернушки. Выполнить приказ!

Старший лейтенант Артюхов был бледный. Ныла раненая рука. Превозмогая боль, он приказал второй тройке автоматчиков:

— Ползите правее. В обход.

Автоматчики поползли к дзоту, который снова начал яростно огрызаться... И эти автоматчики не могли выполнить приказ: они героически погибли недалеко от фашистского дзота. Первым был убит Макеев, а через несколько минут и остальные...

«Как же быть? Что предпринять?» — думал старший лейтенант Артюхов. А пулемет из лесной крепости продолжал обстреливать. Разрывные фашистские пули звонко щелкали по всей опушке бора. И вот в этот критический момент Матросов приподнялся и, обращаясь к старшему лейтенанту Артюхову, решительно сказал:

— Я пойду! Теперь моя очередь. Разрешите мне, товарищ старший лейтенант! Я уничтожу дзот!

«Вот это герой, — невольно подумал Артюхов. — Ведь знает, что убьют... А идет. Добровольно». У старшего лейтенанта потеплело на сердце. Он гордился тем, что командует такими смелыми и отважными солдатами, как Александр Матросов. Артюхову нелегко было послать этого смелого парня, которого он полюбил, как родного брата.

— Разрешите... Я пойду. Я уничтожу эту гадину...— снова услышал старший лейтенант Артюхов требовательный голос комсомольца.

И Артюхов разрешил.

Матросов быстро сделал несколько резких прыжков. Потом Александр упал на бок и торопливо пополз к дзоту правее погибших друзей. Его не заметили из дзота. И Матросов продолжал ползти по снегу. Его сердце было переполнено жаждой мести и неукротимым стремлением к победе.

Матросов продолжал ползти. Вдруг его заметили фашисты и открыли ураганный огонь. Пули яростно взрывали снег то впереди, то позади отважного автоматчика. Двигаться было нельзя. Начинали коченеть ноги, руки. Свернуть в сторону и укрыться за кустом? Нет. Таких мыслей не возникало у Матросова. Как только струю огня отводили от него, он продолжал энергично двигаться вперед.

Вот Матросов подполз к вражескому дзоту совсем уже близко. Он вскинул автомат и дал по амбразуре очередь. В дзоте раздался взрыв. Из амбразуры пополз густой дым. Как потом стало известно, пули Матросова попали в мину. Вражеский пулемет сразу умолк. Десятки бойцов батальона, которые внимательно следили за подвигом Матросова, радостно и облегченно вздохнули. Они уже были готовы броситься вперед на оккупантов. Но через несколько секунд вражеский пулемет снова ожил и стал с еще большим остервенением поливать свинцом лесную поляну, где находились бойцы батальона.

Матросов так близко находился от вражеского дзота, что чувствовал запах порохового дыма. Он проверил свое боевое снаряжение: у него не осталось ни одной гранаты, ни одного патрона в автомате. А фашистский пулемет продолжал давать длинные очереди по нашим подразделениям.

Чем же бить проклятого врага?

— Будьте вы прокляты, гады! — крикнул Александр Матросов. Он мгновенно вскочил на ноги, сделал сильный рывок вперед и левым боком, сердцем своим закрыл амбразуру дзота... Вражеский пулемет мгновенно смолк...

Воодушевленные подвигом Матросова, бойцы в едином порыве поднялись на ноги и решительно рванулись вперед, могучей лавиной обрушившись на врага. Сокру-

шая на своем пути гитлеровцев, они быстро овладели дзотом, а потом освободили деревню Чернушки.

Александр Матросов героически погиб, освобождая родную советскую землю. Своим беспримерным героизмом и мужеством во имя Родины он завоевал право на бессмертие... Пройдут годы, десятилетия, но никогда не забудется имя героя-комсомольца Александра Матросова, отдавшего свою жизнь ради счастья советского народа.

Образ героя воодушевляет не только молодежь нашей страны, но и молодежь других стран, которая боролась и борется за свою свободу и независимость. Его бессмертный подвиг повторили китаец Хуан Цзи-гуан, кореец Ким Чон Квор и вьетнамец Тран Ку.

Указом Президиума Верховного Совета СССР Александру Матвеевичу Матросову посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Он навечно зачислен в списки роты, с которой шел в бой под деревней Чернушки. Ежедневно на вечерней поверке старшина роты берет в руки список личного состава и громко произносит:

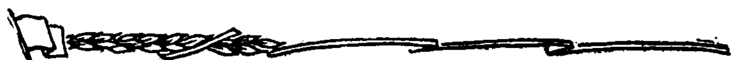
— Герой Советского Союза, гвардии рядовой Александр Матросов!

— Погиб смертью храбрых в боях с немецкими захватчиками! — четко произносит правофланговый.

И каждый раз в эти минуты у солдат-гвардейцев встает перед глазами живой образ бессмертного Александра Матросова, веселого, белокурого русского паренька с автоматом на груди.

Александр Матросов незримо находится в рядах своей родной гвардейской роты и вселяет мужество и отвагу в сердца солдат.

И. Гудыренко

ШТУРМ ЛЕДЯНОГО ВАЛА

Зима 1943 года. Много дней на Дону стояли крепкие морозы... По степи гуляли лютые метели...

Войска Юго-Западного фронта под командованием генерала Ватутина с тяжелыми боями продвигались на запад, тесня немецко-фашистских захватчиков, пытавшихся прорваться к окруженной группировке их войск в районе Волгограда. В числе наступающих был и 130-й Гвардейский Краснознаменный стрелковый полк, в котором служил младший лейтенант Иван Васильевич Седов, уроженец села Конновки Барышского района Ульяновской области.

В районе станции Красновка Ростовской области фашисты соорудили высокий ледяной вал из соломы и снега, полили его водой и назвали «неприступной крепостью». Вся местность на подступах к станции была опоясана проволочными заграждениями, дзотами.

Перед воинами 130-го Гвардейского Краснознаменного стрелкового полка была поставлена задача: овладеть станцией, не дать возможности немцам подбрасывать свои резервы из Донбасса в район Миллерово, где наши войска окружали и громили врага.

Сухой, жгучий мороз обжигал лица солдат, но гвардейцы наступали на ледяной вал. То и дело от разрывов вражеских снарядов в воздух поднимались огромные фонтаны черной земли, смешанной со снегом.

И вот последовал приказ: роте гвардии лейтенанта Ивана Сергеевича Ликунова любой ценой преодолеть вал.

Сквозь снежную бурю видно было, как советские воины рванулись в атаку.

— Товарищи! Главное — быстрота, — подбадривали командиры бойцов.

Ближайший помощник командира роты, первый друг Ликунова, младший лейтенант Иван Седов, следовавший справа, призывал солдат:

— Коммунисты и комсомольцы, за мной!

И каждый боец желал быть впереди. На рассвете 15 января 1943 года наши бойцы подошли к ледяному валу. Вызвать на вал артиллерийский огонь фашисты не решались: он мог бы обрушиться на их же головы.

Смельчаки начали штурм самого вала. Взобраться на него было очень трудно: он был покрыт скользким, затвердевшим от сильного мороза льдом. Одни вели автоматный огонь, бросали гранаты через вал, другие дробили лед, пробивая себе дорогу вперед.

В этой обстановке младший лейтенант Седов проявил находчивость.

— Шинели на вал! — подал он команду.

И десятки шинелей легли на изрытый пулями и минами лед. По этой своеобразной лестнице наступавшие быстро забирались наверх и вели стрельбу по вражеским солдатам.

Вал остался позади. Тринадцать гвардейцев во главе с Седовым устремились в глубь обороны противника. В ста метрах от железнодорожной ветки, на краю поселка, они заняли оборону в трех хатах.

Увидев, что вал уже преодолен советскими смельчаками, артиллеристы противника открыли по нему бешеный огонь.

— Опоздали, голубчики, — подбадривая бойцов, посмеивался Иван Седов. — Теперь вам будет жарко.

Вскоре серо-зелеными цепями на хаты пошли фашисты. Подпустив их поближе, гвардейцы открыли стрельбу из ручного пулемета и автоматов. Подкошенные пу-

лями гитлеровцы падали в снег. Но наступление продолжалось.

Заметив, что немцы подтягивают новые силы, наши солдаты усилили огонь. И снова атака противника захлебнулась. Перед тремя хатами на снегу становилось все больше и больше истребленных гитлеровцев. Но враг не успокаивался...

Немцы переменили тактику. Шли уже не в полный рост, а ползли по одному, по два. Но их настигал огонь гвардейцев.

Положение оборонявшихся ухудшилось, помощь не подходила. На протяжении дня советские воины несколько раз пытались перевалить через ледяной вал и помочь своим товарищам. Но противник вел по валу губительный артиллерийский и пулеметный огонь.

Между тем фашисты, взбешенные неудачей, подожгли дома, в которых засели тринадцать советских храбрецов, и с новой силой повели атаку. Обливаясь кровью, раненый Иван Седов с трудом подполз к окну, бросил в фашистов гранату и упал на пол...

Огонь охватил все три дома. Часть бойцов выскочила из хат и пыталась штыками прорвать кольцо окружения, но силы были далеко не равны. Гвардейцы погибли. Другая часть советских воинов предпочла сгореть в огне, нежели сдаться в фашистский плен.

В это время из-за ледяного вала, после подавления неприятельских батарей и пулеметных точек советскими артиллеристами, наша пехота ворвалась в железнодорожный поселок станции Красновка. На краю селения догорали три хаты, а вокруг них валялось около сотни убитых фашистских солдат и офицеров.

...Серебристым снегом покрывалась земля, насыпанная на братской могиле тринадцати героев. Сорвал и унес ветер горький дымок прощального салюта, высохла на горячем пепелище скупая солдатская слеза...

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 марта 1943 года всем тринадцати воинам посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. В их числе и наш замечательный земляк Иван Васильевич Седов.

Советские люди свято чтят светлую память своих героев. Сослуживцы тринадцати героев-гвардейцев вместе с общественностью открыли на станции Красновка комнату-музей тринадцати Героев Советского Союза.

В нем собраны фотографии, личные вещи, документы и материалы, повествующие о жизни и бессмертном подвиге воинов. Среди экспонатов — фотография, учетная комсомольская карточка, автобиография Ивана Васильевича Седова.

Пионерская дружина железнодорожной Красновской школы носит имя тринадцати героев. Боевые друзья, партийная и комсомольская организации станции Красновка, а также пионеры ведут переписку с матерью Героя Советского Союза Ивана Седова — Дарьей Ивановной Седовой, проживающей в селе Конновка Барышского района.

У перрона вокзала станции Красновка сооружен скульптурный памятник на братской могиле тринадцати Героев Советского Союза, открытый в 40-ю годовщину Великого Октября, отстаивая завоевания которого отдали свои жизни мужественные солдаты.

П. Слесарев

ПОДТВЕРЖДЕНО ФОТОСНИМКАМИ

Михаил Петрович Мизинов родился в селе Пятина Инзенского района. С детства он мечтал стать летчиком. И добился своей цели, осуществил заветную мечту. Отечественную войну Михаил встретил летчиком.

За время войны Мизинов совершил 184 боевых вылета. Он в совершенстве овладел пилотированием во всякую погоду и в любое время суток. Это помогало ему с победой выходить из самых трудных положений, наносить точные, сокрушающие удары по врагу, добывать ценные сведения во время разведывательных полетов.

Отважный, хладнокровный и расчетливый летчик нанес огромный урон фашистским войскам. Он сбросил на их головы и важные военные объекты 132 660 килограммов бомб.

Прекрасна боевая биография Мизинова. Каждый вылет в тыл врага — яркий пример его высокой выучки, бесстрашия и находчивости.

Таких памятных полетов было много. Вот один из них. На исходе июль первого года войны. Командир вы-

звал в штаб летчика Мизинова и, рассматривая карту, сказал:

— Вам поручаем разведать, что делает противник вот здесь, — и обвел красным карандашом район в тылу врага с несколькими населенными пунктами, железнодорожной станцией и перекрестком шоссейных дорог.

— Задачу понял! — спокойно ответил Мизинов и пометил район разведки на своей карте.

Через несколько минут его самолет был уже в полете. Стрелок-бомбардир и стрелок-радист зорко осматривали небо и уплывающую землю. Они не снимали рук с оружия. Оно может понадобиться в любой миг для защиты боевой машины.

Но вокруг было только безбрежное синее небо. А вот и заданный район разведки. Включаются фотоаппараты. Надо запечатлеть на пленку все, что попало в поле зрения объектива.

— Истребители! — крикнул стрелок-радист и показал рукой влево от курса.

Мизинов быстро оценил обстановку. Круто развернув самолет, повел его навстречу немецким истребителям. Таким путем можно было вести по ним огонь из всех видов оружия. Расстояние между «мессерами» и бомбардировщиком сокращалось. Вот оно уже не больше километра.

«Пора», — подумал летчик и, поймав в перекрестие прицела ведущего «мессершмитта», нажал на спуск. Стрелок-радист дал очередь по верхней паре немецких истребителей. Один из них задымил и, теряя высоту, отвалил в сторону. Первая пара проскочила мимо и ниже бомбардировщика. Мизинов поэтому заключил, что на них сидели не новички, а опытные ассы, знающие, как уходить из зоны обстрела бомбардировщика.

Мизинов разворачивал самолет в сторону фронта. Ведь нужные объекты были уже зафиксированы на пленку и ее следовало обязательно доставить в штаб.

Но немецкие самолеты не собирались выйти из боя. Они поднялись выше и оттуда стали по очереди пикировать на бомбардировщик. Уже в нескольких местах были пробиты крылья. На повторном заходе «мессеров» нашим летчикам удалось подбить еще один немецкий самолет, и он камнем пошел к земле.

«Уже легче, — подумал Мизинов, глядя на остав-

шуюся пару истребителей. — Теперь только бы дотянуть до своих».

Летчик дал полный газ. До линии фронта оставалось каких-нибудь десять минут полета. Но тут, как часто бывает в бою, Мизинов увидел, что стрелок-радист беспомощно повис на пулемете.

Очередь какого «мессера» прошила машину, Мизинов не заметил. Но он почувствовал, что с самолетом что-то стряслось неладное. И вдруг Мизинов увидел, что левый мотор лижут языки пламени, и сразу же принял решение: «Попробую потушить огонь».

Он резко перевел машину в пикирование. Но когда вывел ее на горизонтальный полет, пламя, кажется, еще жарче охватило самолет. Тогда Мизинов, плотно сжав губы, нажал на рычаги. Бомбардировщик заскользил к земле, падая на крыло с исправным мотором. Языки пламени как бы относило в сторону. И вскоре летчик заметил, что от крыла отрываются уже не клочки пламени, а лишь белесые струйки дыма. Мизинов еще пристальней, словно не веря самому себе, посмотрел в сторону опаленного крыла. Да, пламя было погашено. И вот самолет выходит перед самой землей на прямую. Небо над головой чистое. Немецкие истребители исчезли, видимо решив, что русский самолет, объятый пламенем, врезался в землю.

Мизинов облегченно вздохнул. Боевая машина сохранена для новых полетов. А главное, спасен раненый стрелок-бомбардир.

«Ничего, потерпи малость, — с нежностью подумал летчик, глядя на раненого. — Скоро до своих доберемся»...

Теперь Мизинова занимала одна мысль: быстрее сесть на своей территории. Наконец-то линия фронта осталась позади. Неподалеку от железнодорожной станции летчик повел самолет на снижение. Но, когда хотел выпустить шасси, обнаружил, что одно колесо заклинено и не поддается управлению.

Мизинов снова стал набирать высоту. Но в баках самолета кончалось горючее. И Мизинов решил пойти на крайнее средство — посадить самолет на одно колесо. С первого же захода он мастерски приземлил машину.

А к самолету уже бежали советские бойцы, местные жители. Подъехала легковая машина. В нее перенесли

стрелка-бомбардира, который уже бредил. Потом бережно положили на лужайку убитого стрелка-радиста.

Похоронив боевого друга, Мизинов с помощью товарищей принялся за ремонт самолета...

Наутро самолет легко оторвался от зеленой лужайки и вскоре растаял в туманной дымке. А еще через час он уже приземлился на родном аэродроме.

Мы описали лишь один боевой эпизод. А сколько их было в боевой жизни Мизинова! Об этом красноречиво говорят хотя бы вот эти лаконичные записи:

«5 марта 1942 года. Самолет Мизинова в составе четырех машин бомбардировал защищенный истребителями противника запасной аэродром. По наблюдениям экипажа, уничтожено и повреждено 20 немецких самолетов».

Спустя сутки — новый подвиг.

«В составе четырех самолетов ведомый бомбардировал аэродром. Уничтожено 10 самолетов врага. (Подтверждено фотоснимками). В воздушном бою стрелками-радистами сбито два фашистских самолета».

А вот запись от 16 марта.

«...В составе шести самолетов ведомый бомбардировал аэродром врага, где уничтожено около 20 самолетов».

И как всегда, эта лаконичная запись заканчивается словами:

«Результаты бомбежки подтверждены фотоснимками».

Но особенно памятны Мизинову бои на подступах к Ржеву в июле — августе 1942 года. Немцы отчаянно защищали этот важный стратегический пункт. Они пытались любой ценой удержать его в своих руках.

И вот Мизинов получил боевое задание сбросить бомбовый груз на этот объект.

Погодные условия выдались тяжелыми. Заградительный зенитный огонь был предельно плотен. И тогда Мизинов пошел на крайний риск. Он снизился до 160 метров и начал бомбить. Немецкие артиллеристы были не только не подготовлены к ведению огня по столь низко летящему самолету, но и ошеломлены неслыханной дерзостью русского летчика. А в его послужном списке появилась еще одна выразительная запись:

«...Бомбардировал артбатареи и станцию Ржев-юж-

ная... Прямыми попаданиями разрушены станционные постройки, взорван склад с боеприпасами и разбит эшелон с танками...».

И ниже:

«Подтверждено наблюдениями экипажа и фотоснимками».

В непрерывных боях провел Мизинов и начало 1943 года. Он бомбил объекты противника под Касторной, наносил мощные удары по его укреплениям и тылам в районе Белгорода.

1 мая 1943 года командующий 16-й воздушной армией генерал-лейтенант авиации Руденко в своем наградном представлении писал:

«За образцовое выполнение боевых заданий командования с немецкими захватчиками, за храбрость, мужество и героизм, проявленные в боях, старший лейтенант Мизинов достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

М. Кошкин

КОМАНДАРМ ГУСЕВ

В захолустном городке Карсуне в декабре 1894 года родился Дмитрий Николаевич Гусев. Он прошел большой и трудный путь от рядового солдата до генерал-полковника.

В годы Великой Отечественной войны особенно ярко проявился полководческий талант Дмитрия Николаевича Гусева. Своим твердым характером и кипучей энергией он в самые трудные моменты умел вселять в подчиненных веру в победу.

В сентябре 1941 года, когда немцы рвались к Ленинграду, генерал-майор Гусев был назначен начальником оперативного управления Ленинградского фронта, а в ноябре 1941 года он уже возглавлял штаб фронта.

Тысячи коммунистов с оружием в руках встали на защиту города, все жители помогали строить укрепления. Командование фронта, а также городские партийные организации во главе с А. А. Ждановым принимали все меры к тому, чтобы не пустить фашистов в город.

Гитлеровцы рассчитывали захватить Ленинград в несколько дней, а простояли под ним 500 дней, так и не побывав на красивых ленинградских проспектах...

В начале ноября 1941 года ударили сильные морозы, и Ладожское озеро начало покрываться льдом. Поток грузов по Ладожскому озеру для снабжения войск и населения Ленинграда резко сократился. Транспортная авиация не могла удовлетворить даже минимальных потребностей гарнизона и населения города.

Кроме того, осажденный и отрезанный от всей страны Ленинград все время подвергался варварским обстрелам из дальнобойной артиллерии и воздушным налетам.

Вскоре вышла из строя водопроводная и электрическая сеть, прекратилось движение городского транспорта, не хватало топлива.

Несмотря на тяжелые условия жизни, ленинградцы героически выполняли свой долг перед Родиной. Они находили в себе силы работать у станков под систематическим изнуряющим огнем противника и обеспечивать Ленинградский фронт военной техникой и вооружением. А в дни ожесточенных боев под Москвой они поставили защитникам столицы десятки тысяч минометов, сотни артиллерийских орудий и другие виды оружия.

Героический Ленинград крайне нуждался в продовольствии, в некоторых видах вооружения, в горючем. Перед штабом фронта и его начальником генералом Гусевым стояла трудная задача — обеспечение населения и войск всем необходимым. Это была задача со многими неизвестными. Дмитрий Николаевич предложил построить автомобильную дорогу по льду Ладожского озера. Партийная организация Ленинграда и Военный Совет фронта одобрили это предложение, и вскоре дорога была построена. Теперь город стал получать продовольствие, боеприпасы и все необходимое для ведения войны. Не случайно ленинградцы назвали ее «дорогой жизни».

Дмитрий Николаевич, как начальник штаба фронта, чувствовал большую моральную ответственность за снабжение города и войск. Он ежедневно интересовался работой «дороги жизни», принимал все меры к тому, чтобы обеспечить бесперебойность ее работы.

Войска Ленинградского фронта, получавшие по этой дороге пополнение, вооружение и продовольствие, стойко защищали северные и южные подступы к городу. Они не ограничивались пассивной обороной, а сами наносили

контрудары, ослаблявшие силы врага. Шла подготовка к окончательному разгрому немецко-фашистских захватчиков под Ленинградом.

За умелое руководство в эти дни штабом Ленинградского фронта в мае 1942 года Д. Н. Гусеву было присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

Вместе с руководителями Ленинградской партийной организации, членом Политбюро А. А. Ждановым, командующим Ленинградским фронтом Л. А. Говоровым штаб фронта во главе с Д. Н. Гусевым разработал глубоко продуманный оперативный план боевых действий. По этому плану предусматривалась тщательная подготовка всех сил и средств для удержания занимаемых рубежей и нанесения решительного удара по врагу.

Оригинальность плана заключалась не только в том, что намечалось провести комплекс мероприятий по совершенствованию инженерной и артиллерийской обороны Ленинграда, но и в подготовке войск к наступлению. В этом плане нашли свое отражение мероприятия, направленные на спасение исторического города от разрушений.

Летом и осенью 1942 года штаб Ленинградского фронта под непосредственным руководством генерала Гусева разработал и провел совместно с Волховским фронтом ряд операций, рассчитанных на срыв нового наступления немцев.

Зимой 1942/43 года штаб фронта приступил непосредственно к осуществлению плана по прорыву блокады. Основной замысел сводился к следующему: ударами войск Ленинградского и Волховского фронтов необходимо было разгромить немецко-фашистские войска южнее Ладожского озера, ликвидировать Шлиссельбургско-Синявинский выступ фронта противника и таким образом создать возможность бесперебойного снабжения города и связи Ленинграда со страной по суше.

12 января 1943 года после мощной артиллерийской и авиационной подготовки ударные группировки Ленинградского и Волховского фронтов перешли в наступление против гитлеровских войск, оборонявших Шлиссельбургско-Синявинский выступ. Немцы оказали ожесточенное сопротивление. Но войска Ленинградского и Волховского фронтов медленно, но уверенно продвигались навстречу друг другу. В начале февраля 1943 года нем-

цы были наголову разбиты, блокада Ленинграда прорвана.

14 января 1944 года войска Ленинградского фронта и моряки Краснознаменного Балтийского флота по единому плану, разработанному штабом фронта под непосредственным руководством генерала Гусева, перешли в наступление из районов Пулково и южнее Ораниенбаума и 19 января штурмом овладели городом Красное Село.

21 января 1944 года войска Ленинградского фронта во взаимодействии с войсками Волховского фронта овладели городом и важным железнодорожным узлом Мга — мощным опорным пунктом обороны немцев. К этому времени штаб Ленинградского фронта, мобилизовав резервы, обеспечил развитие успеха войскам фронта. В результате глубоко продуманного обходного маневра и стремительной атаки соединения Ленинградского фронта 24 января овладели городами Пушкин и Павловск. В ночь на 26 января была освобождена Гатчина, превращенная немцами в крепость.

В январе 1944 года войска Ленинградского фронта во взаимодействии с Краснознаменным Балтийским флотом и при содействии войск Волховского фронта нанесли сокрушительный удар по врагу. Немцы были отброшены по всему фронту на 65—100 километров от стен Ленинграда.

Таким образом, благодаря беззаветному мужеству и стойкости советских воинов и населения, а также умелому руководству партийной организации Ленинграда и командования фронта все попытки фашистов прорваться в город были отбиты. Фашисты так и не смогли овладеть Ленинградом и задушить его защитников голодной блокадой, как они об этом помышляли.

Родина высоко оценила заслуги начальника штаба Ленинградского фронта генерал-лейтенанта Гусева. За разработку и проведение в жизнь плана операций по прорыву блокады Ленинграда, за проявленные при этом мужество и отвагу Д. Н. Гусеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

После ликвидации блокады войска Ленинградского фронта начали готовиться к новым боям на Карельском перешейке. Нужно было ликвидировать опасность, нависшую над Ленинградом с севера. План разгрома

врага на Карельском перешейке генерал-лейтенанту Гусеву пришлось осуществлять самому, как командующему 21-й армией (командование армией было поручено ему в апреле 1944 года). Он энергично взялся за осуществление Выборгской операции и провел ее блестяще.

За успешные боевые действия на Карельском перешейке Д. Н. Гусеву в июне 1944 года было присвоено воинское звание генерал-полковника.

После завершения Выборгской операции и кратковременного отдыха 21-я армия под командованием генерал-полковника Гусева в декабре 1944 года сосредоточилась в лесах на восточном берегу Вислы. Она готовилась принять участие в разгроме вражеских войск на Берлинском направлении.

Снова началась напряженная работа по подготовке войск и штабов подчиненных частей и соединений армии. В этой работе Гусев принимал самое деятельное участие. Он присутствовал на занятиях то в одном, то в другом соединении и, несмотря на плохое здоровье, лично показывал бойцам, как следует совершать стремительный бросок во время атаки.

В середине января 1945 года 21-я армия была введена в бой. Глубокий снег приковывал войска и особенно технику к дорогам. Но это, однако, не мешало нашим воинам громить гитлеровцев.

19 января, еще в ходе боев за Краков, 21-я армия перешла в наступление, нанося удар в направлении на Тарновец. В дальнейшем ей необходимо было развивать этот успех, обходя группировку противника в Силезии с северо-запада. В течение дня 19 января армия под командованием Гусева прорвала оборону противника на реке Варежа и повела наступление на Силезский промышленный район.

В разгроме вражеских войск в Силезии 21-я армия и кавалерийский корпус сыграли важную роль. В конце января весь этот район был очищен от немецко-фашистских войск.

В ходе этой операции были образованы две группировки войск: оппельнская и ратиборская.

Оппельнской группировкой в составе 21-й армии и других частей и соединений командовал генерал-полковник Гусев. В ее задачу входило нанести удар в направлении на Братткау, Нейсе, Нейштадт, там соеди-

ниться с войсками наступавшей ратиборской группировки и тем самым завершить окружение войск противника юго-западнее Оппельна.

Наступление войск началось 15 марта. После 40-минутной артиллерийской подготовки главные силы 21-й армии перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление противника, отражая непрерывные контратаки, наши войска к исходу первого дня прорвали на восьмикилометровом фронте две укрепленные позиции противника и продвинулись на 10 километров в глубь вражеской обороны.

18 марта 21-я армия продолжала развивать наступление в западном направлении, в результате был создан внешний фронт окружения, что позволило войскам левого крыла фронта немедленно приступить к ликвидации окруженного противника. В течение двух дней вся вражеская группировка была уничтожена.

* * *

Отгремела война. Генерал-полковник Гусев продолжал оставаться в рядах Советской Армии.

Длительное время он командовал Ленинградским и Забайкальским военными округами. В последние годы жизни он, не считаясь с тяжелой болезнью, продолжал неутомимо трудиться над укреплением обороноспособности нашей Родины.

25 августа 1957 года Дмитрий Николаевич Гусев умер. Похоронен он в Москве на Ново-Девичьем кладбище.

П. Слесарев

БРАТЬЯ

На рассвете 26 июля над лагерем прозвучал сигнал боевой тревоги. Личный состав бомбардировочного соединения замер в ровном, словно отбитом линейкой, строю. Сосредоточены, спокойны лица летчиков. Кратки и суровы слова приказа:

— На железнодорожной станции Грубешув обнаружено большое скопление эшелонов и войск врага. Нанести по ним массированный удар с воздуха.

Раздалась команда: «По самолетам!» Летчики направились к своим машинам. Среди них были и братья Николай и Михаил Паничкины, уроженцы деревни Лебедевки бывшего Астрадамовского района Ульяновской области. В 1940 году они одновременно окончили авиационное училище и получили специальность штурманов. По личной просьбе их направили в одну часть. Великая Отечественная война застала их в Курске.

...Флажок стартера разрешил взлет. Серебристые двухмоторные машины одна за другой плавно отрывались от земли.

Вот уже все самолеты в воздухе, построились в звенья и взяли курс к линии фронта. Высота 4500 метров. Внизу сплошная облачность. Но молодые штурманы Паничкины вели свои звенья точно по заданному курсу.

Николай посмотрел на карту. По расчетам, до цели оставалось километров пятьдесят. В разрывах облаков далеко внизу виден город Владимир-Волынский. Он уже занят гитлеровцами. Внезапно самолет резко тряхнуло. Зенитный снаряд попал в левый мотор, и он сразу захлебнулся, а в кабине зазияла пробоина. Летчик Виктор Маркелов вопросительно взглянул на своего штурмана.

— Тяни на одном, Виктор! До цели осталось недалеко, — услышал летчик в ответ бодрые слова штурмана.

Николай зорко всматривался вперед. Вот показалась железнодорожная станция. Через нее на восток шли эшелоны.

Звено легло на боевой курс. Николай припал к прицелу и как бы окаменел в неподвижности. Справа, слева, впереди рвались снаряды вражеских зениток. Наступил решительный момент.

Самолеты над целью. Штурман нажал на рычаг. Машина облегченно вздрогнула, освободившись от смертоносного груза. Тяжелые бомбы, уменьшаясь в размерах, быстро пошли вниз. Прошло несколько секунд... И вдруг на станции, в самой гуще эшелонов, вспыхнули ярко-красные факелы взрывов. Затем они слились в сплошное море огня. Иногда сквозь дым прорывались длинные, словно полотнища, языки пламени. Это рвались цистерны с горючим и вагоны с боеприпасами.

Самолеты отваливали, маневрируя среди разрывов зенитных снарядов, и ложились на обратный курс.

Подбитый самолет с большим трудом дотянул до

родного аэродрома. Здесь уже приземлились все машины. К кабине подбежал Михаил, спросил с беспокойством брата:

— Не ранен?

— Миновало, — вылезая на крыло и снимая шлем, ответил Николай. Братья обнялись.

Всю ночь техники ремонтировали самолет Маркелова. А наутро его экипаж получил новую задачу. Командир сказал:

— Нанести удар по одной из переправ, около которой скопилось много немецкой боевой техники и живой силы.

Выполнение этой задачи осложнялось тем, что решать ее должен всего один экипаж. Это отлично понимали и летчик, и штурман Николай Паничкин. Когда они приблизились к цели, на их машине был сосредоточен огонь всех зенитных батарей врага. Уже несколько осколков прошило фюзеляж самолета, разбило стекло фонаря. Снаряды рвались так близко, что порой казалось, будто бомбардировщик плывет на сизых облачках разрывов.

— Пять секунд! — показал штурман на пальцах летчику.

Столько оставалось времени до момента бомбометания. Но на войне и секунда резко меняет обстановку и соотношение сил. В кабине летчика с грохотом и треском разорвался снаряд. Николаю в лицо пахнуло жаром, обдало чем-то горячим и липким.

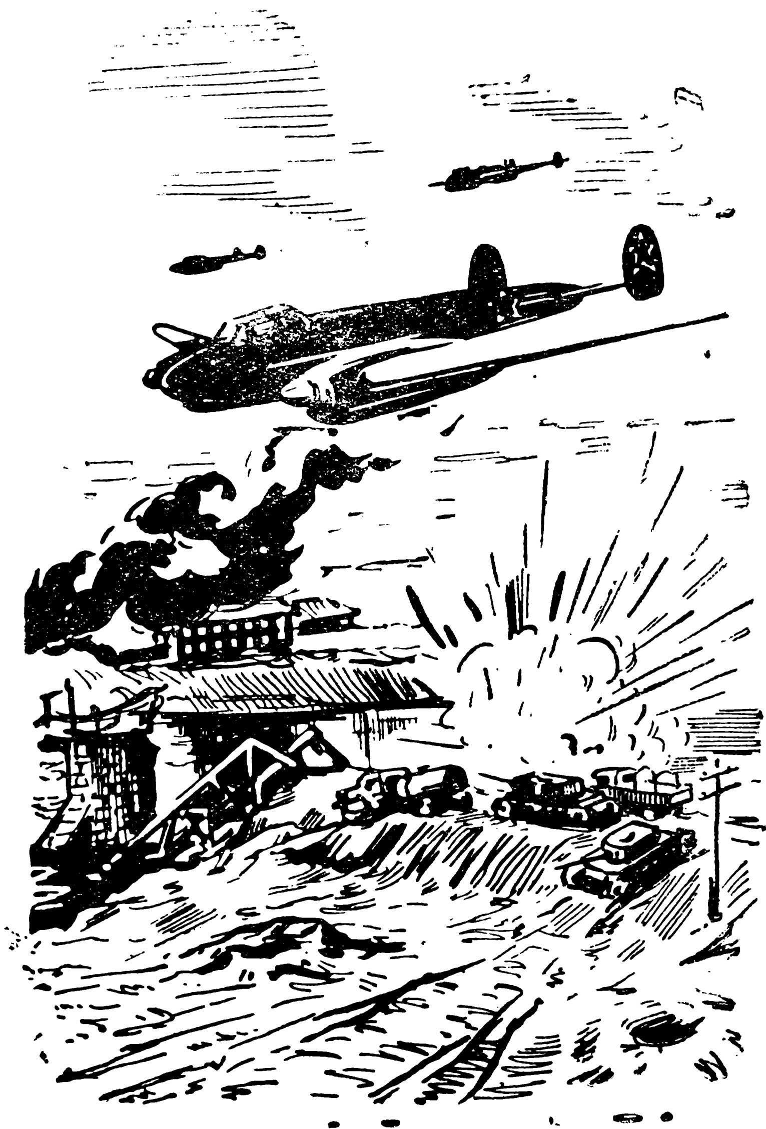
«Что случилось? Что со мной?» — пронеслось в сознании штурмана. Он протер глаза и тотчас увидел убитого летчика.

Самолет терял высоту, отвесно падал. Медлить было нельзя. Штурман, открыв колпак, вывалился за борт и дернул за кольцо парашюта. С легким хлопком раскрылся над головой серебристый купол.

Приземлившись, Николай огляделся. Вокруг колосилось пшеничное поле. Неподалеку была опушка леса.

Штурман отстегнул парашют и пополз к лесу. Здесь он еще раз осмотрелся, сверил местность по карте. До линии фронта было более сотни километров. Летчику было над чем задуматься.

«Ничего, доберемся», — решил Николай.

...Всю неделю пробирался Николай к линии фронта, питаясь ягодами, грибами. Однажды голод привел его к домику, но войти в него он долго не решался.

— Ну, чего притаился, вставай! — вдруг услышал штурман.

Николай, быстро вскочив, схватился за рукоятку пистолета. Перед ним стоял старик с берданкой за плечами и улыбался широко, беспечно.

Это был лесник. Он накормил Николая, помог перевязать ему раны на ноге. А потом подал залатанные брюки, потрепанный пиджачишко.

— Переоденься на всякий случай...

Он дал летчику на дорогу узелок с пищей и сказал, что до фронта осталось верст сорок.

Поблагодарив за гостеприимство, Николай двинулся в путь. На восьмой день он пришел в свою часть. Не сразу в этом исхудавшем и изможденном человеке летчики узнали своего товарища.

— Значит, опять вместе? — радостно говорил Михаил. — А я уж, признаться, всплакнул о тебе. Мы же знали, что ваш самолет был подбит.

— Не горюй, братишка! Мы еще с тобой повоюем, — ответил Николай.

И это были не просто громкие слова. Совершенствуя свое летное мастерство, перенимая передовой опыт других боевых экипажей, братья добились хороших результатов. На личном счету Николая было 248, а Михаила — 236 боевых вылетов. Каждое звено брало в полет десятки бомб крупного калибра. Не трудно представить, сколько ими было уничтожено техники и живой силы врага. К тому же надо учесть, что, как правило, весь их груз плотно накрывал фашистские объекты...

Братья Паничкины служат сейчас в разных частях, но работают над одной задачей — готовят летные кадры. И им есть чем поделиться с молодыми летчиками и штурманами. Богат их послужной список замечательными боевыми делами. Они наносили мощные удары с воздуха по Данцигу, Хельсинкам, Берлину...

И какие удары!

... Ночная бомбежка имеет свою специфику. Объекты погружены в полный мрак. Их местонахождение обнаруживают по точным расчетам, если вблизи нет каких-нибудь приметных и ночью ориентиров. Но уже в начале войны стал широко практиковаться и такой метод действий. Сначала высылается вперед первый эшелон из нескольких одиночных самолетов с целью поджечь объект и осветить всю прилегающую к нему местность.

Весь огонь зенитных средств врага обычно направляется на эти самолеты. Каждый такой вылет, когда буквально в одиночку приходится «продираться» сквозь сплошные разрывы вражеских зенитных снарядов и сеть прожекторных лучей, стоит многих обычных вылетов.

Вот такими летчиками-разведчиками и были братья Паничкины. Их боевой друг полковник Д. К. Перемот так отзывается о личных и боевых качествах братьев Паничкиных:

«...Это были очень скромные и тихие парни... Их геройство заключалось в том, что в кольце огня зениток и прожекторов они спокойно и быстро рассчитывали угол прицеливания, угол сноса и, не обращая внимания ни на что, прицеливались и точно клали в цель свои бомбы. Они оба были штурманы. Их всегда посылали первыми, чтобы они подожгли цель, и по возникшему пожару мы вели весьма точную бомбежку.

Вот за сумму всех таких полетов им и присвоено звание Героев Советского Союза. Это не один подвиг. Это — много подвигов!».

П. Ковальчук

СНАЙПЕР ПЕТР ГОЛИЧЕНКОВ

Генералу уже не раз докладывали о необыкновенно метком снайпере, который без промаха бьет фашистов с больших дистанций.

И вот командующий армией решил лично посмотреть «работу» своего солдата. Задолго до рассвета он вместе с Петром Голиченковым расположились в хорошо замаскированном снайперском блиндаже и стали ждать.

Стояла гнетущая тишина. На этом участке фронта фашисты были очень осторожны. Они боялись меткой снайперской пули, которая доставала их, казалось, в самом недосягаемом месте. Немцам было известно не только то, что здесь действует необыкновенно меткий снайпер. Они знали даже его фамилию. Не раз из репродукторов слышались, словно собачий лай, выкрики:

— Голиченков капут!.. Голиченков свинья!..

Снайпер уже начал было досадовать, что ему, видимо, так и не придется сегодня ни одного фрица ухлопать, когда наконец-то за Невой показался немец. Он, пригибаясь, отбежал в сторону от блиндажа, присел...

— Больше тысячи метров... — на глаз определил генерал.

— Ничего, попробуем... — ответил снайпер, не отрываясь от оптического прибора.

Раздался выстрел, фриц клюнул носом, перевернулся да так и остался лежать.

Генерал поблагодарил солдата за службу, а потом признался, что не надеялся, что снайпер достанет немца на таком расстоянии.

И хотя Петр на это ничего не сказал генералу, но про себя подумал: «Это для меня не ново. Многие не верили. Даже в армию брать не хотели. Мал ростом, говорили. Четырех сантиметров до нормы не хватало. Еле упросил председателя призывной комиссии... Из-за этого самого роста и немцы не хотели принимать меня за полноценного солдата. Видно, поэтому они и не обыскали меня, когда взяли в плен. А потом, получив две лимонки в жирный загривок, наверное, каялись».

Было это еще в начале войны. Нападение фашистской Германии на Советский Союз застало тот полк, где служил Голиченков, в литовских лесах, у самой границы. С первого же дня им пришлось отступать. Батальон, в котором находился Петр Голиченков, прикрывал отступление. В то время солдаты были необстреляны и кланялись каждой пуле. Немцы, воспользовавшись внезапностью нападения и превосходством в силах, шли безостановочно вперед. Они растекались по многочисленным дорогам и тропам, вклинивались в наши войска и расчленяли их, просачивались в тыл, сеяли панику. И неудивительно, что батальон оказался в окружении.

Командир батальона капитан Кондрашин, земляк Голиченкова, решил послать группу бойцов, в их числе и Петра, в разведку. Он приказал выяснить расположение и численнось немецко-фашистских войск и возможность выхода из окружения.

И вот вторые сутки разведчики вели наблюдения, изучали расположение противника. Немцы и не подозревали, что у них под самым носом советские бойцы. Разведка подходила к концу, когда один из разведчиков своей неосторожностью выдал себя. Их обнаружили. Завязался жестокий, неравный бой. Четыре товарища Петра были убиты. Он один упорно отстреливался, отползая в глубь леса, и не заметил, как несколько здо-

ровенных белобрысых фрицев заползли ему в тыл и, подкравшись сзади, неожиданно навалились на него. Он понял, что силой ему не справиться с ними. Он мог осилить их только хитростью и русской смекалкой.

Голиченков не оказал сопротивления. Гитлеровцы, увидев, как он дрожит всем телом, как у него подкашиваются ноги, начали громко хохотать и что-то, видно обидное, лопотать по-своему. Они были настолько самоуверены, что даже не стали утруждать себя тем, чтобы обыскать этого маленького, щупленького и, казалось, насмерть перепуганного солдата. А у него в кармане были гранаты.

Подталкивая прикладами и потешаясь над пленным, фашисты привели его в штабную землянку. Там пьянствовали офицеры. Один из них тупо уставился на пленного, выхватил парабеллум и стал угрожать ему:

— Рус Иван, говори!.. Буду стреляй!.. Раз... Два...

Голиченков прикинулся глухонемым. Он глупо моргал глазами, дрожал, показывал то на язык, то на уши, издавал нечленораздельные мычащие звуки.

Немцы громко хохотали. Их забавляло поведение пленного. Они еще больше чувствовали себя победителями. Это умерило пыл и вызвало высокомерный чванливый смех и у того офицера, что пытался было допрашивать Голиченкова. Потом немецкий офицер приказал отправить пленного в тыл.

Десять фрицев пошли вместе с Голиченковым. Но скорее всего они шли с ним не как конвой, а просто так, по своим делам. Они почти не обращали никакого внимания на пленного, только изредка подталкивали, указывая, куда надо идти. Пройдя километра два-три лесом, они сделали привал на небольшой поляне у ручья. Летняя ночь подходила к концу. На востоке занималась заря. Немцы расселись около ручья, стали закуривать, а потом вынули бутылки водки и готовились выпить. Голиченков, объясняясь жестами, попросился за куст, справить естественные надобности. Немецкий ефрейтор брезгливо поморщился и показал ему на дальние кусты. Видно было, что этих немцев совершенно не интересовал какой-то перепуганный русский мальчишка в солдатской форме. Никто из немцев даже не посмотрел в ту сторону, куда направился Голиченков. Все они были заняты своим делом. Но неожиданно пря-

мо у их ног разорвалась сначала одна, а за ней другая граната. Пять фашистов были убиты на месте, три тяжело ранены, а два, оказавшиеся легко раненными, бросились бежать. Они даже не подумали о сопротивлении. Голиченков в мгновение оказался у дерева, на котором висело несколько немецких автоматов, схватил один из них и короткими очередями уложил оставшихся в живых фрицев. Забрав их документы, Голиченков решил пробираться к своим. И тут у него мелькнула дерзкая мысль: а что, если попытаться уничтожить тех пьяных фашистов, что высокомерно смеялись над ним?! Пусть знают русского солдата!

Голиченков подобрал несколько немецких гранат, одел форму убитого немецкого солдата. Правда, она была для него великовата. Но ничего!

Через полчаса он был у офицерского блиндажа. Выждав, когда часовой отошел в сторону, Голиченков быстро проскользнул к блиндажу. Там было тихо. В эту утреннюю рань видно все крепко спали. Он решительно шагнул в блиндаж. На столе стояли недопитые бутылки со шнапсом и русской водкой, белый хлеб и награбленное масло, мясо, копчености. А на ворованных кроватях и пуховиках развалились фашисты. Никто из них даже не пошевельнулся, когда вошел Голиченков. Перепившись, они спали мертвецким сном. Ему хотелось прошить их всех одной длинной автоматной очередью, чтобы никогда они больше не проснулись. Для этого, собственно, он и вернулся в звериное логово. Но эти намерения пришлось отбросить сразу же, как только он проник в блиндаж. Трезвый рассудок разведчика охладил его пыл.

Первым, что увидел Голиченков, была лежавшая на столе офицерская планшетка с картой. Он осторожно взял ее. Подобрал валявшийся на стуле парабеллум.

А через сутки батальон с помощью доставленной Голиченковым карты вышел из окружения.

После этого случая в батальоне и в полку никто не сомневался в смелости и находчивости Голиченкова.

В те первые месяцы войны, когда наша армия под натиском превосходящих сил противника вынуждена была отступать, Голиченкову приходилось бывать не только разведчиком. Он ходил в атаки, был пулеметчиком, десятками и сотнями истреблял фашистов.

В ясный июльский день двадцать советских бойцов сидели в засаде. Впереди по обе стороны дороги на несколько километров тянулась открытая, слегка холмистая равнина. А сразу же за спиной начинался лес. Командир определил для засады это место, с расчетом, что при необходимости можно будет укрыться в лесу.

Петр Голиченков пристроил свой пулемет за большим камнем у самой дороги и ждал... Вот показалась длинная колонна. Фашистские молодчики, привыкшие к легким победам на Западе, шли без всякой осторожности. А Петр Голиченков в эти минуты считал последние метры, отделяющие немцев от засады.

— Двести метров... Сто пятьдесят... Сто, — считал он. — Пятьдесят! — И в эту же секунду пулемет Петра ударил по фашистской колонне свинцовой струей. Хлестнули дружные винтовочные залпы. Хваленые гитлеровские вояки, словно стадо овец, шарахнулись с дороги. Они сбивали друг друга с ног, топтали раненых, бежали по трупам, что-то орали.

Остаткам немецкой колонны удалось укрыться за холмом. Только там они пришли в себя. Наши бойцы отбивали одну атаку за другой, нанося немцам большие потери. Но и ряды советских солдат редели. Был убит командир взвода.

Рядовой Голиченков поднял десять оставшихся в живых бойцов в атаку. Немцы дрогнули, побежали. Когда утих бой, в живых осталось четыре наших солдата, среди них и Голиченков.

Но недолго Петру Голиченкову пришлось воевать в своем батальоне. 19 июля его ранило. Когда он плыл на пароходе в Ленинград, фашистские стервятники, в нарушение международных правил, обстреляли и потопили госпитальное судно. Почти все раненые погибли. В живых остались только единицы. Голиченкову удалось несколько часов продержаться в открытом море на спасательном поясе.

Из госпиталя в середине августа его направили в 340-й стрелковый полк 46-й стрелковой дивизии, оборонявшей Ленинград. Тут он и стал снайпером.

К этому времени уже всем стало ясно, что расчеты Гитлера на молниеносную войну, на захват Ленинграда с ходу провалились. На подступах к Ленинграду немцы были остановлены. Наши войска и войска противника

перешли к обороне. Фашисты, окружившие плотным кольцом город, начали долгую и жестокую блокаду. Немцы решили взять город измором.

Пятнадцатого сентября рядового Петра Голиченкова вызвал к себе командир полка.

— Мне доложили, что ты меткий стрелок и что недоволен своей винтовкой, — с еле заметной хитринкой в глазах начал он.

— Товарищ полковник, винтовкой я доволен! — по-солдатски четко ответил Голиченков и, понизив голос, виновато добавил: — Вот только на большие дистанции трудновато...

Полковник улыбнулся, а потом вручил Голиченкову винтовку с оптическим прицелом, показав, как надо пользоваться прицелом, и пожелал бить фашистов без промаха.

Так Петр стал одним из первых трех снайперов Ленинградского фронта. С каждым днем росло его снайперское мастерство, рос и счет уничтоженных врагов.

Прошло немного времени, и немцы, окопавшиеся по ту сторону Невы, больше не рисковали расхаживать так свободно и вызывающе нагло, как делали они это еще неделю-две назад. Не успевал немец показаться из траншеи или блиндажа, как его настигала пуля снайпера.

Голиченков, что называется, не по дням, а по часам увеличивал свой счет. Два... Пять... Восемь... Пятнадцать... Двадцать... Тридцать семь... Пятьдесят... Сто... Уже по всему фронту гремело имя снайпера Петра Голиченкова — грозного истребителя фашистов.

...Двадцать первое декабря. Снайпер-истребитель Голиченков вместе со старшим лейтенантом Калининым засели в одном из блиндажей на переднем крае обороны. Был на редкость ясный, морозный день. Ночью прошел снег, и теперь все вокруг отливало серебром, слепило глаза. Даже маленькая черная точка была видна за целые километры.

Голиченков напряженно, до боли в глазах вглядывался в каждый бугорок, в каждый камень. Надо сказать, что охота в этот день была на редкость удачной. Солнце только за полдень перевалило, а снайпер уже уложил 17 фрицев. Кончились патроны, и как раз в этот самый момент в оптическом прицеле, словно из-

деваясь над ним, показалась голова немца. Голиченков, не отрываясь от прицела, попросил старшего лейтенанта подать патрон. Тот выполнил его просьбу. Голиченков зарядил винтовку, выстрелил. Фриц свалился. Но этот выстрел и снайперу дорого обошелся. Он чуть было не стоил ему жизни. По недосмотру Калинина пуля оказалась трассирующей. Этого было достаточно, чтобы немцы обнаружили снайпера. Они выкатили пушку, намереваясь прямой наводкой расстрелять блиндаж снайпера. Пока немцы выкатывали и готовили пушку к бою, Голиченков успел за это время уничтожить весь артиллерийский расчет. Тогда немцы, обозленные такой дерзостью снайпера, открыли по блиндажу огонь с закрытых позиций. Они выпустили около ста снарядов. Трехнакатный блиндаж не выдержал и похоронил снайпера под обломками. Немцы торжествовали. Их репродукторы во всю глотку кричали: «Голиченко капут!.. Нет больше русский снайпер!..» И заводили пластинки веселой джазовой музыки.

Но рано радовались немцы. Храбрая русская девушка-санитарка пробралась к разбитому блиндажу. Здесь она увидела Голиченкова, который сидел в углу, прижатый бревнами. Он был сильно контужен. Только к исходу ночи ему стало чуть полегче, отважная санитарка вынесла его на себе из разрушенного блиндажа и доставила в санчасть, оттуда Петра Голиченкова перевезли в один из Ленинградских госпиталей.

Больше месяца пролежал Голиченков в госпитале. Здесь он впервые встретился с руководителем ленинградских большевиков членом политбюро ЦК нашей партии, членом Военного Совета Ленинградского фронта А. А. Ждановым, приехавшим в то время в госпиталь, Правда, поговорить тогда со Ждановым Петр Голиченков не мог. В результате сильной контузии, он лишился речи и слуха. Голиченков только слабо улыбался своему гостю.

Жданов вызвал лучших специалистов-медиков и попросил их сделать все возможное для спасения солдата. И они не только поставили его на ноги, но и вернули к прежнему снайперскому делу.

Выздоровев, Петр Голиченков вернулся в свой полк и опять взялся за истребление фашистов. Вот уже на его

счету сто пятнадцать... сто двадцать... сто тридцать, а шестого февраля 1942 года стало сто сорок!

Только что Петр вернулся в блиндаж, как его вызвал комиссар. Вместе с ним он направился в штаб батальона, где командир торжественно объявил, что снайперу рядовому Петру Ивановичу Голиченкову сегодня Указом Президиума Верховного Совета СССР присвоено звание Героя Советского Союза.

В эту ночь Петру Голиченкову так и не удалось уснуть. Из штаба батальона его направили в штаб полка, оттуда в штаб дивизии, в штаб армии, а к утру он уже был в Смольном.

...Смольный... Здесь был штаб революции. Здесь работал Ленин. Сейчас здесь штаб героической обороны Ленинграда.

В Смольном Героя Советского Союза Петра Голиченкова встретил член Военного Совета фронта А. А. Жданов. В ответ на его поздравления герой четко ответил: «Служу Советскому Союзу!»

Спустя несколько дней здесь же, в Смольном, член Президиума Верховного Совета СССР А. А. Жданов вручил Петру Голиченкову орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», именную снайперскую винтовку и бинокль. В заключение он выразил пожелание, чтобы Голиченков занялся подготовкой снайперов. Вернувшись в часть, Петр Голиченков открыл прямо на переднем крае снайперскую школу одиночных боевых стрельб. Со своими учениками он использовал в качестве мишеней фашистов. Ежедневно он тренировал по нескольку бойцов. Петр всегда напоминал ученикам, что для снайпера главное — выдержка, упорство, сосредоточенность и наблюдательность, хитрость, умение быстро ориентироваться на местности. И, конечно, твердая рука, хладнокровие, меткий глаз.

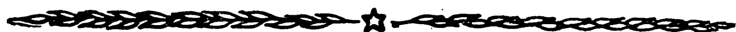
Сам он являлся примером солдата именно с такими качествами. Голиченков мог сутками терпеливо ждать, пока не появится фашист, лежать, не шевелясь, в воде и на морозе. Он так натренировал свой глаз и память, что стоило ему побывать только один раз на участке, и он уже знал о нем все мельчайшие подробности. Однажды, заняв снайперскую позицию, он стал наблюдать. Что такое? Вчера не было того пня, что пятьдесят метров от ориентира. Поворот барабанчиков на прицеле.

Проходит час, другой... Ага, теперь ясно! Пень подает признаки жизни... Прошло еще полчаса, и Голиченков, улучив момент, отправил фашистского снайпера к его праотцам. Другой раз впереди его позиции появилась небольшая мшистая кочка. С ней пришлось состязаться в терпении и выдержке часов пять-шесть. В конце концов и ее он отправил в преисподнюю.

Обучая молодых снайперов, он продолжал и сам истреблять фашистов. В 1943 году к моменту, когда ему был предоставлен отпуск по болезни, на личном счету снайпера было двести двадцать пять истребленных гитлеровцев. К этому же времени он подготовил двести тридцать одного снайпера, которые уничтожили более четырех тысяч немецких захватчиков.

...Отгремела война. Вернулся в отчий дом Петр Голиченков. Подросшим, возмужалым, сильным вернулся. Сейчас он живет в родном селе Должниково Инзенского района. Он заместитель председателя сельсовета, член партбюро, ответственный редактор стенгазеты, член товарищеского суда, член правления сельпо... Много общественных дел у него, и все он выполняет с душой. Часто приглашают его в школы. Там он рассказывает школьникам о Великой Отечественной войне, о героизме своих боевых друзей. И меньше всего о себе. Он и мне старался рассказать не о себе, а о снайпере Смолячкове и Пчелинцеве, которые, как и он, были удостоены звания Героя Советского Союза.

А. Царев

БОГАТЫРЬ ВОЗДУХА

1. Путь в небо

За рекой Сурой, над бесконечным простором лесов, всплыло солнце, и от его ярких лучей быстро рассеялся остаток тумана в понизовьях. Отчетливо вырисовывались лесные дали. В ярком, ослепительном свете струилась Сура, бурля на перекатах. Держась ближе к правому берегу (здесь река более глубокая), прошел катер. На его корме кто-то запел, сначала несмело и тихо, потом песня полилась широко и вольно...

На крутояре показался белокурый высокий подросток. Это был Федя Жигарин. Он присел на мелкий, словно просеянный через сито, песок и, слегка прищурившись, залюбовался Сурой — чистой, стремительной, бурной. Доброе продолговатое лицо парнишки принимало мечтательное выражение. Высоко в небе резвились стрижи. Юркие, быстрокрылые, они с громким писком носились друг за другом, делая головокружительные виражи. Восхищаясь их ловкостью, Федя думал: «Эх, мне бы крылья, и я бы полетел!»

Его звало небо, эта голубая высь, прошитая золоты-

ми лучами щедрого солнца. Он не раз мысленно представлял себя в кабине самолета, совершающего замысловатые, захватывающие дух фигуры высшего пилотажа. Да, смелости Феде не занимать. Он мог легко залезть на самое высокое дерево, как по лестнице, добраться до тонкой верхушки, которая угрожающе гнулась под его тяжестью. Даже у ребят, стоявших внизу, замирало сердце. А ему — хоть бы что! На головокружительной высоте он не испытывал ни страха, ни робости. Внешне Федя казался немного вялым, малоподвижным. Но стоило ребятам придти на Суру, как он преображался. Федя выходил на край обрыва, набирал полную грудь воздуха и без всплеска врезался в воду, надолго исчезая в ней. Напрасно было гадать, когда и где он появится снова. Нырял он бесподобно, на воде держался легко и свободно. Быть бы ему моряком. Но нет! Его властно влекло небо...

Вот и сегодня эта неистребимая любовь к авиации привела Федю Жигарина на берег Суры, где на широкой низине оборудована посадочная площадка для почтового самолета. Крупная, холодная роса блестела на солнце. С крутояра Феде, как на ладони, видна присурская долина. Причудливо петляя среди зарослей ивняка и лугового раздолья, вилась быстрая прохладная Сура. Не ради этой покоряющей красоты пришел сюда Федя: он ждал самолета...

Будучи учеником Сурской средней школы, Федя Жигарин все свободное от школьных занятий время отдавал авиамоделизму, чтению книг об авиаторах. Он аккуратно следил за всеми книжными новинками из этой области, запоем читал о том, как советские летчики Чкалов и Громов совершили беспосадочный перелет через Северный полюс в Америку. Весь мир был потрясен этим невиданным событием. А с каким восхищением Федя читал о спасении нашими летчиками челюскинцев, о беспримерном перелете на самолете «Москва» летчика Владимира Коккинаки по маршруту Москва—Владивосток. Читая об этом, Федя живо представлял, как сквозь облака и туманы, сквозь ливни и циклоны над глухой тайгой промчался самолет «Москва». Машина опустилась в районе Владивостока, пройдя все расстояние... за одни сутки...

Задолго до окончания средней школы Федя Жига-

рин твердо решил стать летчиком. Не зря ему полюбились стихи В. Маяковского «Кем быть?», которые он читал с особенным выражением, прочувствованно:

Быть шофером хорошо,
А летчиком —
Лучше.
Я бы в летчики пошел —
Пусть меня научат.

И вот его заветная мечта сбылась. В 1939 году Жигарин поступил в военно-авиационную школу. Среди курсантов Федор Жигарин выделялся особенным пристрастием к учебным полетам. Он готов был летать сутками, поражая инструкторов своей выносливостью, смелостью, находчивостью, высоким мастерством пилотирования.

Со стороны казалось, что Жигарину в жизни давалось все легко: все-то он умеет, все-то ему нипочем. Таким привыкли его считать одноклассники еще в средней школе, таким он потом представлялся курсантам, когда начал учиться в летной школе.

Решался ли важный вопрос текущей жизни комсомольской организации, заходил ли разговор про какое-либо для всех новое и потому трудное дело — поднимался медлительный в движениях, скупой на слова Федор Жигарин и, энергично взмахнув кулаком, произносил: «Сделаем!» И это «сделаем» всегда звучало так уверенно, с такой неотразимой силой, точно ему уж давно известно было, как и что надо делать.

«Сделаем, ребята!» — так же убедительно говорил потом, в годы войны, командир эскадрильи штурмовиков старший лейтенант Федор Жигарин, когда получал какое-нибудь ответственное боевое задание и сам первый шел на его выполнение. И так чаще всего выходило, что задание успешно выполнялось, а Жигарина, в числе других, командование отмечало или новой наградой, или добрым словом в приказе. Потому и на фронте многие считали его удачником, которому просто-напросто здорово везет.

А ведь на самом деле было не так. Да, он часто говорил это короткое слово, похожее и на обещание и на клятву. И не потому, что само положение командира

обязывало его к этому. Он говорил «сделаем!», глубоко веря, что это действительно выполнимо, веря, что нет таких дел, которые были бы не по плечу советским людям.

С годами эта вера все более крепла. Опыт нашей советской жизни, сила и опыт партии давали все новые и новые примеры для утверждения в нем этой всепобеждающей веры.

Одноклассники не знали, как Федя до изнеможения сидел до вторых петухов за столом, решая дома трудные задачи или делая расчеты для авиамодели, товарищи-курсанты не слышали, как он не раз говорил себе: «А сдюжишь ли?», и летчики-однополчане тоже не знали, почему не спал в ночь перед боем их везучий командир. А сколько сомнений, сколько тревог пережил Федор Жигарин перед решением каждой новой жизненной задачи! Сколько мучился он над обдумыванием того, как выполнить ее. Нет, он ничего не решал единолично, он любил советоваться с другими, но любил советоваться уже после того, как сам приходил к твердому убеждению. Тогда и людей на любое дело было легче поднять, тогда они скорее заражались уверенностью в успехе, без которой вообще нельзя ничего начинать.

Комсомолец Жигарин смотрел на все происходящее вокруг него как хозяин и творец жизни, активно вмешиваясь во все и вся. Он до отвращения ненавидел молодых лоботрясов с безразличной, старческой, эгоистической душой. Он знал, что такой «молодой человек» и на помощь товарищу в беде не придет, и струсит в час испытания, и не сделает шагу на зов: «Добровольцы, вперед!».

2. Военная хитрость

Это случилось в мае 1942 года. По небу медленно плыли серые густые облака, из которых временами шел мелкий дождь. Низкая облачность не позволяла нашим штурмовикам действовать группами. Противник воспользовался этой погодой и на транспортных самолетах «Ю-52» стал подбрасывать в район окруженной 16-й немецкой армии боеприпасы, вооружение и живую силу.

По данным нашей разведки, на единственном аэро-

дроме противника в районе окруженной 16-й армии было сосредоточено большое количество транспортных самолетов противника. Возникла необходимость нанести по этому аэродрому штурмовой удар.

В сложных метеорологических условиях приходилось действовать только одиночными самолетами. А эта операция затруднялась тем, что аэродром был под густым заградительным огнем зенитной артиллерии и временами патрулировался истребителями.

При действии группой можно бы несколько штурмовиков направить на уничтожение и подавление зенитной артиллерии и это обеспечило бы выполнение задачи. Но погода не позволяла советским штурмовикам действовать группами, поэтому было решено штурмовать аэродром противника одиночными экипажами. Первым на такую штурмовку вылетел Федор Жигарин.

Стояла густая тишина майского утра. Со степи вдруг прилетел свежий, прохладный ветер. Он принес с собой запах полевых цветов. Федор Жигарин направлялся к своему штурмовику, приминая молодую траву и оставляя на ней дорожку сочно-зеленого цвета. Временами он неосторожно задевал за низко нависшие ветки кустарника, и тогда с них крупным дождем осыпалась роса. Тяжелые капли стучали, как дробь, по широким листьям лопухов и покачивали их. Ему так милы и дороги были эти шорохи и звуки, они так волновали его, точно он никогда не слышал их ранее.

Почти весь летный состав пришел проводить Жигарина в этот полет. Оно и понятно: ведь подобных дерзких полетов еще не было. Летчик шел на риск...

Минуту спустя Жигарин, стоя у своего штурмовика, отдавал какие-то указания товарищам по эскадрилье. Они знали, что Федор летит добровольно в район окружения 16-й фашистской армии.

Жигарин, сидя в кабине, опробовал мотор. Потом самолет двинулся к старту. Рядом с машиной шел ее техник, держась правой рукой за левое крыло.

Ракета на взлет! Над зеленым полем аэродрома повис комок лилового дыма. Техник отошел от самолета, мотор взревел — и машина Жигарина рванулась вперед. Самолет мчался по аэродрому, набирая скорость. Лес вырастал перед ним, приближаясь. Казалось, он сейчас врежется в белоствольные березы, покрытые

нежной зеленью листвы. Но вот плавный рывок — и, распластавшись, штурмовик повис над лесом.

На этот раз Жигарин с особой остротой испытывал то радостное, чуть-чуть тревожное возбуждение, которое всегда его охватывало в полете. Жигарин, не набирая высоты, вел самолет низко, искусно маскируясь над лесным массивом, чтобы его не заметили издали. Сверху самолет, идущий над лесом, тоже почти не приметен. А сегодня ему вовсе не хотелось попадаться на глаза немецким истребителям: он летел на перехват самолетов противника и воздушный бой мог бы сорвать решение поставленной перед ним задачи.

Пилот зорко всматривался вдаль. Внезапно перед ним возникли контуры самолетов. Прибавив газ, Жигарин стал догонять звено. Скоро ему удалось пристроиться в хвост звена. Жигарин пристально вглядывался в самолеты. «Нет, это не советские самолеты! Ни в коем случае! Это немецкие «юнкерсы-52».

Немецкие летчики тоже заметили штурмовик Жигарина и перешли на бреющий полет.

Жигарин решил атаковать их. Плавным движением он сбавил газ, дав возможность вражеским самолетам оторваться от него.

Он быстро зашел в хвост противника, снял предохранители с пушек и пулеметов и пошел на сближение с противником. Вот моторы «юнкерса» ясно обрисовались в прицеле, и тут же застрочили все пулеметы и пушки штурмовика.

Жигарин дважды атаковал правофланговый «юнкерс». Но он продолжал лететь. Жигарин пошел в третью атаку, и длинная очередь его пулеметов и пушек доконала вражеский самолет. Он резко накренился и врезался в лес.

Не теряя времени, Жигарин атаковал второй «юнкерс». И с двух заходов сбил его. Самолет сорвался в штопор и провалился вниз вслед за своим предшественником. Оставшийся «юнкерс», не меняя курса, шел в сторону окружения группировки немцев.

Жигарин прибавил газ, догнал «юнкерс» и начал заходить ему в хвост. И тут он увидел впереди вражеский аэродром со множеством самолетов на его летном поле. Летчик решил не атаковать «юнкерса», а, пристроившись к нему, вместе с ним идти на аэродром. Но сделать это

было нелегко, так как гитлеровец старался оторваться от краснозвездного штурмовика, думая, видимо, что советский летчик хочет таранить его.

Наконец, Жигарин пристроился к «юнкерсу» и неотступно следовал за ним. Вот аэродром противника. Зенитная артиллерия немцев молчала. Жигарину этого и надо было! Он выбрал слева по ходу полета стоянку самолетов и ринулся на них в атаку. Воздух дрогнул от взрывов, и снизу, с аэродрома, поднялся столб черного дыма. Это Жигарин бомбил аэродром. Еще взрыв, еще. Бомбы и снаряды советского штурмовика долбили распластавшихся на зеленом поле «юнкерсов».

Опомнившись, вражеские зенитки открыли бешеный огонь по штурмовику. Один из снарядов ударил в правый элерон. Поврежденный самолет с левым креном начал быстро снижаться. Но Жигарин сумел выровнять штурмовик и, заложив крутой вираж, осмотрелся. Под ним горели «юнкерсы». Огромный шлейф черного дыма поднимался в небо от подожженных им самолетов и склада с горючим. Жигарин лег на обратный курс. С земли потянулись к нему еле видные при дневном свете перекрещивающиеся нити трассирующих пуль. Облачка зенитных разрывов возникали то впереди, то сзади.

И когда перед самолетом Жигарина поднялась густая сеть заградительного огня, когда пулеметные струи или разрывы снарядов слишком приближались к нему, он периодически давал самолету снос, и штурмовик со скольжением шел то вправо, то влево, словно от страха шарахался. Наблюдая с земли такое поведение советского летчика, можно было подумать, что он растерялся и бессмысленно мечется из стороны в сторону от страха. Но нет! Это было то, что называется военной хитростью.

И вот, резко снижаясь, штурмовик пошел прочь от аэродрома, почти прижимаясь к самым верхушкам леса. Вскоре немцы потеряли его из виду. Жигарин, выполнив боевое задание, благополучно вернулся к своей эскадрилье.

3. Не совсем обычное сражение

Эти строки — о верности. О верности долгу, дружбе, товариществу. О верности до последнего биения сердца...

Шел третий год войны. За отвагу и мужество, проявленные в боях, старшему лейтенанту Жигарину было присвоено звание Героя Советского Союза.

С первых дней военной жизни Федор Жигарин учил своих товарищей по эскадрилье не только мастерству пилотирования, но и воспитывал в них высокие моральные качества советского летчика. Он часто напоминал товарищам, что надо беречь друг друга. И не только говорил, но учил этому на личном примере. Идя, например, в атаку, он не забывал о чувстве локтя. Жигарин зорко смотрел, как дерутся его питомцы, видел их ошибки и промахи. Даже в те напряженные минуты, когда он вел индивидуальный бой, Жигарин не забывал о своих друзьях и в случае, если товарищ оказывался в тяжелой обстановке, незамедлительно шел на выручку.

Поэтому не случайно, что летчики его эскадрильи дрались бок о бок, охраняя и выручая друг друга. И, как правило, пример выручки в бою часто показывал сам Жигарин. Так было и на этот раз, когда он бросился на помощь младшему лейтенанту Рысенко, попавшему в тяжелое положение после выполнения задания по штурмовке аэродрома противника.

Над золотистым от жнивья полем, словно огромное колесо, кружилась эскадрилья штурмовиков Жигарина. Они совершали уже третий заход над целью. Штурмовики один за другим низвергались с высоты между струями трассирующих пуль и дымками снарядных разрывов. Один за другим уходили они вверх к зениту, чтобы оттуда снова ринуться вниз, обрушивая на немецкие самолеты и зенитки бомбы и снаряды. Земля гудела от взрывов. То там, то здесь, окутываясь черным дымом, на стоянках горели самолеты врага.

По вспышкам Жигарин заметил зенитную установку, которая сильно досаждала им во время боя. Развернувшись, он ринулся прямо на нее. Батарея била ему навстречу, но он несся слишком быстро, и зенитчики не успевали менять высоту прицела. Жигарин обстрелял батарею немцев из пулеметов, и она замолчала навсегда.

После пятого захода штурмовики отвалили и взяли курс на восток, к своему аэродрому, а Жигарин, заложив крутой вираж, решил сделать еще один круг, чтобы посмотреть на результаты работы эскадрильи. Ему хорошо был виден проутюженный штурмовиками аэро-

дром, на котором догорало более 15 самолетов. Значит, бомбы и снаряды достигли цели.

«Молодцы! — мысленно поблагодарил он летчиков своей эскадрильи. — Точная работа!» И, завершив круг над подожженными самолетами, Жигарин поспешил вслед удалявшейся эскадрилье. Еще издали он заметил, что одного самолета не хватает. «Подбросив газку», Жигарин стал догонять товарищей, внимательно вглядываясь в машины. Среди штурмовиков не оказалось машины младшего лейтенанта Рысенко. По спине Жигарина пробежали мурашки. «Неужели погиб Рысенко?» — мелькнула у него мысль.

Не раздумывая, Жигарин повернул свой самолет в сторону аэродрома, где догорали немецкие самолеты. Его взору предстала картина, заставившая больно сжаться сердце: в небе шла битва. Четыре «мессершмитта», словно стервятники, набросились на штурмовик Рысенко. Они зажали его в плотное кольцо, стремясь прижать к земле, вынудить к посадке в расположении своих войск. Советский штурмовик отстреливался, не подпуская «мессеров» на верный удар из пулеметов истребителей. Но силы явно были не равны. И в тот момент, когда Жигарин уже был готов броситься на выручку товарища, самолет Рысенко перевернулся и, густо дымя, стремительно стал падать...

Штурмовик Жигарина пошел на лобовую атаку с немецким истребителем, который находился в середине круга. Самолеты быстро сближались. Они почти одновременно открыли огонь. Самолет противника, сверкая желтой окраской и дымя, полетел вниз, но и гитлеровец успел пробить козырек кабины штурмовика, и мелкие осколки ранили лицо Жигарина. Прилив отчаянной храбрости охватил все существо советского летчика.

Положение осложнилось. Не подпуская к себе «желтую смерть» на верный выстрел, Жигарин не отвечал на огонь «мессеров», которые впустую выпускали трассы своих пуль, не достигавших цели.

Преследуя друг друга, четыре самолета, встав в вираж — круг смерти, — словно огромная карусель, закрутились над полем, окутанным черным дымом. Молчание советского штурмовика нервировало гитлеровцев и в то же время настораживало. Они, видимо, решили, что советский летчик приготовил для них какую-то ка-

верзу. Между тем это была продуманная хитрость, которая удручающе действовала на неопытных летчиков. В свою очередь Жигарину казалось очень странным пассивное поведение немцев, имевших трехкратное превосходство. Они почему-то не начинали атак, а продолжали ходить по его пятам.

Опасаясь, что его могут подбить снизу, Жигарин пошел на резкое снижение. А когда выровнял самолет, сказал про себя: «Ну что ж, начнем, пожалуй!» Хвост «мессера» по-прежнему маячил перед ним. Следовавший по его пятам истребитель с дальней дистанции открыл огонь по штурмовику. Но тот продолжал молчать. И вот из «круга смерти» вырвался один «мессер». Быстро уменьшаясь в вышине, круто полез вверх. Набрав высоту, немец стремительно атаковал штурмовик Жигарина. Краснозвездный штурмовик не уклонялся от боя, а с такой бурной решимостью и бесстрашием ударил по фашистскому истребителю из всех пулеметов и пушек, что от «мессера» остались, как говорится, рожки да ножки.

Взбешенные неудачей, враги с еще большей яростью набросились на Жигарина. Но как они ни ловчили, а штурмовик оказывался неуязвимым: он не подпускал их к себе на верный выстрел. Немцы в бессильной злобе, словно коты вокруг горячего сала, ходили около советского штурмовика.

Потеря двух самолетов, видимо, еще больше ожесточила немцев. Пренебрегая опасностью, они с какой-то бесшабашной отчаянностью один за другим бросались в атаку на самолет Жигарина, обстреливая его из пулеметов и пушек. Но штурмовик ловко увертывался от пуль и снарядов. И вдруг Жигарин почувствовал удар по кабине самолета. Снаряд отбил козырек кабины, осколками ранил летчика в лоб, перебил Жигарину правую руку, но самолет шел плавно и верно. Мотор гудел по-прежнему ровно. Вскоре еще один снаряд ударил по штурмовику, ранив Жигарина в плечо и в обе ноги. Боли он в первые мгновения не чувствовал. Но правая рука его сама собой свалилась со штурвала. И он больше уже не мог поднять ее.

Ведя самолет левой рукой, Жигарин змейкой пошел в сторону своих войск. Огромным усилием воли он заставлял себя не выпускать из рук штурвала. Ему с каж-

дой секундой становилось все труднее и труднее дышать. Болела голова, ныли ноги. Глаза были залиты кровью и пóтом, но летчик не мог их протереть. Все тело налилось страшной тяжестью, он почувствовал ужасную слабость, головокружение вызвало противное ощущение приступа тошноты. Ловкость и силы постепенно оставляли Жигарина. А изрешеченный пулями штурмовик неудержимо терял высоту. Стоило Жигарину опустить ручку штурвала — и самолет тут же врезался бы в это золотистое от жнивья поле. Но он из последних сил тянул штурвал к себе. Жигарина все больше мучило головокружение, и затуманенное сознание отказывалось подчиняться его воле.

А фашистские летчики, преследуя потерявший былую боеспособность самолет, старались пристроиться к нему в хвост, чтобы окончательно добить советский штурмовик. Однако резкая разница в скорости мешала им это сделать. «Мессера», обладающие большей скоростью, словно желтый вихрь, проносились над штурмовиком, будучи не в силах погасить скорость, чтобы пристроиться к нему в хвост.

Вдруг Жигарин заметил, что один из «мессершмиттов» выпустил шасси и щитки на крыльях. «Скорость погасить решил, подлец, — мелькнуло в помутневшем сознании Жигарина. — В хвост ударить меня хочет».

И в тот же миг истребитель с выпущенными шасси ринулся на Жигарина. Но и на этот раз немец не рассчитал и пролетел вперед штурмовика.

Сохранявший самообладание и хладнокровие Жигарин, собрав в комок остаток сил, раненой рукой нажал на гашетки пулеметов, и трассы пуль полоснули по хвостовому оперению «мессера». Вспыхнув, истребитель вошел в штопор и врезался в землю у переднего края своих войск. А уцелевший «мессер» не захотел разделить судьбу трех своих незадачливых вояк, трусливо отвалил в сторону и прекратил преследование.

Почти на бреющем полете Жигарин вел штурмовик над расположением своих войск в сторону зеленого луга. Он шел на посадку. «Надо выпустить шасси», — подумал он. Но силы окончательно покидали его. «Придется посадить самолет на брюхо, — думал Жигарин. — Что поделаешь? Я не в силах выпустить шасси. Тише, тише, нужно спланировать как можно медленнее»...

Тяжестью поникшей головы он двинул от себя штурвал.

Удар! Каскад брызг окатил Жигарина. Самолет плюхнулся в мелководное озеро, которое летчик сквозь залитые кровью глаза принял за зеленый луг.

Жигарин увидел родных, советских людей, бегущих к озеру, попытался сам выбраться из кабины, но не смог. От многочисленных ран, полученных в этом бою, он потерял слишком много крови...

4. Завершающий удар

Сто второй боевой вылет! Он навсегда вошел в память подполковника Жигарина. Может, с годами выветрится из цепкой памяти летчика не один эпизод многотрудной фронтовой жизни. Но этот, последний, забыть нельзя!

И дело не в том, что это какой-то особо выдающийся вылет. Нет, это был, пожалуй, самый обычный, но последний, победный, завершающий.

В упорных уличных боях в Берлине наши войска доколачивали остатки разгромленных немецких дивизий. Бесноватый Гитлер вынужден был застрелиться. Приближался час полного разгрома фашистской Германии.

В этот период подполковник Жигарин уже водил на выполнение боевых заданий летчиков полка, а многие его воспитанники стали опытными командирами эскадрилий. Некоторые из них, как, например, летчики Железняков, Зиновьев и Новиков, были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. За годы войны орлята Жигарина крепко подружились друг с другом, и девиз: один за всех, все за одного — стал неписаным законом авиационного полка.

Дружба... Каждый в этом полку был готов разделить с товарищем радость и невзгоды, помочь ему в трудную минуту. Ведь что ни говори, а в воздухе воевать труднее: здесь не скроешься за бруствер окопа, не нырнешь в траншею. Кто из военных летчиков не знает, как порой неожиданно и стремительно завязываются воздушные бои. Здесь, в воздухе, всегда, каждую минуту, надо быть наготове, чтобы неожиданности не застали врасплох.

И друзья Жигарина по оружию не только помнили

об этом, но и всегда поступали именно так. Они хорошо понимали, что люди не рождаются героями. Героизм воспитывается изо дня в день в преодолении больших и маленьких трудностей. Именно такая настойчивость, упорство даже в небольших повседневных делах помогли воспитанникам Жигарина выдержать суровые испытания войны, быть стойкими и мужественными в жестоких схватках с коварным врагом, стойкими и мужественными перед лицом самой смерти.

Это был нелегкий путь, полный физических и моральных испытаний. За прошедшие годы летчики авиаполка сильно возмужали, выросло и окрепло их летное мастерство. И вот теперь эта дружная семья своими бесстрашными штурмовиками помогала нашим наземным войскам громить фашистского зверя в его логове.

Полк участвовал в Берлинской операции. Шел апрель 1945 года. Посветлели острые маковки елей, набухли почки берез. На бровках траншей пробивалась травка. Ее особенно стало много на летном поле аэродрома, где базировались штурмовики подполковника Жигарина. Весело защебетали птицы. Посветлели и лица летчиков. И не только потому, что стало теплее, что в природе все заиграло живыми красками весны, а потому, что светлее стало на душе: приближался долгожданный День Победы.

Успехи на фронтах еще больше подняли наступательный порыв наших войск. А тут еще весна! Счастливая улыбка озаряла лица бойцов. И вот вместе с весной рванулась вперед и армия-победительница.

Природа дышала полной грудью, тихо и безмятежно. И не хотелось верить, что эту торжественную тишину разорвал грохот снарядов. Это ударили наши пушки. И сразу же ожил передний край противника. Там загрохотало, задымилось. В воздух взлетели обломки деревьев, комья земли, спирали проволоки... Артиллеристы били по первой линии обороны врага. Потом перенесли огонь на вторую линию. Немцы почти не отвечали: шквальный огонь придавил их к земле.

А Жигарин со своими орлятами давно ждал работы. И она появилась. Фашисты выдохлись и стали отходить. Наши войска преследовали противника. Вот здесь и показали себя штурмовики Жигарина.

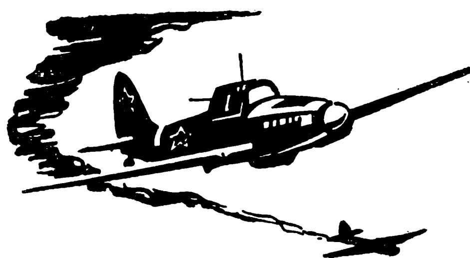
Жигарину было поручено двумя эскадрильями в два-

дцать четыре самолета нанести штурмовой удар по большой колонне отступающего противника. И вот краснозвездные штурмовики в воздухе. Они быстро вышли на цель и обрушили бомбы, пулеметный и пушечный огонь на врага. Двенадцать заходов сделали советские штурмовики по колонне немцев. И когда Жигарин возвращался со своими летчиками на родной аэродром, то его взору предстала такая картина: под крылом самолета расстилалась равнина, по которой только что двигалась колонна гитлеровцев. Теперь эта равнина дымилась, чадила, рябила воронками, развороченными танками...

Вспоминая этот последний вылет, Федор Александрович говорит:

— Да, на совесть поработали летчики напоследок! И если есть еще на Западе безумцы, помышляющие о реванше, о новой войне, то пусть запомнят они, что мы сомнем каждого, кто поднимет на нас руку, раздавим, как раздавили фашистскую гадину!

Мы хотим одного: чтобы синее небо не затмила зловещая тень военных пожарищ. Мы хотим, чтобы дети наши не знали войны!

В. Румянцев

ДВА ДНЯ

Бой утихал. Это понимал уже не только Кудашев, но и все бойцы. Сидя за глинобитными стенами овощехранилища, они чутко прислушивались, надеясь снова услышать родное «ура!».

«Захлебнулась атака!» — понял старшина Кудашев и оглядел своих солдат. Полчаса назад он поднял свой взвод в атаку на эти белые домики поселка. Его группа первой ворвалась в Философово, завязала уличный бой. Но подоспевшие вражеские пулеметчики остановили наступавшую цепь, ураганным огнем прижали ее к земле. Взвод выбил немцев из овощехранилища. Кудашев первым ворвался в помещение, гранатой очистив его от врагов. Он сразу же оценил удобства позиции и готовился оказать помощь своим, действуя в тылу вражеской обороны. Но... атака захлебнулась.

Немцы не торопились атаковать овощехранилище: спешили надежнее укрепить передний край. С маленькой группой, просочившейся к ним в тыл, они, по-видимому, рассчитывали легко справиться. Изредка буравившие косяк двери пули свидетельствовали, что убежище находится под прицельным огнем.

Кудашев не терял времени. Он был здесь старшим. Теперь один он отвечал за жизнь этих людей, за боевые действия группы советских бойцов. Их было 15. Большей частью молодежь, пополнение, прибывшее в полк перед самым началом исторической битвы на Курской дуге. Старшина еще не всех их запомнил по фамилии, а примечал по какой-нибудь характерной, бросавшейся в глаза черточке.

Старшина приказал первым делом прикрыть получше двери. У каждого окна (а их было четыре) он поставил по два бойца; по трое залегли у наиболее уязвимых мест — у дверей.

— Ну что ж, крепость надежна, гарнизон боеспособен, к осаде готовы! — пошутил старшина.

Один из новичков, высокий, тоненький (старшина звал его про себя Студентом), крикнул в ответ:

— Как мы назовем наш бастион? — И, выдернув деревянную пробку из фляги, предложил: — Выпьем за форт Картофельный!

— Стой! — Кудашев сразу посерьезнел. — Воду не расходовать без разрешения!

— А что? — послышался от двери чей-то простуженный бас. — Иль мы тут надолго поселились?

— А ты как думал? — вопросом на вопрос ответил Кудашев.

— Как? Вот стемнеет и часа через три — ударим фрицам в тыл и прорвемся к своим.

— Внимание! — Кудашев вышел на средину и заговорил громко, отчетливо. — Мы отсюда никуда вырываться не будем. Помните приказ? Овладеть населенным пунктом Философово. И мы его выполнили. Пусть нас мало, но для противника мы — крепкая заноза. Будем держаться до подхода наших. Понятно?

По окну стеганула автоматная очередь. Без крика, молча, сползая по стене, на пол упал сраженный пулей молодой боец. Похоже, только теперь поняли бойцы всю серьезность положения.

Те, что были в дверях, быстро начали орудовать лопатками, насыпая перед порогом бруствер; заделывали окна, оставляя только амбразуры для ведения огня. Кудашев, проверяя у каждого сектор обстрела, прикинул, откуда начнется атака. Скорее всего вот из-за этого домика, на фасаде которого еще висела, косо,

на одной петле, одинокая ставня. Этот домик ближе всех, за ним можно накопиться для удара.

Солнце садилось. Уже шесть часов бойцы были в этом окруженном подвале. То, что враг молчал, взвинчивало нервы. Кудашев приказал каждому подсчитать боеприпасы. Оказалось, что патронов много: они были не только в подсумках, но и в карманах, в скатках, в вещмешках.

— Товарищ старшина! Что же, фрицы ночью пойдут?

— А ты спроси их, — послышался снова простуженный бас. — Они, конечно, нам телеграмму дадут: когда встречать.

— Вот именно, — засмеялся Кудашев. — Так и напишут: готовьте угощение.

— Да уж угостим! — весело ответил тот же бас.

Старшина теперь узнал его. Это был боец его взвода Иванов — балагур, шутник, ротный запевала. Был у Иванова приятный чистый тенор, а вот уже три дня он хрипел, натужно выговаривая слова. Произошло это после холодной ванны-канавы, в которую загнали его вражеские мины.

Теплая летняя ночь разлилась вокруг. Вдали иногда вспыхивали ракеты. Еще час провели в ожидании боя, но вскоре сон начал одолевать бойцов.

Кудашев обошел всех и приказал спать. Бодрствовали лишь четверо — с каждой стороны хранилища по одному. Старшина завел трофейные часы со светящимися стрелками. Было одиннадцать. Еще четыре часа темноты!

Через час он сменил часовых. Сам встал у косяка двери — авось, в щелку подует ветерок, прогонит сон. А спать хотелось смертельно.

— Старшина, — сказал Иванов, — давай-ка часы, а сам приляг, я уже выспался...

Проснулся Кудашев от автоматной очереди: это Иванов выстрелил по окнам ближнего дома, где на секунду вспыхнул свет. Выстрелы разбудили всех. Остаток ночи уже не спали, но и короткий отдых сделал свое: освежил, придал бодрости. Перекусили. Нашлось и закурить. Принялись расспрашивать, кто откуда родом. Были здесь и сибиряки, и уральцы, и москвичи, и украинцы...

На востоке проступала бледная полоска зари. Вскоре край неба порозовел, и сверкнули первые лучи солнца.

— Смотрите, — сказал задумчиво Студент, — солнце-то, словно крадется.

— Похоже. Пора ждать гостей, — сказал Кудашев, не спускавший глаз с ближнего строения. Ему показалось, что там в полумраке что-то зашевелилось. Он дал очередь по окну. Оттуда послышался голос:

— Слушай! Русские солдаты! Сдавайтесь! Мы вас окружили, — говоривший путал русские и польские слова.

— Ну нет, — пробурчал старшина. — Не сдадимся, а вас перебьем.

Увидев выбежавших фрицев, он скомандовал:

— Огонь!

Грянул залп, заговорили автоматы. Огонь осажденных был столь плотным, что фашисты не пробежали и половины расстояния, залегли, а потом стали отползать назад. Но удалось это немногим — их били теперь на выбор, прицельно. Приказав вести интенсивный огонь, Кудашев преследовал две цели: показать врагу, что осажденных много и они сильны; во-вторых, завязав горячий бой, дать весточку своим.

На передовой работали все немецкие пулеметы и нельзя было понять: то ли снова поднялись в атаку наши бойцы, то ли немцы заглушали шум схватки, происходившей в тылу.

Пришлось опять рассредоточиться: овощехранилище обстреливалось со всех сторон. По одной стене бил пулемет. Иногда пули попадали в окно и мягко вонзались в противоположную саманную стену.

Кудашев снова заговорил:

— Теперь патронов зря не тратить! Бить только прицельно. А близко подойдут — гранатами! Снайперов нет? А охотники есть? Пулеметчиком бы заняться надо...

— Попробую, — сказал, поднимаясь от двери, коренастый, плотный, веснушчатый паренек. — Когда-то охотился. — Он долго смотрел в окно, наконец, после одной очереди обрадованно воскликнул:

— Есть! Вон он, гад, за остатками плетня!

Началась новая атака. На этот раз немцы бежали с трех сторон: к обеим дверям и к той стене, по кото-

рой бил пулемет. Осажденные отвечали скупо: одиночными выстрелами, короткими очередями. Но каждый выстрел обрывал чей-нибудь бег. Смолк и пулемет. Похоже, охотник снял пулеметчика. По мере сужения кольца фашисты бежали все кучнее. Кудашев длинной очередью скосил сразу пятерых, а потом, вырвав из окна скатки, размахнулся и бросил гранату. Гранаты полетели из другого окна и из дверей. И снова отступили фашисты. Вдогонку бегущим хлопали выстрелы, и всего лишь нескольким вражеским солдатам удалось скрыться за спасительными стенами домов.

Но и взвод Кудашева потерял троих: двое были убиты, третий ранен. Кудашеву прострелили левое плечо. Он сам сделал себе перевязку, приказал перевязать раненого. Но смертельно раненный боец через полчаса скончался. А через час снова началась атака, снова били врагов на выбор, снова не подпустили их и наполовину расстояния. Немцы наступали теперь уже короткими перебежками. Наиболее ретивые добежали лишь до трупов своих солдат, но дальше не прошел ни один. Атака выдохлась.

Но и осажденные тоже потеряли еще одного бойца. Студенту прострелили ухо, охотнику — мякоть левой руки. Осталось девять человек. По одному у каждого окна, по двое у дверей.

— Дали мы им жизни! — восторженно выкрикнул Иванов, кивая головой на площадь. — До сотни уложили. А чего же наши-то!?

Кудашев молчал. Что он мог ответить? Да и откуда ему было знать, что враг предпринял отчаянную контратаку в двух километрах севернее. Что и из этого поселка немцы тоже должны были наступать, но не смогли именно из-за них, засевших здесь, в овощехранилище.

«Что-то теперь придумает коварный враг», — ломал голову Кудашев. Он чувствовал, что немцы изменят тактику. В пыльном помещении было нестерпимо душно: хотелось пить, а воды оставалось — считанные глотки.

Солнце уже склонялось к западу, когда Студент крикнул:

— Идут!

Фашисты, похоже, решили покончить с Кудашевым окончательно. Два пулемета били по дверям с флангов, а наступавшие полукругом автоматчики вели ура-

ганный огонь с ходу. Они не бежали, а шли молча. Это был когда-то их излюбленный прием — психическая атака.

Но и перед ними были уже обстрелянные бойцы. Кудашев коротко бросил:

— Бить наверняка!

И снова стала редеть цепь наступающих. Старшина прицелился в офицера, прямо под железный крест, сверкавший на его груди. Выстрелил. Он отчетливо видел, как тот сделал еще шаг, повернулся влево, взмахнул парабеллумом, словно последний раз призывал в атаку, и упал. Фашисты закричали и перешли на бег. Их встретил шквал огня. Четыре ППШ били без передышки, винтовочные выстрелы хлестали, не желая отставать от автоматов. Но враги продолжали наседать.

— Гранаты! — И перед губительным огнем гранат дрогнул враг, смешался, бросился вспять. Несколько выстрелов, несколько очередей вдогонку и... нечем стало стрелять.

Если бы враги знали, что в осажденном складе осталось всего пятеро! И каждый из оставшихся ранен! Второе ранение в правый бок получил и Кудашев.

Но враг этого не знал. И больше в этот день не атаковал.

А ночью... Ночью силы осажденных возросли. Каждый по очереди выползал на площадь и возвращался с трофеями. Натаскали немецких автоматов, патронов к ним и гранат. У каждого был теперь трофейный вальтер.

Отстегнули у убитых и фляжки с кофе. Поужинали. Кудашев и Иванов показали остальным, как обращаться с трофейным оружием.

Старшина распорядился — свое, отечественное оружие приберегать под конец, к последнему удару.

— А это, — кивнул Кудашев на трофейное оружие, — расходуйте не скупясь.

Ночь прошла спокойно. А на рассвете снова пришлось отбиваться. Но цепочка наступающих была какая-то жиденькая, встретили ее таким шквальным огнем, что враг быстро отступил.

Иванов строчил даже сразу из двух трофейных автоматов.

— Даешь! — радостно кричал он. — Черт ладу не спрашивает — было б шуму больше!

Кудашев стрелял, перебегая от окна к окну.

По быстрому отступлению немцев можно было предположить, что это всего лишь разведка боем. Враг, по-видимому, только проверял: есть ли силы у осажденных.

Неизвестно, какие меры предприняли бы фашисты, чтоб разделаться с назойливыми соседями, но в полдень на окраине поселка с грохотом разорвалось несколько снарядов. Полевая батарея наших войск принялась крошить передний край немцев. Затем, сквозь треск пулеметов, послышалось далекое «ура!». Осажденные приготовились к броску, но боевой клич смолк. Только пулеметы, захлебываясь, строчили, не смолкая.

Похоже, снова, прижатая плотным огнем, залегла наступающая цепь. Но что это? Справа разгорелась ожесточенная схватка, слышатся разрывы гранат. Значит, бой уже в окопах! Теперь пора.

Пятеро стояли у двери. В руках у каждого трофейный автомат, за спиной — свой, родной (но всего с половинным зарядом диска), гранаты в карманах и за поясом.

— Пошли! — рывком открыты двери. Пятеро бегут к ближайшему знакомому домику. Через окна — внутрь. Никого! Совсем близко бьют немецкие пулеметы. Дальше — вперед! Через двор — в огороды. Вон вдоль плетня — траншея, в ней пулеметные гнезда.

— Ура! — вырывается из хриплых глоток. Кудашев увидел, как взрывы гранат уничтожили станковый пулемет. Левее пулеметчик повернул к ним бледно-зеленое лицо и мгновенно перекинул ручной пулемет в их сторону. Замелькало короткое пламя у дула. И тут же рухнул на пулемет Иванов, выпустив из слабеющей руки гранату. Грохнул взрыв.

Во вражеской траншее осталось четыре наших бойца. Еще один пулемет забросали гранатами. И снова грянуло «ура!». Наши все ближе. Неумолимее. И уже бегут темно-зеленые мундиры. И снова по бегущим врагам бьют четыре безотказных ППШ. И вот уже рядом, за спиной, топот наступающих, и снова бегут в общей цепи четверо раненых бойцов с обросшими, почерневшими лицами...

Поселок Философово взят. Командир полка в докладной записке отметил подвиг Кудашева, как яркий пример маневренного действия мелких боевых групп.

В дивизии за этими сухими и скупыми строчками увидели и непреклонную волю к победе, и испепеляющую ненависть к врагу, и русскую стойкость, и любовь к Отчизне. А вскоре в подразделение пришла радостная весть, что за мужество и находчивость, проявленные в бою, Георгию Максимовичу Кудашеву присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

А. Ермолаев

ОН РОДИЛСЯ В ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОМ

В клубе гвардейской стрелковой части хранится рукописная летопись «Комсомольцы в боях за Родину». На первой странице этой почетной книги — фотокопия комсомольского билета Героя Советского Союза Евгения Молчанова и надпись: «Пал смертью храбрых в боях за село Крутой Лог 6 июля 1943 г.».

Так небольшая газетная заметка, опубликованная в годы войны, кратко сообщала о подвиге комсомольца Молчанова, проявившего исключительную выдержку и мужество в боях на Курской дуге.

Но как же узнать подробнее о личности героя — кто такой Молчанов? Окуда он?

В конце заметки упоминалось лишь, что Молчанов — из села Средняя Ладышевка. Но где же находится это село? Нашей ли это области? И вот начались поиски.

Справляюсь по подробной карте. Нет, нигде на ней не встречается Средняя Ладышевка. Может быть, сейчас ее переименовали? Иду в облисполком. Сотрудница орготдела тщательно проверяет списки и отвечает: такого села в Ульяновской области нет. Видимо, здесь какая-то ошибка.

Обращаемся к работникам райвоенкоматов. Опять неудача. Нет, никто из них не знает о Молчанове.

— Такого у нас в списках нет. Наверное, он из другой области...

Так родина героя оставалась загадкой.

Летом 1962 года мне пришлось встретиться с учителями географии, приехавшими из районов области на курсы. Прошу их помочь в наших поисках. В разговор вступает Галина Семеновна Скирдонова, учительница 2-й Барышской средней школы.

— Евгений Молчанов, говорите? Да ведь он со мной учился. И в этой же школе. А потом работал слесарем на фабрике имени Гладышева. Отсюда и ушел на фронт. Хороший был парень. И учился неплохо... Действительно, тогда, во время войны, прошел слух, что совершил он большой подвиг и посмертно был награжден. Только в точности об этом так и не удалось узнать.

Фабрика имени Гладышева... Так вот, видимо, откуда взялась эта «Средняя Ладышевка»! Так, по созвучию этих слов во фронтовой заметке имя фабрики превратилось в название родного села Евгения.

Теперь след нашелся. Дальше искать уже легче. Через несколько дней Саратовское адресное бюро подтвердило нам: Анна Дмитриевна Молчанова действительно проживает в Саратове, и указало ее адрес. По этому адресу пошло наше письмо.

Ответ пришел не сразу. Анна Дмитриевна отвечала, что очень тяжело писать об этом. На фронте во время войны у нее погибли трое сыновей. «Женя был младшим, — писала Анна Дмитриевна. — Родился он, когда мы жили в селе Жадовке. В школу пошел рано, с 7 лет. Был очень смелый и отчаянный. Ездил на лыжах с самых крутых гор, ничего не боясь. Однажды при этом даже сломал ногу, но когда она срослась, снова взялся за лыжи.

Летом любил играть с ребятами в войну. Соберет, бывало, много-много ребятишек. И сам был у них всегда старшим.

В Гурьевке мы жили недалеко от леса. Женя очень любил лес. Часто мы с ним ходили туда за ягодами или грибами. И всю дорогу пел песни. Забирался он в самые глухие места. Иногда скажешь ему:

— Женя, туда дальше не ходи, там очень глухо, страшно.

А он отвечает:

— Ну и что же. Это очень хорошо. Вот я и люблю такие места...»

Анна Дмитриевна прислала нам единственную, оставшуюся у нее фотокарточку сына.

Осенью 1963 года в наше Военно-научное общество поступил еще один документ. Это был наградной лист на красноармейца-пулеметчика 223-го Гвардейского стрелкового полка Молчанова Евгения Михайловича.

Вот что рассказывается в этом документе.

6 июля 1943 года немецкие войска в районе Белгорода перешли в наступление. Противник силами полка пехоты при поддержке сорока танков атаковал батальон Крылова. Пулеметный расчет Молчанова, находившийся на правом фланге роты, первым принял на себя удар немецких автоматчиков.

Красноармеец Молчанов встретил врага сильным пулеметным огнем. Противник, потеряв двадцать шесть человек убитыми и ранеными, отступил на исходные позиции.

На помощь вражеским автоматчикам шли три фашистских танка «тигр». Гитлеровцы под прикрытием этих танков снова пошли в атаку.

Осколком снаряда был выведен из строя помощник наводчика и поврежден пулемет. Молчанов остался один. Но мужественный воин не дрогнул. Быстро исправив повреждение, он сменил огневую позицию. Вновь открыв прицельный огонь, он отсек автоматчиков от танков и начал расстреливать их в упор. Потеряв тридцать солдат и офицеров, гитлеровцы залегли.

В этом бою красноармеец Молчанов был ранен, но, несмотря на это, он продолжал отбивать яростные атаки врага. Три раза пытались фашисты уничтожить смельчака, но безуспешно.

Вражеские танки начали заходить с флангов. Патроны на исходе, но еще есть гранаты. В этот момент вражеская пуля тяжело ранила героя. Пулемет замолчал. Обрадованные враги бросились к Молчанову, но в фашистов внезапно полетели гранаты. И на этот раз их атака захлебнулась.

Два танка двинулись на Молчанова. Первый танк

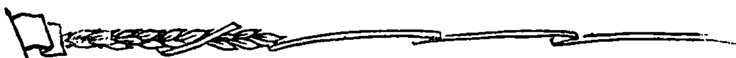
он подбил гранатами. Кончились боеприпасы. Потеряв сознание, Молчанов лежал у своего пулемета. На него с большой скоростью шли фашистские танки...

Так смертью храбрых погиб герой. Командование полка и дивизии представило его к высшей правительственной награде. В самом низу этого документа командующий войсками Степного фронта генерал армии Конев написал: «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

Замечательный подвиг совершил девятнадцатилетний комсомолец Евгений Молчанов! Сколько нужно выдержки, стойкости, чтобы один на один с полчищами врагов отражать их яростные атаки и, истекая кровью, собрав последние силы, вести борьбу с фашистскими танками. Это о нем и его товарищах, о людях с бесстрашными сердцами Данко сказал поэт:

И для тебя и для меня
Он сделал все, что мог:
Себя в бою не пожалел,
А Родину сберег.

А. Шарипов

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

Молодому лейтенанту Ивану Морозову исполнилось восемнадцать лет, когда он принял под свою команду артиллерийский взвод

И вот как-то на одном из участков Западного фронта противник под прикрытием мощного артиллерийского огня двинул на наши позиции танки. Они шли прямо на орудия Морозова.

Положение стало угрожающим: расстояние между неприятельскими машинами и нашими орудиями с каждой секундой сокращалось. Но командир огневого взвода спокойно выжидал приближения танков

— Товарищ лейтенант, — прошептал командир орудия, — пора открывать огонь.

— Подождите, сержант, еще не время. Издалека бить по танкам невыгодно: лишние снаряды расходуются. Да к тому же мы этим поможем противнику обнаружить наши орудия.

Лицо лейтенанта было сурово. Он молчал и лишь изредка подавал отрывистые, лаконичные команды. Его спокойствие передавалось солдатам и сержантам.

Между тем вражеские танки подошли уже совсем

близко. Прошло еще несколько напряженных секунд. Казалось, стальная машина вот-вот начнет давить орудия взвода. Пора было начинать.

Морозову самому давно хотелось открыть огонь, но разрешающего сигнала от командира батареи все не было. Медлить больше было нельзя. И в этот момент была подана команда открыть огонь.

— Взвод, по танкам — огонь! — прозвучала властная команда Ивана Морозова. Точные залпы орудий обрушились на броню противника. Головной танк вспыхнул, как спичечная коробка. Следующие за ними танки замедлили ход. Наши артиллеристы этого только и ждали: второй расчет подбил еще один вражеский танк, а остальные вынуждены были отойти на исходные позиции.

Враг вскоре возобновил атаку, но на этот раз фашистские танки лезли не только с фронта, но и с правого фланга батареи.

За танками наступали автоматчики.

— По пехоте — картечью! — крикнул Морозов.

Немецкие солдаты, отрезанные от танков, залегли, а когда на них обрушился новый поток огня нашей пехоты, подошедшей из резерва, фашисты повернули обратно. Расстроив боевые порядки противника, наша пехота перешла в контратаку и, преследуя врага, вышла на новый рубеж.

Артиллеристы Морозова тоже заняли новые огневые позиции. В этом бою под Ельцом они уничтожили несколько танков и до двухсот немецких солдат и офицеров.

За умелое командование батареей лейтенанту Морозову 4 сентября 1942 года было присвоено воинское звание старшего лейтенанта.

Иван Морозов своей храбростью зажигал сердца подчиненных. Солдаты и сержанты батареи сплотились вокруг своего командира. Крепкая дружба и взаимная выручка сделали коллектив батареи спаянным. Каждый готов был, не щадя своей жизни, вступиться за товарища, в любую минуту придти к нему на помощь.

«Один за всех, все за одного!» — стало девизом батареи.

...Ранним солнечным июльским утром 1943 года батарея старшего лейтенанта Морозова заканчивала обо-

рудование и освоение огневых позиций в районе Поныри на знаменитой Курской дуге. Вокруг было спокойно. В нескольких шагах от наблюдательного пункта командира батареи беспечно и весело пели свои песни беззаботные птички. По небу плыли редкие, пушистые облака. И вдруг утреннюю тишину разорвали пушечные выстрелы.

Это заговорила советская артиллерия.

На нашу артподготовку враг ответил массированным огнем. Казалось, вокруг не было уже живого места, все было заполнено смертоносными взрывами снарядов и мин. Артиллеристы Морозова хорошо окопались. Им враг не смог причинить никакого вреда. Все расчеты находились в надежных укрытиях.

Но бой только начинался. Самое главное было еще впереди. Морозов увидел в бинокль надвигавшихся на их позиции густые цепи фашистов. Они растянулись от края и до края, насколько хватал глаз. Повсюду слышен гул моторов и лязг металла. Это развернутым строем шли вражеские танки. Морозов видел, как они поравнялись со своей пехотой, обогнали ее и она пошла за танками, прикрываясь их броней.

Лязг и гул вражеских машин угрожающе нарастал. Командиры огневых взводов с нетерпением ждали команды «огонь».

— Подпустим еще ближе, — раздался громкий голос старшего лейтенанта, — а потом залпом ударим по врагу!

Немецкие танки продолжали двигаться на батарею. Выбрав момент, когда они поднялись на возвышенность, Морозов подал долгожданную команду:

— Огонь!

Правое орудие выстрелило, и снаряд угодил в башню «тигра». Танк замер на месте. Спустя несколько минут запылали еще два танка.

Бой продолжался. У высоты появилась новая группа танков. Они ударили из пушек. Над головой засвистели осколки. Тихо вскрикнув, упал наводчик. Орудие было в исправности, и на место раненого встал первый номер. Он быстро навел орудие на вражеский танк. Выстрел! И вражеская машина задымила. Суровое лицо Морозова осветила широкая улыбка. Ему было видно все, как на ладони. Правее только что подбитого танка

закружился еще один. Фашисты не выдержали точного огня батареи Морозова и были вынуждены повернуть в направлении населенного пункта Поныри. Но враг не отказался от мысли уничтожить батарею Морозова. Теперь она еще больше стала угрожать фашистам с фланга и тыла.

Рано утром последовала новая вражеская атака. На этот раз фашисты атаковали с северо-запада. Но и эта атака противника была отбита. Враг злобствовал. Теперь вместо танков он направил на батарею свою авиацию. Над отважными артиллеристами появились гитлеровские стервятники. Оглушительный взрыв бомб потряс воздух. Морозовцы успели по сигналу занять укрытия. Вражеские самолеты отбомбились и улетели. Наступило затишье. Но оно было обманчивым. В перерывах между бомбардировками противник возобновлял яростные атаки пехоты и танков. Воздух наполнялся гулом канонады: били наши и вражеские батареи. И так повторялось каждый день в течение целой недели. Ежедневно морозовцы совместно с пехотой отбивали по пяти-шести атак противника. Спали они буквально на ходу, используя минуты тревожного затишья.

29 июля старший лейтенант Морозов потерял счет времени. А между тем дело шло уже к вечеру. Бой длился четырнадцать часов. Весь личный состав батареи страшно устал. Казалось, если бой продлится еще хотя бы полчаса, все батарейцы упадут от изнеможения. Но они выстояли. Когда опасность миновала, атаки были отбиты, на огневую позицию прибыл командир дивизиона и горячо поблагодарил артиллеристов Морозова.

Поле боя перед высотами в районе Поныри было усеяно десятками изуродованных «тигров» и «пантер», сотнями трупов отборных гитлеровских солдат и офицеров.

Атаки фашистских войск на этом участке прекратились, и наши войска перешли в контрнаступление.

Гитлеровское командование, несмотря на огромные потери, все еще не расставалось с надеждой вернуть потерянные позиции или в крайнем случае остановить успешное наступление наших войск на запад. В этих целях оно предприняло крупные контратаки.

В этой обстановке командир 73-й стрелковой дивизии

принял смелое решение: главными силами продолжать успешное наступление, а для прикрытия от контратаки противника оставить лишь батальон пехоты и испытанную в боях морозовскую артиллерийскую батарею.

На полном ходу батарея развернулась, и орудия заняли места на господствующей высоте. Все, как один, начали окапываться. А некоторым расчетам посчастливилось: попались готовые огневые позиции с укрытиями, основательно оборудованные в свое время немецкими артиллеристами.

Вскоре показались вражеские танки. Они шли в трех направлениях: шесть танков между первым и вторым огневыми взводами неслись прямо на наблюдательный пункт командира батареи, пять танков — на первый огневой взвод, четыре — на второй. Рев моторов сотрясал воздух. Некоторые командиры орудий стали просить разрешения открыть огонь.

— Без моей команды ни одного выстрела! — продолжал звучать в телефонах уверенный голос командира батареи.

Вражеские танки, громыхая гусеницами, ползли прямо на батарею. Морозов решил бить их только наверняка. Поэтому он подпустил врага ближе чем на пятьсот метров.

И, наконец, последовала команда — «огонь!». Заговорили орудия батареи. Противник тоже начал стрельбу.

Первым загорелся головной танк гитлеровцев. Вот уже три танка успел вывести из строя расчет Жукова. А гитлеровцы продолжали яростно наседать. Не считаясь с потерями, они упрямо рвались вперед. Над позицией советских артиллеристов стоял сплошной гул и грохот. На батарее уже многие были ранены, но продолжали оставаться у орудий.

К вечеру наступила короткая передышка. Но вскоре на поле боя снова появились фашистские танки. Это враг ввел в бой новые резервы. На большой скорости подходили «тигры». В это время нарушилась связь командира батареи с огневыми взводами. Морозов тут же принял решение идти на огневую позицию батареи. Добраться туда было не так-то легко. Вражеские пулеметы поливали свинцовым ливнем подступы к батарее, кругом рвались снаряды. А «тигры» и «пантеры» были

уже совсем близко. За танками наступали фашистские автоматчики. И тем не менее отважные артиллеристы проскочили сквозь вражескую огневую стену.

Командир орудия Кондратьев точно навел и выстрелил. Вражеский танк продолжал идти. Вот он уже грохочет совсем рядом.

Морозов сам бросился к пушке, крикнул наводчику:

— Заряжай!

До танка оставалось не более ста метров.

— Огонь!

Раздался выстрел. Танк завертелся на месте: снаряд разорвал ему гусеницу.

— Пулемет! — крикнул Морозов.

И сразу же в трескотню автоматов влилась длинная очередь пулемета. Морозов навел орудие на другой танк. Так один за другим оказались подбитыми еще два танка и бронетранспортер.

Но на исходе дня, когда Морозов, подпустив фашистский танк чуть ли не к самому орудию, расстрелял его в упор, немецкий бомбардировщик сбросил на батарею бомбу. Осколками Морозова ранило в левую руку и ногу. Сестра перевязала Морозова и предложила санитарам унести раненого в медпункт.

— Стойте, куда вы меня несете? — крикнул он. — Я должен быть здесь. — И, превозмогая боль, Морозов вернулся к орудию.

Бой продолжался. Немцы бросали в атаку все новые и новые силы. Но так и не удалось прорвать оборону батареи с фронта. Враг решил атаковать ее огневые позиции с тыла.

— Что будем делать, товарищ старший лейтенант? — спросил молодой солдат — радист батареи, видя безвыходность создавшегося положения.

— Бить врагов! — спокойно ответил Морозов. — Быстро просите командира артиллерийского полка к микрофону, — сказал Морозов радисту.

— «Алмаз», я «Кристалл», прошу открыть массированный огонь по квадрату 33-34. Как поняли? Я «Кристалл». Прием.

— Морозов вызвал огонь на себя, — передал радист командиру полка.

— На себя? — дрогнувшим голосом переспросил командир артиллерийского полка своего радиста.

— «Алмаз», «Алмаз», беглый огонь! Незамедлительно... — опять прохрипела радиостанция Морозова.

— Огонь! — тихо прозвучала команда.

Над батареей Морозова с резким свистом пролетели снаряды. Все невольно пригнулись и замерли в окопе. Затем грянул оглушительный взрыв тяжелых снарядов между артиллеристами Морозова и немецкими танками. Наша артиллерия с закрытых позиций вела беглый огонь. Снаряды рвались один за другим. Вражеские танки остановились.

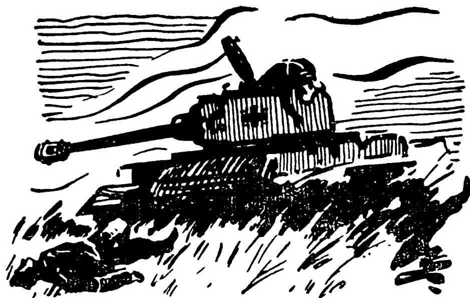
Когда разрывы снарядов прекратились и пыль улеглась, гвардейцы снова увидели танки, но теперь они двигались уже не на них, а левее, подставляя свои борта нашим пушкам. Морозов, не теряя времени, открыл по ним огонь прямой наводкой. Вскоре два танка запылали. Но тут же из-за холма выползла «пантера», и вражеская пуля сразила наводчика Кондратьева. Казалось, стальная громада вот-вот надвинется на огневую позицию. В этот критический момент всех выручило превосходное огневое мастерство командира батареи.

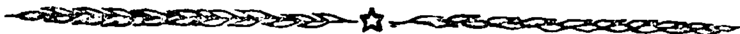
Морозов встал у орудия. Он сам наводил, сам вел огонь. Выбрав момент, когда «пантера» слегка развернулась и подставила свой борт, он выстрелил. Желтое облачко пламени вспыхнуло на броне.

Атака вражеских танков была отражена. Противник начал вести массированный артиллерийский огонь по батарее.

Старший лейтенант Морозов был смертельно ранен осколком снаряда в голову.

Так оборвалась жизнь замечательного патриота нашей любимой Родины.

В. Радыльчук

НА ДНЕПРЕ

Осень 1941 года закончилась для дивизии большими маневрами. Приближалась первая военная зима. Хорошо вооруженная и по-зимнему обмундированная часть готовилась к погрузке в железнодорожные эшелоны и отправке на фронт.

Точно о сроке погрузки никто не знал. Бойцы высказывали много предположений о дне отправки, но все сходились на одном — надо поскорее быть там, где уже пятый месяц советские солдаты мужественно отражали натиск фашистских армий. Тихими вечерами в свободные от занятий часы солдаты любовались осенней тайгой. Стройные ели, покрытые седым мхом, зеленые пихты, густой подлесок из осины и черемухи сверкали яркими красками от лучей заходящего солнца.

В такие вечера не верилось, что где-то далеко от больших сибирских рек и дальневосточных сопок, там, на западе нашей Родины, умирали советские люди, отстаивая свою землю и свободу.

Только вчера отличный связист Иван Бурмистров получил от родных письмо. Из письма Иван узнал, что

отец ушел на фронт и уже воюет где-то на западе. Саша и Миша, его младшие братья, тоже готовятся вступить в действующую армию.

* * *

...Плавно заскрипели тормоза, лязгнули буфера, эшелоны один за другим начали быстро разгружаться. Красноармейцы высыпали на полотно.

Спрыгнув на перрон, Иван Бурмистров с радостью прочел: Куйбышев. Значит, они на родную Волгу приехали. А ведь здесь где-то совсем рядом Ульяновск — его родина, где он учился, трудился и откуда ушел в ряды Красной Армии...

Иван оглянулся и увидел, что его рота строится. Он быстро побежал и занял свое место в строю.

А несколько дней спустя маршевая рота, где служил Бурмистров, отправилась на фронт.

* * *

Наступило лето 1943 года. В районе Белгорода, на реке Северный Донец, рано утром 5 июля немцы пошли в наступление, бросив на наши позиции сотни «тигров». В боях с обеих сторон участвовало большое количество танков. Атаки немецких полчищ следовали одна за другой. Все кругом заволокло дымом и гарью. Казалось — не устоять против такой силы огня. Но наступление врага быстро выдохлось. Гвардейцы не только выстояли, они остановили врага, а потом погнали его на запад.

В бою выбыл из строя комбат Алексей Беловицкий. Был тяжело ранен в грудь и Иван Бурмистров, обеспечивавший связь батальона с ротами. Он пришел в сознание, когда его стали укладывать на носилки, чтобы отправить в госпиталь. Открыв глаза, Бурмистров почувствовал, что забинтована вся грудь и правая рука.

Раненый комбат наклонился над бойцом и ласково, по-отечески сказал:

— Поправляйся поскорее. Мы еще встретимся.

...После госпиталя, уже под Харьковом, Иван Бурмистров догнал свою часть.

— Вот твой пистолет, который я сохранил, когда

ты выбыл из строя, — сказал Бурмистрову командир роты Данилов.

Вскоре вернулся в свою часть, после выздоровления, и комбат Беловицкий. Встретился с ним Иван Николаевич в необычной обстановке, когда, наступая, ползли под немецкими пулями по кукурузному полю.

— Вот и снова мы вместе, — говорил комбат, — вместе Украину освобождать будем.

И действительно, наши войска, нанеся сокрушительные удары по врагу под Волгоградом, а затем под Орлом и Курском, погнали его на запад.

Впереди был Днепр.

* * *

После четырехдневного тяжелого перехода под непрерывными дождями и по бездорожью ночью батальон с боем подошел к реке.

Командование решило форсировать реку, хотя у частей, подошедших к ней, не было переправочных средств.

Широкая водная гладь открылась перед взором бойцов. На левом берегу уже не было ни одного немца. Только с правого берега неистово били вражеские пулеметы, летели снаряды и мины. Глухо шуршал под ногами прибрежный песок, и сквозь свист пуль и грохот снарядов слышен был плеск днепровских волн. Начиналась великая битва за Днепр.

Не дать врагу опомниться, немедленно зацепиться за правый берег! Этой мыслью жили все воины.

Иван Бурмистров с восхищением смотрел на синеватую даль Днепра, его крутые берега, потемневшие перелески и широкий простор степей. Все это напоминало ему родную Волгу, свой город на высоком обрыве. Ему казалось, что где-то совсем рядом воюют его отец и два брата, Александр и Михаил...

В роту пришел командир полка майор Плешков.

— Кого пошлем на правый? — спросил он командира роты Данилова.

Командир роты задумался. Времени до наступления темноты оставалось немного. Надо торопиться. В голове промелкнула мысль о тех, кто отличился в боях под Белгородом.

Внезапно созрело решение.

Старший лейтенант Данилов доложил командиру полка:

— На правый надо послать во главе группы младшего сержанта Бурмистрова.

Подобрали группу из семерых бойцов и двух местных жителей.

Майор Плешков объяснил им задачу, проверил снаряжение и сказал:

— Вы должны скрытно от противника переправиться на правый берег Днепра, установить связь с левым берегом, разведать огневые точки врага и корректировать огонь нашей артиллерии.

Он предупредил связистов, что при повреждении лодки надо брать катушки, телефонные аппараты и вплавь разматывать кабель.

Для младшего сержанта Бурмистрова было ясно, что он не только должен обеспечить устойчивую связь с командованием, но и вести разведку.

В глухую полночь связисты во главе с младшим сержантом Бурмистровым вышли к берегу Днепра. Быстро пригнали к отмели две лодки, погрузили имущество, сели за весла и обе лодки, слегка покачиваясь на волнах, тихо двинулись в путь.

В полуночном небе послышался нараставший гул моторов.

Высоко-высоко шли немецкие бомбардировщики. Несколько очередей трассирующих пуль прочертили темноту ночи. Бело-оранжевые ракеты повисли над рекой. Ударила вражеская артиллерия. Когда же ракеты погасли, ночь стала еще непрогляднее. Вражеский огонь так же внезапно прекратился, как и начался.

Это напоминало затишье перед бурей. И буря началась.

Противник с новой силой ударил по левому берегу. Снаряды вздымали фонтаны воды. Непрерывно били минометы. Вода кипела от вражеских пуль и снарядов. Вспышка взрыва — и одна лодка пошла ко дну. Вскоре была повреждена и вторая. А берег еще далеко. Взяв катушку с кабелем и телефонный аппарат, бойцы бросились вплавь. Холодом сковало тело, намокшая одежда тянула вниз, от усталости и слабости темнело в глазах, но стремление во что бы то ни стало выполнить постав-

ленную командиром задачу умножало их силы. Они плыли под градом пуль, разматывая на воде кабель.

Вот и берег. Неподалеку видна траншея, проволочное заграждение. Там притаился враг.

Какие его намерения? Что он думает предпринять?

Все это надо узнать, разведать, доложить. А их всего в живых осталось двое.

Вдруг вспыхнула ракета, осветив темные воды Днепра. Впереди мелькнули человеческие фигуры. Это враги. Надо передать на левый берег, но рядом фашисты. Всего несколько десятков метров отделяет их от двух советских бойцов. Ударила вражеская артиллерия, минометно-пулеметный огонь заглушил все вокруг. Воспользовавшись этим, связист-разведчик Бурмистров, закрыв телефонный аппарат шинелью, негромко начал передавать на левый берег обстановку и важные огневые цели. Прошла минута, другая, и ураган советской артиллерии обрушился на головы фашистов, укрепившихся на правом берегу реки.

Приближался рассвет. Началось форсирование Днепра нашими главными силами. Продолжала бить артиллерия, с воздуха наносила удары наша авиация, а укрывшийся в прибрежном лозняке, глубоко зарывшись в песок на откосе реки, младший сержант Бурмистров продолжал передавать на левый берег все новые и новые данные об огневых точках и расположении живой силы противника.

Связь то и дело рвалась и на воде и на суше. Пренебрегая опасностью, Иван Бурмистров с начальником ЦТС (центрально-телефонной станции) Павловым под непрерывным огнем врага устранял повреждения, обеспечивая боевую связь с командованием.

Выдающийся подвиг совершил этот солдат. Он проложил через Днепр кабельную линию, которая была в тех условиях единственно возможным средством связи.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 октября 1943 года за проявленное геройство в боях за социалистическую Родину, за обеспечение бесперебойной связи при форсировании Днепра Ивану Николаевичу Бурмистрову было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

Наши войска с боями продвигались вперед. Началось стремительное преследование противника. Еще во многих боях с врагом участвовал отважный связист Иван Бурмистров. Но в одном из них при захвате важного рубежа под Кировоградом попал в окружение и был пленен. Потянулись горькие дни за колючей проволокой в фашистских концлагерях.

Постоянные издевательства, голод, тяжелый изнурительный труд и болезни не сломили волю советского патриота. Его сердце пуще прежнего горело жгучей ненавистью к фашистам.

Иван Николаевич дважды организовывал побег из лагеря. Но фашисты настигали его. Избитого, затравленного немецкими сторожевыми овчарками, советского воина вновь бросали за железную решетку.

Наконец, третий побег удался. Фашистская неволя позади. Иван Николаевич Бурмистров снова оказался в рядах Советской Армии.

Много еще шагал он по дорогам войны, освобождая народы Европы от коричневой чумы. Светлый День Победы отважный воин встретил в Берлине.

После демобилизации Иван Николаевич Бурмистров вернулся в свой родной Ульяновск. И снова его горячие до дела руки взялись за любимую мирную работу на заводе.

Ф. Галимов

ПОДВИГ САПЕРА

Это было в октябре 1943 года. Войска 1-го Белорусского фронта, преследуя разбитые немецкие соединения, с ходу форсировали реку Сож и подошли к берегам Днепра.

Командир саперной роты капитан Шевело получил приказ: чтобы посеять панику среди фашистов, в их тылу, за Днепром, водрузить красное знамя на высоте, господствующей над окружающей местностью.

«Кого же послать на выполнение этого задания?» — задумался капитан. Посоветовавшись со своим замполитом, капитан решил направить на задание солдата Ивана Ильгачева, которого оба знали как опытного, находчивого бойца.

— Ильгачев, к командиру, — объявил дежурный по роте.

Из группы сидящих у костра солдат вышел среднего роста, широкоплечий, коренастый боец и неторопливо пошел к блиндажу.

Капитан Шевело внимательно посмотрел на солдата и, раскрыв карту, заговорил ровным, спокойным голосом:

— Вот видите высоту. Здесь проходят две траншеи противника. За высотой расположен город Лоев. Цель такова: надо водрузить на гребне высоты красное знамя, чтобы поднять панику в стане врага. Это облегчит переправу наших войск через Днепр и поможет успешному захвату плацдарма на том берегу.

Помолчав, командир спросил:

— Ясна задача?

— Так точно!

Повторив приказ, Ильгачев козырнул и вышел.

До наступления темноты оставалось около двух часов. Надо было собираться в путь. Ильгачев поужинал, затем достал документы, бережно завернул их в носовой платок и передал сержанту Чекарову. Плотно обвернул вокруг себя знамя, оделся и, захватив с собой автомат и несколько гранат, направился к Днепру.

Притаившись в кустах, Ильгачев старался рассмотреть, что делается на другом берегу реки. Но, кроме кольев и нескольких рядов колючей проволоки среди кустов, он ничего не мог разглядеть. Река была безлюдной и пустынной. Только откуда-то справа доносилась артиллерийская перестрелка.

Стемнело. Ильгачев бесшумно спустил на воду небольшой плот и, ухватившись за него, поплыл к правому берегу.

Ильгачев зорко всматривался в противоположный берег. Со стороны высоты не слышно было ни единого выстрела. Видимо, все внимание немцев было сосредоточено выше по реке, где отдаленно гудел фронт.

Вот и противоположный берег. Плот мягко врезался в песок в том месте, где в Днепр впадала небольшая речушка. Ильгачев вытащил плот на сушу и пополз по берегу ручья. По данным разведки, здесь скоро должна быть небольшая тропинка, по которой следовало двигаться дальше к проволочному заграждению.

Впереди находилась высота. В небо изредка взлетали ракеты, озаряя местность мертвенно-голубоватым светом. Тогда Ильгачев замирал, не двигаясь...

Вскоре в проволочном заграждении он нашел проход, через который гитлеровцы ходили к ручью за водой. Невдалеке, шипя, взвилась ракета. При ее свете

Ильгачев увидел, что высоту со стороны реки опоясывают два полукольца окопов.

Всматриваясь в подножие высоты, Ильгачев вдруг заметил какие-то неясные силуэты, они то двигались, то замирали.

«Немцы... Влево пошли... Значит, мне нужно взять правее», — подумал Ильгачев и стал продвигаться дальше. Цепляясь за жесткий кустарник, он полез вверх... Наконец-то выбрался на высоту. Теперь на пути к самой вершине уже было более отлогое место, но ползти здесь было еще труднее. Ведь на возвышенности могут легко заметить. Приходилось еще тщательнее маскироваться, укрываясь за каждый небольшой бугорок.

Снова ракета и пулеметная очередь. Ильгачев прижался к земле, но успел во время вспышки увидеть, что он уже недалеко от вершины. Стрельба не возобновлялась...

Прополз еще метров сто, лег на левый бок, вытащил нож и стал копать ямку, чтобы укрепить древко знамени. Еще два раза вспыхивали ракеты, и саперу приходилось прерывать работу.

Но вот, наконец, дело закончено. На вершине высоты заколыхалось красное знамя. Приказ выполнен. Теперь быстрее обратно...

Доплыв до своих, Ильгачев вышел на берег и остановился передохнуть. Потом, тяжело переставляя усталые ноги, направился в свою роту.

Через несколько минут Ильгачев уже был у командира роты. Он скупо изложил все по порядку, рассказал об окопах и огневых точках противника, замеченных им во время выполнения задания. Он уже ждал, что капитан сейчас скажет ему: «Ну, идите отдыхайте». Но вместо этого капитан сказал:

— Через полчаса начнется переправа. На нашу роту возложена задача: обеспечить форсирование. Так что сейчас уже не до сна... Без вас мы не обойдемся. Я включил вас в группу сержанта Чекарова. Вы должны будете с канатом переплыть реку и под прикрытием десанта обеспечить переправу части. А сейчас идите к своим товарищам и готовьтесь к выполнению задачи...

Темная осенняя ночь. Когда до рассвета оставалось

совсем мало времени, стали прибывать первые подразделения для форсирования реки.

Четверо бойцов спустились к реке. Резиновая надувная лодка с округлыми бортами и плоским дном ждала их на берегу. Уключины для весел были обмотаны тряпками, к корме лодки привязан конец троса.

— Поплыли, — сказал Чекаров. Лодка плавно отчалила от берега.

Впереди, в ночной мгле, засветила и описала ярко-зеленую дугу ракета. Бойцы на мгновение прекратили грести, насторожились, затем продолжали работать веслами все так же четко и бесшумно. В стороне раздалась дробная очередь вражеского пулемета. Пули пропели высоко над головами. Следующая очередь ушла намного в сторону. Когда лодка вышла на середину Днепра, взвилось несколько ракет. Река была освещена, как днем. Обстрел вели уже не только пулеметы, но и пушки врага.

— Налечь на весла, — прозвучала команда, и лодка, качнувшись, еще быстрее устремилась к вражескому берегу.

Пулеметы, не переставая, посылали одну очередь за другой, поднимая на воде фонтанчики. Несколько пуль пробили резиновый борт. Лодка угрожающе зашипела, борты ее стали дряблыми, она начала погружаться в воду. Солдаты добирались до берега вплавь, таща за собой трос.

Наконец, через несколько минут они достигли берега. Когда вылезли из воды, Ильгачев с тросом в руках пошел вверх по течению. Вскоре он наткнулся на обрубок бревна, который прочно был врыт в землю, и захлестнул трос вокруг него.

Был дан условный сигнал своим на противоположный берег. Надо было дорожить каждой секундой. Они знали, что враг, встревоженный огнем пулеметов, с минуты на минуту предпримет контратаку.

И вот вражеский отряд стремительно напал на храбрую четверку. У бревна, где был закреплен трос, закипела горячая схватка.

Тяжелая обстановка сложилась на поле боя. Десантники заняли круговую оборону. Вскоре были пущены в ход гранаты. В это время первая группа бой-

цов, подплывшая в лодках, с криком «ура!» бежала вверх на помощь отважной четверке.

Бой разгорался с каждой минутой. С левого берега продолжали переправляться другие подразделения. Всю ночь шла переправа, и с каждым часом увеличивались на этом берегу наши силы. Опомнившись от первого удара, гитлеровцы стали подтягивать из глубины обороны резервы для контратаки. Сначала против наших бойцов вела бой небольшая группа вражеской пехоты, а когда было отбито несколько контратак, враг бросил в бой более роты пехоты с танками и самоходными орудиями.

На рассвете противник увидел на вершине высоты развевающееся красное знамя. Это внесло замешательство и растерянность в действия гитлеровцев. Стремительной атакой ворвались наши воины в расположение противника и заняли высоту. Разъяренные фашисты ввели в действие свежие силы, подтянули артиллерию и минометы. Они хотели во что бы то ни стало вернуть высоту...

А Днепр кипел, как в огне. По району переправы били вражеские пушки и минометы. Авиация обрушивала на нее свои бомбы, но, не взирая ни на что, переправа действовала. Четырнадцать рейсов сделал на своем понтоне Иван Ильгачев, переправляя людей и технику. Несколько раз он попадал под огонь вражеских батарей и «мессершмиттов», но своего поста не бросал ни на минуту. За полутора суток саперы обеспечили форсирование целой стрелковой дивизии.

В результате этой операции наши войска успешно форсировали Днепр и прорвали оборону противника протяжением по фронту на 20 километров и на глубину до 10 километров. Этот прорыв значительно ухудшил оперативную обстановку для гомельской группировки противника.

Своей стойкостью и мужеством Ильгачев и его три товарища содействовали успеху наших войск. За боевые подвиги отважной четверке Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героев Советского Союза.

В одном из августовских боев 1944 года Иван Васильевич был тяжело ранен. После лечения в госпитале он был демобилизован и вернулся в родное село.

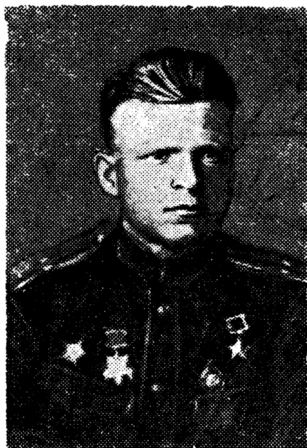
Недолго отдыхал он после тяжелых боевых дел. Колхозные поля звали истосковавшегося по труду солдата. Односельчане единодушно избрали Ильгачева председателем правления колхоза «Пионер», а затем укрупненного колхоза «Коммунар» Старо-Кулаткинского района.

Иван Васильевич Ильгачев не только боевыми делами, но и в мирном труде снискал себе всеобщее уважение. В настоящее время бывалый солдат не покладая рук занимается самым мирным делом — выращивает фруктовый сад в совхозе «Старо-Кулаткинский».

В. Радыльчук, А. Агейчев

ЗА ЗЕМЛЮ, ПОЛИТУЮ КРОВЬЮ!

Боевое крещение Григорий Сурков получил в прославленной 74-й стрелковой Киевско-Дунайской краснознаменной ордена Богдана Хмельницкого дивизии.

1942 год был на исходе. Дивизия, ведя боевые действия, вышла на оборонительный рубеж: Кропоткино, Жерновка, Гримячее, Красная поляна...

Бои за город Малоархангельск приняли упорный, ожесточенный характер. Противник оказывал яростное сопротивление. 22 февраля на рассвете передовой полк дивизии нанес сокрушительный удар севернее Малоархангельска, выбил немцев из населенных пунктов Нижняя Гнилуша, Никольское, Александровка, Верхняя Гнилуша и, перерезав дорогу Малоархангельск—Глазуновка, создал угрозу окружения города. Батальон под командованием ст. лейтенанта Быкова решительным ударом с флангов во взаимодействии с соседними частями 23 февраля овладел городом Малоархангельск. Освободив села Нижняя Гнилуша и Сосновый Бор, солдаты 2-й пулеметной роты, которой командовал лейтенант Сурков, увидели страшные картины зверств, совершенных

фашистами. Взрослых жителей этих сел палачи угнали в Германию, а нетрудоспособных — стариков, инвалидов и детей — расстреляли у родных очагов.

— А за селом фашисты оставили после себя следы еще страшнее, — сдвинув брови, в гневе сказал сержант Иванов, командир первого взвода.

Действительно, за околицей села был сложен чудовищный костер из человеческих тел. Злодеяния гитлеровцев потрясли советских воинов. Сжалось солдатское сердце.

— Отомстим, товарищи, за это! — сурово сказал лейтенант Сурков.

Гневные слова командира острой болью отозвались в сердце каждого бойца. И еще сильнее вспыхнула в них ненависть к врагу. Солдаты неудержимо рвались в бой.

За Сосновым Бором пулеметчики лейтенанта Суркова настигли немцев, которые только что расстреливали и сжигали мирных жителей. Фашисты, сгорбившись от крепкого мороза, брели по занесенной снегом дороге.

— Сержант Иванов, ударь пулеметами своего взвода по голове колонны! — отдал приказ лейтенант Сурков. — Быстро обходите противника на лыжах!

Раздалась команда:

— Огонь!

Немцы не ожидали нападения. Растерялись. Открытое поле раскинулось на десятки километров. Спрятаться негде. Фашисты сгрудились на дороге и подняли беспорядочную стрельбу. Но поздно. Около трехсот фашистов уничтожили пулеметчики Суркова в этом бою. Почти столько же взяли в плен. С боями продвигаясь вперед, стрелковый полк, в состав которого входила пулеметная рота Суркова, вышел к селу Малые Гнилуши, занял оборону, окопался. Оккупанты расценили это как нашу слабость, решили атаковать его. После мощного артиллерийского налета в атаку пошли немецкие танки, за ними пехота. В этот момент советские воины открыли огонь по атакующему противнику. На флангах полка застучали пулеметы, образовав плотный огневой заслон. Немецкую пехоту от танков отрезали, она залегла, а танки, ведя огонь с ходу, подходили уже к первой траншее. Головной «тигр» подмял под себя пулемет, раздавил сержанта Иванова...

«Не уйдешь, гад», — подумал лейтенант Сурков

и метнул под гусеницу связку гранат. Танк вздрогнул, загорелся. Экипаж машины был взят в плен. Ободренные бойцы смело вступили в единоборство с «тиграми», забрасывая их связками гранат и бутылками с горючей смесью. Полковая и батальонная противотанковая артиллерия расстреливала танки прямой наводкой. Атака фашистов была отбита с большими для них потерями.

За этот бой лейтенанта Суркова наградили орденом Отечественной войны первой степени.

* * *

...Незабываемое 5 июля 1943 года. Это день наступления немцев на Курско-Орловской дуге. Дивизия получила боевой приказ: контратаковать прорвавшегося противника. Особенно ожесточенные бои происходили 6 и 7 июля. Дивизия выдержала натиск ста восьмидесяти танков и отбила двадцать три атаки немецкой пехоты. Только один стрелковый полк дивизии в течение 7 июля отбил четырнадцать атак.

В этих боях отлично дрались и пулеметчики роты Суркова. Они показали образцы мужества, стойкости и героизма.

...В двенадцатый раз шли фашисты на роту. Но огонь пулеметов снова и снова прижимал их к земле. Немцы вынуждены были отказаться от контратак, заняли оборону.

Лейтенанта Суркова вызвал командир батальона майор Козлов.

— Ваша задача, — сказал майор, — с отделением саперов обеспечить наступление батальона, но для этого надо сделать проходы в проволочных заграждениях и минных полях противника.

В ночь с 9 на 10 июля под прикрытием темноты подразделение Суркова ушло выполнять приказ. Как тщательно ни маскировались бойцы, все же были обнаружены противником. Завязался бой. Пулеметчикам удалось прижать фашистов к земле. В это время саперы подползли к проволочным заграждениям, сняли мины и проделали два прохода в них.

В три часа ночи Сурков доложил майору Козлову, что приказ выполнен.

Командующий фронтом генерал Ватутин объявил

Суркову благодарность за проявленное им мужество и смелость.

А утром, когда еле забрезжил рассвет, 360-й стрелковый полк устремился в проходы, сделанные ночью подразделением Суркова, и, преодолевая сопротивление противника, занял ряд населенных пунктов, в том числе железнодорожную станцию Глазуновка.

Жаркие схватки разгорелись на восточном берегу реки Десны. Немцы предпринимали контратаку за контратакой. Двое суток длился бой на ее подступах. Ни днем, ни ночью не умолкали пулеметы Суркова: вода закипала в кожухах пулеметов.

Сотни убитых и раненых фашистов валялись на берегу реки. А захватчики все лезли и лезли. Вот включились в бой их резервы — последний козырь. Пьяные немцы пошли в «психическую атаку».

На строгом, слегка рябоватом лице Суркова дрогнули мускулы. Глаза вспыхнули, загорелись. Смотря на приближающихся фашистов, он тихо, задушевно запел:

И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твои и глаза...

Окружающие переглянулись, весело подмигнули друг другу, на лицах заиграла улыбка. Песенка ободрила бойцов. Они почувствовали себя как-то увереннее, храбрее.

А немцы все ближе и ближе. Вот уже до них рукой подать.

— Без команды не стрелять, — передал по цепи лейтенант Сурков. Подпустив противника на сто-двести метров, рота дружно открыла кинжальный огонь. Сотни оккупантов упали замертво, остальные повернули назад, побежали. Наши части, преследуя противника, в ночь с 9 на 10 сентября, форсировав реку Десну, захватили плацдарм на ее западном берегу.

* * *

К началу осени наши войска, преодолев сопротивление врага, достигли Днепра.

Мосты через Днепр были взорваны. На правом берегу немцы устроили оборонительные сооружения. Превра-

тили его в многокилометровую укрепленную линию. Трудная задача стояла перед воинами — форсировать Днепр.

Гитлеровцы охраняли его бдительно. Как только отчаливал десант от левого берега, они решетили воду из пулеметов, минометов и орудий. Трое суток пытался стрелковый полк форсировать реку, но безуспешно.

«А что, если пулеметчики... первыми на тот берег. Создадим на правом небольшой плацдарм, — размышлял Сурков. — Оттуда прикроем наш первый эшелон».

С этими мыслями он и пришел к командиру части.

— Добро, — сказал подполковник. — Ваш план мне нравится. Разрешаю. Рискованно... Будьте осторожны.

Солнце село. Наступали сумерки. Тучи плотнее сгущались над седым Днепром. Вскоре стало совсем темно.

Бойцы разобрали две крестьянские бани, что стояли у самой реки, сколотили из бревен плоты, погрузились на них, укрепили пулеметы и бесшумно отплыли. Пересекая реку по диагонали, плоты медленно стали приближаться к противоположному берегу.

Ни единого всплеска, ни единого звука. Фашисты молчали. Обнаружили они пулеметчиков только утром, когда рота, захватив небольшой плацдарм, укрепилась, зарылась в землю. Гитлеровцы открыли бешеный огонь по ней. А спустя минуту бойцы подразделения Суркова услышали пронзительное шипение «катюш».

Через 20 минут дивизия начала форсировать Днепр. Оккупанты сосредоточили огонь теперь по левому берегу. Тут заработали пулеметы Суркова. Почти в упор уничтожали они захватчиков. Но на смельчаков пошли танки врага, а за ними — пехота. Обрушила огонь батарея шестиствольных минометов.

Вдруг станковый умолк. Сурков бросился к окопу. Из левого виска Хоменко сочилась кровь. Рядом лежало безжизненное тело Павлова. Командир припал к пулемету, и станковый снова заговорил. Посылая одну за другой длинные очереди по фашистам, Сурков с яростью кричал:

— Это вам за Павлова! А это — за Хоменко!

В это время передовые подразделения дивизии уже подплывали к берегу.

Вскоре Сурков был тяжело ранен в голову и его отправили в госпиталь. Здесь он и узнал о том, что Указом

Президиума Верховного Совета СССР ему присвоено звание Героя Советского Союза.

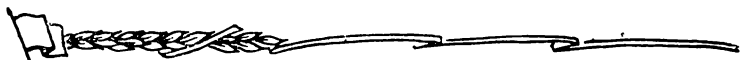
* * *

Григорий Николаевич Сурков после демобилизации из Советской Армии вернулся в родные края. С горячим сердцем и солдатской настойчивостью взялся он за мирный труд. Вспомнились годы, когда он, девятнадцатилетний юноша, уже руководил полеводческой бригадой, добивался высоких урожаев. Любили, уважали его колхозники.

«Серьезный парень, — говорили они о нем. — И руки золотые и упорства в труде много. Что решил — сделает. Легко с ним работать».

Григорий Николаевич и сейчас остался таким же энтузиастом. К его боевым орденам прибавилась новая правительственная награда — медаль «За доблестный труд».

В. Румянцев

НАТИСК

«Чуден Днепр при тихой погоде...» — писал Н. В. Гоголь. А вот если бы ему, Петру Шильдину, предложили дать характеристику этому водному рубежу, он сказал бы иначе: «Грозен, страшен Днепр...» И не потому, что низовой ветер задирает седые гребни на свинцовой волне, а потому, что там, на правом берегу, сильный, коварный враг.

Уже два часа лежит гвардии лейтенант Шильдин на холодной земле в кустарнике и внимательно обшаривает биноклем тот берег. Вон что-то блеснуло. Каска! Похоже, там ход сообщения.

Слипаются глаза, хочется спать. Тридцать два часа длился марш-бросок. Восемьдесят пять километров прошла его рота. И сейчас в полуразрушенных хатах брошенного села спят вповалку его солдаты. А он, командир роты, не должен спать. Ему нужно знать, куда он поведет людей.

Подполз ординарец.

— Товарищ гвардии лейтенант! Шли бы в хату, уснули. Я кое-что на завтрак приготовил.

— Да, пожалуй, нужно отдохнуть, — согласился Шильдин. И уже в хате, снимая сапоги, наказал:

— Передашь командирам взводов — пусть прикинут, где бревна на плоты брать.

Лег и как провалился в бездну.

Проснулся Шильдин от торопливого говора ординарца:

— Товарищ гвардии лейтенант! К командиру полка!

Обуваясь, лейтенант выслушал рапорт старшины: как накормлены бойцы, сколько потертостей, есть ли отставшие на марше.

У командира полка собрались все командиры рот. Вел совещание сам командующий армией.

— Кому уже приходилось переправляться на подручных средствах? — спросил командарм.

Командир полка назвал Шильдина, который летом 1942 года, тогда еще командир взвода, с горсткой бойцов форсировал Дон, занял плацдарм на правом берегу и двое суток удерживал рубеж.

Командующий внимательно оглядел лейтенанта.

— Ну что ж. Ваша рота пойдет первой.

— Есть! — ответил Шильдин.

Всю ночь к берегу скрытно подтаскивались бревна; тихо, без шума, вязали плоты. Перед рассветом, когда готовые плоты уже покачивались у берега на волнах, саперы «подбросили» полупонтоны.

Густой осенний туман клубился над Днепром. Пора! Тихо отплыла рота на загруженных до предела плотах.

Шильдин до боли в глазах вглядывался вперед. Еще вчера днем он приметил лучшее место высадки. Это был небольшой, поросший кустарником, островок. Там могут быть немцы, но зато есть возможность скорее перейти врукопашную. А тогда уже противник не окажет своим огневой поддержки. Его орудия и минометы будут молчать из опасения накрыть своих.

Взошло солнце, туман стал быстро редеть. Вот и островок! И тут же с острова ударил залп, послышались крики тревоги, зататакали пулеметы... Но — поздно! Солдаты выпрыгивали на берег и с громким «ура!» устремлялись на врага.

— Не задерживаться на островке! — крикнул Шильдин.

Он приостановился на какую-то минуту (проверял, все ли причалили). С ним — ординарец и двое связных от взвода. И вдруг из зарослей на них кинулось более полусотни фрицев. Четверка отважных приняла неравный бой. Пригодились немецкие окопы. От плотного огня автоматов, как подкошенные, валились враги Но они упорно лезли вперед. Однако дрогнули, побежали назад. Убегающих догнали автоматные очереди. Теперь скорее на берег! Там трещали выстрелы, взрывались гранаты. Один за другим смолкали вражеские пулеметы.

Вот в кустарнике, уничтожив гранатами немецких артиллеристов, бойцы разворачивают пушку в сторону врага. Там взято второе орудие, третье, четвертое! И вот четыре трофейных орудия беглым огнем засыпают вражеские позиции, подавляют огневые точки противника.

Шильдин огляделся. К берегу плыли плоты, понтоны; вверх по горе убегали темно-зеленые фигурки. Решение пришло немедленно: расширять брешь есть кому, а его рота, сбившая противника с позиции, будет гнать врага, не даст ему очнуться от ударов.

— Вперед! — И вот они уже на гребне. По полю там и сям видны убегающие враги. Вот одна группа, кажется, намерена обороняться — зацепилась за бугорок, окапывается. Два наших ручных пулемета открыли огонь по немцам. Цепь советских солдат шла в атаку, охватывая обороняющихся полукольцом. И враги не выдержали, скатились с бугорка, кинулись наутек.

До тех пор гнала рота Шильдина немцев, пока те не зацепились за крайние домики села.

— Не давать им укрепиться! — решает Шильдин. — Вперед!

Цепь идет, но враг уже установил пулеметы и прижимает наступающих к земле. Шильдин не дает бойцам залечь. Ведь нужен всего один бросок.

Бегом! И вот окраина села уже захвачена. Шильдин приказывает младшему лейтенанту Грибу:

— Просочиться со взводом по улочке в тыл.

Пока рота вела редкую перестрелку, отвлекая на себя внимание, взвод Гриба зашел немцам в тыл. Тогда Шильдин снова повел роту в атаку. Заметались враги

между двух огней, кинулись врассыпную, гибли под меткими пулями.

Дериевка была взята. Теперь предстояло удержать ее до подхода остальных частей. Спешно стали окапываться, установили пулеметы. Противник не заставил себя долго ждать, рванулся в контратаку. Но метким огнем рота Шильдина отбила врага. Противник подбросил свежие силы. Трижды бросались немцы на село, которое еще утром считали надежным тылом. И трижды атака захлебывалась на подступах к селу. В вечерних сумерках подошли наши основные части.

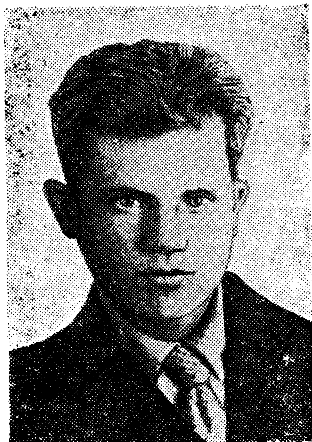
* * *

Через полмесяца командир полка представил гвардии лейтенанта Шильдина Петра Степановича к награждению орденом Красного Знамени. Но сам командующий армией написал на наградном листе: «Достоин присвоения звания Героя Советского Союза».

А. Шарипов

СВЯЗИСТ ВОЛЫНЦЕВ

Связистам отделения младшего сержанта Василия Волынцева нужно было установить связь через Днепр. Не мешкая, они приступили к выполнению приказа. Проверили кабель, подготовили грузила для его затопления. Затем связали из четырех сухих бревен крепкий небольшой плотик. Опробовали его: выдержит ли нагрузку. И вот наступило время переправы.

Первой приступила к форсированию гвардейская рота автоматчиков. Вместе с ними решили переправиться и связисты. Они спустили свой плот на воду, положили на него кабель, телефонный аппарат и под покровом утреннего тумана потянули связь на противоположный берег.

Услышав плеск воды, гитлеровцы открыли ураганный огонь из всех видов оружия. Были ранены оба телефониста, а фашистский пулеметчик все продолжал бить по плоту.

Тогда Волынцев, держась одной рукой за плот, погрузился в холодную воду, а другой, работая как веслом, продолжал тянуть кабель. И вот, наконец, ноги его коснулись песчаного дна. Он выбрался на берег, подключил телефонный аппарат и доложил командиру

дивизии: «Разведка вступила в бой с превосходящими силами противника. Командир отряда просит ударить по восточной опушке рощи «Фигурная».

И тут же в ответ раздался артиллерийский залп.

Волынцев передал телефонную трубку связному командира и едва успел сделать перевязку раненым, как связной сообщил, что связь не работает. Не раздумывая, Волынцев нырнул в холодную воду, нашел повреждение, устранил его. Сержанта охватило радостное волнение: связь обеспечена, а это значит, что снова заработает артиллерия. Но Волынцев не успел даже согреться, как опять связь нарушилась. И снова сержант ныряет, снова исправляет кабель.

Так Василий Волынцев своим героическим поступком обеспечил бесперебойную стрельбу нашей артиллерии, гвардейских минометов и помог пехоте закрепиться на правом берегу Днепра.

За этот подвиг нашему земляку, гвардии младшему сержанту комсомольцу Волынцеву Василию Михайловичу, уроженцу села Белый Ключ Карсунского района, Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

* * *

...58-я гвардейская стрелковая дивизия продолжала успешно преследовать фашистские войска. В конце ноября 1943 года гитлеровцы на заранее подготовленном рубеже завязали с нашими частями бой.

Наш первый батальон, вырвавшись далеко вперед в боях за населенный пункт, попал в тяжелое положение. Его позиции простреливались артиллерийским и пулеметным огнем врага. На боевые порядки батальона то и дело пикировали фашистские бомбардировщики. Контратаки противника следовали одна за другой. И вот в самый разгар боя при отражении яростной контратаки врага вышла из строя радиостанция, а проводная линия связи оказалась поврежденной. Гвардеец комсомолец Волынцев сам вызвался пойти на исправление линии. Когда он бежал вдоль линии, его заметил вражеский снайпер. Рядом засвистели пули. Вскоре он увидел, что одна из вражеских мин угодила прямо в кабель и концы его взрывом отбросило в стороны. Волынцев отыскал

их и приготовился соединить. Но в то же мгновение он увидел подползающих к нему фашистов. Василий быстро занял удобную позицию и открыл огонь по гитлеровцам. Вдруг он ощутил, что руку покалывает слабый электрический ток. Это командир первого батальона просил огня, чтобы отстоять свой рубеж. Волынцев чувствовал, что его боевые товарищи очень нуждаются в связи. Как же быть? Он хорошо знал, как фашистские разведчики охотятся за связистом и хотят, видимо, взять его живым. Отстреливаясь, Волынцев взял оба конца провода в рот и зажал их зубами. Командир первого батальона получил возможность вызвать огонь по проводам, зажатым в зубах связиста. А гитлеровцы, потеряв в бою с Волынцевым шесть солдат, теперь боялись лезть к нему. Они залегли и открыли ответный огонь.

В перестрелке Волынцев был ранен, но не выпустил изо рта кабель.

Первый батальон с помощью артиллерии успешно отразил атаку врага. А тот, кто продолжал корректировать через Волынцева огонь, не знал, что связист истекал кровью. Последние силы оставляли его. Комсомолец Волынцев надеялся, что вот-вот подойдет помощь. И она подошла. Но когда к нему подбежали наши бойцы, он уже был мертв. А в крепко сжатых зубах его чернел кабель, по которому передавалась команда нашей артиллерии...

И. Сорокин,
Герой Советского Союза

ОСЕНЬЮ СОРОК ТРЕТЬЕГО...

Бой на мосту

Войскам Первого Украинского фронта, в состав которых входил и наш зенитно-артиллерийский полк, была поставлена задача — неотступно преследовать противника, на его плечах с ходу форсировать Днепр и продолжать его разгром, освобождение правобережной Украины и ее столицы г. Киева.

Успешно выполняя задачу по преследованию противника, мы с ходу захватили г. Яготин. Фашисты при отступлении взорвали большой мост. Саперные подразделения поспешно навели переправу-времянку рядом с разрушенным мостом. Наша батарея заняла огневую позицию в саду над обрывом недалеко от переправы. Во второй половине дня противник с целью задержки наших танковых и мотомеханизированных частей, стремительно продвигавшихся к Днепру и Киеву, бросил крупные силы авиации. На больших высотах действовали «хейнкели-111», на средних и малых — «юнкерсы». Но ничто уже не могло задержать нашего движения вперед.

Началась переправа танков. Когда передовой танковый батальон сосредоточился на правом берегу, нашей батарее был отдан приказ немедленно сняться, переправиться и сопровождать танки. С огневой позиции снимались по-орудийно. Переправившиеся расчеты немедленно занимали готовность к ведению огня.

И вот уже расчеты взвода лейтенанта Грудникова готовы к бою на правом берегу. К переправе подходит третье орудие второго взвода. С ним — командир взвода лейтенант Бурчик. Машину ведет опытный шофер ефрейтор Шеремет Автомобиль с орудием осторожно двигается по переправе-времянке. Но вдруг заднее колесо пушки провалилось в расшатавшийся настил.

Попытки Шеремета и всего расчета вытащить орудие с помощью машины привели к тому, что и автомобиль своим правым задним колесом тоже застрял в настиле. Саперы, обслуживающие переправу, помогли зенитчикам отцепить орудие и вытолкнуть автомашину вперед, на более надежное место. Не успел расчет вернуться к пушке, отвести боковые упоры, а затем вывесить ее на домкратах, чтобы подложить доски под провалившееся колесо, как с берега разведчик доложил: «Воздух!» Над рекой не летела, а словно плыла пара «фокке-вульфов». По приближающимся самолетам ни четвертое орудие, расположенное на основной огневой позиции, ни первый взвод, находившийся на правом берегу, стрелять не могли — не позволял угол укрытия.

Мы с напряжением следили за третьим расчетом. Трудно пришлось ему. Вдобавок, командир саперного подразделения скомандовал своим людям «в укрытие», и некоторые орудийные номера, не поняв в сутолоке, кто подал команду, ушли с саперами. У пушки остались командир взвода Бурчик, командир орудия сержант Сыромятников, наводчик рядовой Солоха и заряжающий Лукъянов. Самолеты противника приближались.

— По местам! — скомандовал лейтенант, сам встав за прицельного.

К орудию спешили водитель Шеремет и старший телефонист парторг батареи ефрейтор Орден. Они несли на себе по ящику снарядов. Шеремет занял место второго наводчика. Орден подавал обоймы. Орудие вело огонь прямой наводкой, непрерывные очереди трассирующих снарядов все плотнее охватывали правый «фок-

кер». И вот серия снарядов пронизала его мотор и кабину. Горящим факелом стервятник врезался в речку.

Это была большая победа — победа мужества, находчивости и отработанной взаимозаменяемости.

Неравный поединок

Противник с раннего утра бросил большие силы своей авиации против наших войск, подходивших к Днепру. В первой половине дня батарею дважды атаковали две группы по сорок-пятьдесят машин «Ю-87», пикировавших прямо на позиции. Орудийные расчеты вели ожесточенный огонь по пикировщикам. Песчаная пыль, поднятая снарядами и пулями с самолетов, мешала наводчикам вести прицельный огонь. Требовалось срочно переменить огневую позицию.

В перерыве между очередными налетами мы заняли новую позицию в четырехстах-пятистах метрах от старой. Заранее установили исходные данные на прицеле, ибо уже знали курс, скорость и угол пикирования самолетов противника. Как мы и предполагали, группа «Ю-87» атаковала нашу прежнюю позицию, которую мы оборудовали, как ложную. Батарея открыла интенсивный прицельный огонь по головному самолету. Лидер врезался в центр прежней огневой позиции. Вслед за ним был подожжен другой. Третья машина, оставляя шлейф густого дыма, развернулась к Днепру. Остальные самолеты, набирая скорость, ушли за Днепр.

Фашисты решили отомстить за сбитые самолеты и уничтожить нашу батарею. Километрах в четырех-пяти ниже по течению Днепра с заходом в нашу сторону на бреющем полете выскочила шестерка «мессершмиттов». В батарее были на исходе боеприпасы, менять огневую позицию уже поздно. Орудийные расчеты получили задачу: стрелять только короткими очередями и только в лоб.

При первой же атаке «мессеры», поливая нас свинцовым огнем, ранили трех человек, среди них — командир взвода лейтенант Грудников. Но никто не оставил своего боевого поста. Начался неравный поединок между тремя орудиями и шестью «Ме-110». Они с полным боекомплектом, мы — со считанными снарядами.

Самолеты противника делали один заход за другим. Снаряды на батарее кончились, мы уже вели только одиночный огонь. Воспользовавшись этим вражеские самолеты ринулись на батарею, стреляя из всего своего оружия. Они пролетали уже над огневой позицией, когда разведчик крикнул: «Горит!».

Это самолет был сбит третьим орудием, вовремя подоспевшим к нам на помощь. Не доезжая огневой позиции, оно остановилось в кустарнике. Командир взвода лейтенант Бурчик, оценив обстановку, приказал, не теряя времени, с колес открыть огонь.

Вечером этого же дня мы получили новую задачу: за ночь форсировать Днепр, и к утру быть готовыми к отражению самолетов противника.

* * *

6 ноября Киев был взят. Ликованию нашему, казалось, не было предела. Но битва еще не окончилась. Наша батарея получила задачу прикрыть понтонную переправу и строящийся деревянный мост через Днепр.

Однажды, после отражения очередного налета вражеской авиации, на переправу и строящийся мост, разведчик доложил: «К нам идет генерал». Я поспешил ему навстречу с рапортом.

Выслушав рапорт, генерал прошел в центр огневой позиции. Его сразу же окружили бойцы. Он похвалил зенитчиков за хорошую стрельбу. Оказывается, во время налета вражеской авиации он находился невдалеке от батареи и наблюдал за боем. Затем он поинтересовался, где и как воевала батарея раньше. Ему наперебой отвечали, что батарея воюет с Курской дуги, за это время она сбила около двадцати вражеских самолетов, все батарейцы награждены, а некоторые по нескольку раз. Командир батареи представлен к званию Героя Советского Союза.

Генерал тепло всех поздравил и предупредил, что впереди еще немало тяжелых боев.

— Причина ваших боевых успехов, — заметил генерал, — в том, что вы все — члены великой Ленинской партии и Ленинского комсомола, а ваша батарея — маленькая ячейка дружбы народов нашей великой страны.

Еще долго беседовал генерал с батарейцами, отвечал на многочисленные вопросы рядовых и командиров. Под конец, прощаясь с зенитчиками, он сказал:

— Больших ратных успехов вам, зенитчики. Больше уничтожайте фашистских стервятников!

И мы старались как можно лучше выполнить свой долг перед Родиной.

А. Ермолаев

ПОД ГВАРДЕЙСКИМ ЗНАМЕНЕМ

Майор Борисов окинул взглядом собравшихся в комнате призывников и начал свой рассказ.

— Когда я со своими товарищами-комсомольцами Карсунского и Вешкаймского районов в 1940 году призывался в армию, то едва ли кто из нас тогда думал о том, что уже через год нам придется на деле с оружием в руках выполнять слова присяги и отстаивать завоевания Октября.

Во время войны мне довелось служить под боевыми знаменами прославленной гвардейской стрелковой дивизии. Вместе со мной в этой дивизии служило много наших земляков-ульяновцев. Все они с достоинством носили звание гвардейцев и храбро сражались.

В конце сентября 1943 года наша дивизия вышла к Днепру юго-восточнее Кременчуга. Перед батальоном, которым я командовал, была поставлена задача форсировать реку одним из первых.

С наступлением темноты я со всеми командирами подразделений отправился на рекогносцировку. Мы подробно разведали местность, наметили места, где бу-

дет переправляться каждая рота, и выбрали к ним пути подхода. Для переправы подготовили спаренные бревна. Их готовят вот так (военком взял в руку два карандаша): соединяют вместе два бревна, а снизу прикрепляют скобы. И во время переправы плывешь, одной рукой держишься за скобу, а другой рукой гребешь.

Я отобрал двадцать бойцов-автоматчиков вместе с их командиром-сержантом Ильиным из Ульяновского Заволжья, взял своего верного спутника ординарца Алексея Юлосикова и в три часа ночи вот на таких спаренных бревнах мы поплыли через реку.

Переправились благополучно. Но только лишь мы с сержантом ступили на землю, как навстречу нам из-за кустов метнулись две темные фигуры. Немцы! «Видимо, боевое охранение», — пронеслось в голове. Решать нужно было мгновенно. Ведь если поднимется шум, то провалим всю операцию. Я бросился вперед. Удар ножом — и один из них свалился замертво. Другого сержант схватил за горло. Но этого солдата мы лишь обезвредили — от него удалось узнать важные для нас сведения о немецкой обороне.

Я приказал автоматчикам перебраться к гитлеровцам в тыл и ожидать моего сигнала. В это время вслед за нами уже переправлялся весь батальон. Однако противник скоро обнаружил нашу переправу и открыл сильный огонь. Но мы к этому были готовы. Переправа продолжалась под огнем. Большинство бойцов батальона уже имело опыт — им пришлось форсировать Дон и Северный Донец. Научились, как при переправе, на таких плотах укрываться от артиллерийского и пулеметного огня, ныряя во время очередного огневого налета под бревна. Кроме того, в батальоне, помимо ульяновцев, вообще было много волжан: куйбышевцев, саратовцев, которые хорошо плавали и уверенно держались на воде. Поэтому переправа прошла организованно и почти без потерь.

И вот весь батальон уже на правом берегу Днепра. Я пустил ракету. Это был условный сигнал автоматчикам, зашедшим противнику в тыл. По сигналу они внезапно открыли огонь и стали забрасывать вражескую траншею гранатами. А в это время я поднял батальон и повел его в атаку с фронта. Стремительным ударом

мы выбили противника из его траншей и захватили их. Теперь в наших руках уже был небольшой плацдарм. Но гитлеровцы оставались рядом. Они отошли лишь на вторую линию траншей и, приведя свои силы в порядок, стали контратаковать наш батальон.

Это был трудный день. Фашисты, очевидно, решили любой ценой очистить занятый нами плацдарм и сбросить батальон в Днепр.

Они обрушили на нас всю силу своего огня. С воздуха то и дело налетала авиация. Но гвардейцы держались мужественно, стойко отражая вражеские атаки.

После того как была отбита пятая атака, наступило затишье. Видимо, враг делал перегруппировку своих сил. Я предупредил бойцов и командиров, чтобы они не ослабляли бдительности, и выдвинул бронебойщиков на более удобные позиции. Это было не напрасно. Вскоре послышался рев моторов: теперь гитлеровцы шли на нас при поддержке танков.

Бой возобновился с прежней силой. Теперь напору вражеских бронированных чудовищ была противопоставлена железная стойкость и упорство наших бронебойщиков и артиллеристов батареи сорокапятимиллиметровых пушек. Подпустив гитлеровские танки на близкое расстояние, они открыли по ним свой губительный огонь.

Первая атака танков отбита! Но озверевший враг снова и снова наседал на нас. Вот убит командир одного из орудий, тяжело ранен наводчик. Тогда к орудию встал сам командир батареи. Каждый выстрел его «сорокапятки» попадал в цель. Он один уничтожил четыре вражеских машины.

До ночи мы отбили еще шесть атак. Все поле перед позициями батальона было завалено трупами фашистов. А между ними догорали девять подбитых и подожженных танков. Потеряв столько людей и техники, враг так и не смог поколебать стойкости наших бойцов. Но и в батальоне выбыло из строя ранеными и убитыми около четвертой части всего личного состава.

На вторую ночь к нам на помощь переправился батальон капитана Асташина. Наши силы удвоились. Теперь мы стали продвигаться вперед и расширять плацдарм. Завязался бой за овладение селом Мишурин Рог, лежащим на берегу Днепра.

На подступах к селу наше продвижение задерживал

фашистский крупнокалиберный пулемет. Он занимал удобную позицию на пригорке, а перед ним—ровное место. Едва бойцы выскочат вперед, — он косит и косит. Я выдвинулся к нему поближе с фланга и крикнул своему ординарцу Юлосикову, чтобы он отвлек внимание противника, а сам подполз к пулемету с тыла и бросил в него две гранаты. Вражеский пулемет замолк, и мы пошли в атаку.

В течение этого дня мы заняли село и прилегающую к нему местность. Этим была обеспечена возможность переправы частей и подразделений дивизии.

Впоследствии, когда дивизия уже действовала на Правобережье, она снова вышла к Днепру, у города Черкассы, имея задание выручить окруженные немецкими войсками авиадесантные части.

В районе Черкасс моему батальону опять пришлось первым форсировать Днепр. При этом обстановка сложилась еще более тяжелая, чем при первом форсировании, так как противник применил против нас все виды огня как с земли, так и с воздуха. Бой шел не на жизнь, а на смерть. И фашисты тогда хорошо изведали, как сказал поэт:

...Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!

А мне даже пришлось действовать и клинком, с которым я не расставался, и впоследствии подарил его на память одному артиллеристу. Здесь мы потеряли многих своих товарищей. Погиб мой друг старший лейтенант Поздняков, бывший моим заместителем, погибли командиры рот товарищи Реклицкий и Дойнеко и командир минометного взвода наш земляк карсунец Николай Матросов, а другой — младший лейтенант Ефимов из Вешкаймского района — получил тяжелое ранение. Все они сражались, не щадя сил и жизни.

Но, несмотря на все трудности и потери, батальон переправился на левый берег Днепра и соединился с отрезанными подразделениями авиадесантного полка. Задача, поставленная батальону, была выполнена.

Сам я во время боя получил ранение и контузию и попал в полевой госпиталь. И когда я лежал в госпитале, то бойцы моего батальона прислали мне много

писем с просьбой, чтобы я вновь возвратился к ним после выздоровления.

Тот, кто был на фронте, знает, какими близкими становятся люди, с которыми ты вместе плечом к плечу защищал Родину, вместе делил все тяжести и невзгоды. И поэтому я всей душой стремился опять попасть в свой батальон. Но, к сожалению, это не удалось, потому что потом меня эвакуировали в тыл, и я пролежал в госпитале несколько месяцев.

Товарищи с фронта мне писали тогда, что многие бойцы и офицеры дивизии, в том числе и наши земляки, за бои на Днепре были представлены к правительственным наградам. Кроме того, еще два ульяновца — командиры рот других полков нашей дивизии Шильдин и Соболевский, тоже стали Героями Советского Союза.

Вот так в годы Великой Отечественной войны вместе с миллионами других советских людей сражались представители старшего поколения ульяновцев.

На этом военком закончил свой рассказ.

* * *

Сейчас Герой Советского Союза Борис Степанович Борисов живет в гор. Барыше Ульяновской области. Находясь по состоянию здоровья в запасе, на пенсии, он ведет общественную работу, являясь председателем совета пенсионеров, председателем уличного комитета и общественным участковым уполномоченным милиции.

А. Макаров

РАЗВЕДЧИК ТЮРИН

Он совсем не похож на героя.

Высокий, худой, немного сутулый, медлительный в движениях и словах, он кажется каким-то очень уж домашним и даже робким. А черные кустистые брови, нависшие над голубыми, уже поблекшими глазами, очки в жестяной оправе с заушниками, обернутыми разноцветными тряпочками, делают его совсем дедом. Так и кажется, что вот сейчас вместо рассказа о суровых испытаниях войны он улыбнется и начнет: «В тридевятом царстве, в тридесятом государстве, жил был добрый молодец...».

Но человек не торопится рассказывать ни сказку, ни быль. Он сидит передо мной и нет-нет да приложит руку к сердцу. Незаметно. Зачем всем показывать, что оно у него болит.

— Не умею я из одного слова делать два, — наконец, говорит он и опять долго молчит, собираясь с мыслями, припоминая.

— ...Однажды пошли мы в разведку.

— Вы разведчик?

— Сначала я попал стрелком в пехоту. Под Пензу.

Потом долго стояли под Воронежем. В обороне. Тут меня ранило...

Пенза, Воронеж, Сумы, Киев... — этапы большого пути. И с каждым связано что-то значительное, что не только врезается в память одного человека, а влияет на судьбы десятков и сотен людей.

Когда Константин Михайлович Тюрин, подлечив раненую руку, вернулся из госпиталя, он подал рапорт о зачислении его в разведку.

— Почему вам хочется в разведку? — спросил его командир подразделения.

-- Там боевее. А то сиди, жди бомбы.

— Предупреждаем, там опасно. Разведка — это постоянный риск, неожиданности. У разведчика должны быть железные нервы, слух кошки, зрение...

— Знаю, — коротко бросил солдат. — Потому и прошусь...

Среди «зеленой молодежи» призывного возраста Тюрин, человек, которому уже было под сорок, казался стариком, неуклюжим, неловким, медлительным. Но мало кто мог так бесшумно и незаметно подползти к самому расположению противника, часами неподвижно сидеть где-нибудь на дереве, наблюдая за действиями врага, безошибочно в темную ночь выйти в назначенное место.

— ...Однажды пошли мы в разведку, — возобновил рассказ Константин Михайлович. Рассказ этот был непоследовательным, с частыми перерывами. Иногда рассказчик, вспомнив какую-то деталь, возвращался назад, кружил вокруг нее, и она снежным комом разрасталась до размеров главного, а главное... А впрочем, что в бою главное и что не главное? — Шли тогда вдоль лесной опушки. Справа от дороги — рожь, уже спелая, золотая, роняющая зерна. Сзади остался домик лесника. Засели в кустарнике. Командир взвода, старшина Николай Иванович зачем-то полез на дерево. Посидел. В бинокль посмотрел вокруг. Все так просто, обычно. Вот уже разведчики возвращаются назад. И вдруг... (В разведке часто бывает это «вдруг»).

Вдруг навстречу шесть немцев. Идут из леса, приближаются к садику лесника. Разведчики попадали в траву, поползли к стене глухой акации.

— Интересно, что вы тогда ощущали?

— Ничего не ощущал.

— Ну как же. Запах акации, наверное...

— Скорее пóтом пахло, да зло все перешибало. Идут, сукины дети, по нашей земле, как по своей. Во весь рост. А хозяева прячутся...

Доползли разведчики до акации. Обдирая руки о колючки, осторожно раздвинули кусты. Фашисты — вот они, совсем рядом. Командир разрешающе кивнул головой. Застрочили автоматы. Трое гитлеровцев сразу с ног долой, один, прихрамывая, подался в лес, двое в рожь кинулись.

Тюрин — им наперерез. Без команды. По приказу сердца. И оно же чуть не подвело. До ржи оставалось несколько шагов, когда фрицы начали его опережать. «Неужели уйдут?» — с тревогой подумал разведчик и прибавил ходу.

Один фриц уже юркнул в рожь. Так он потом и затерялся в ней. Ну, а другой не успел...

Что же главное в этом рассказе? Три убитых бандита или один, оставшийся в живых, дополнивший сведения разведки, уточнивший данные о расположении огневых точек противника?

Может, это он помог батальону на следующий день взломать оборону фашистов и продвинуться вперед.

Нет, самое главное было не в количестве фашистов, убитых или взятых в плен. Самое главное было в той силе, которая заставила Константина Тюрина без приказа, пренебрегая опасностью, ринуться навстречу двум вооруженным до зубов фашистам. Тюрин не считал врагов, когда надо было выполнить приказ сердца, наполненного гневом к захватчикам и любовью к Родине. Их в каждом отдельном случае могло быть больше или меньше. В бою, например, последовавшем за этой разведкой, от его руки полегло не менее двух десятков гитлеровцев. Главное было в постоянной готовности Тюрина и таких, как он, идти в бой и, побеждая страх, побеждать сильного и жестокого врага.

— Так вот и жили от разведки до боя, — закончил свой рассказ Константин Михайлович, снова приложив руку к сердцу. Казалось, что он долго и быстро бежал, только что догнал фашиста и вот сейчас рассказывает, как все это произошло.

— А то вот еще раз... — снова вспоминает развед-

чик. Но трудно из этих рассказов узнать что-либо о самом рассказчике. Как-то все получалось так, что действовали больше другие, а он вроде стоял в сторонке и наблюдал.

— ...Подошли к городу ночью. Недалеко от Сум. Утром город взяли. Вот тут и ранили нашего Николая Ивановича. Хороший был человек...

И начинается рассказ о Николае Ивановиче с подробностями, с деталями. Из этого рассказа я узнал, что командир взвода разведки был высоким, с огненно-рыжей головой, а самое главное — храбрым и работящим, что он когда-то был летчиком, что его сбили и он попал в окружение, но потом, проявляя чудеса героизма, как говорят в приключенческих романах, выбрался из окружения, и его потом назначили командиром взвода батальонной разведки.

Обо всем этом можно было бы не говорить, но все эти факты взаимосвязаны. Николай Иванович дорог Тюрину, потому что он принял его в разведку, наблюдал за ним, чаще других брал его с собой «на дело», из землекопа превратил в разведчика.

...Уже пламенел сентябрь, а может, и октябрь. На реках звенели закраины. Стрелковый полк, в котором служил Тюрин, расположился на берегу Днепра против Вышгорода. Вдали на солнце тускло мерцали главы киевских монастырей. А может, это только казалось. Да, скорее всего казалось, потому что до Киева было еще более десяти километров.

Вот в один из таких ясных осенних дней, командир батальона вызвал к себе Тюрина и приказал ему вместе со своими людьми переправиться на другой берег и разведать систему обороны противника в районе.

Нет необходимости рассказывать, как бродил Константин Михайлович по песчаным берегам Днепра в поисках лодок. Наконец-то он нашел одну затопленную. Поднял ее. Прибуксировал старый, довольно вместительный дощаник, да товарищи раздобыли где-то пару лодок. А между тем время перевалило за полдень.

...В первую лодку село пятеро. Прихватили с собой ручной пулемет, несколько десятков гранат, но вокруг было так тихо и спокойно, что все это казалось лишним.

В борт плескались волны. Их упругие касания чувствовались сквозь тонкие, до звона просушенные стенки,

Почему-то до сих пор помнится слезящийся смолой сучок. Скрипели уключины. С весел, рывком вынимаемых из воды, падали крупные розовые капли.

Сколько прошло времени? Может, всего несколько секунд. Но и за эти несколько секунд он вспомнил зелено-голубые дали Заволжья, повитые тонким туманом, широкую пойму с разбросанными по ней небольшими озерцами и полями, которые, словно голубые очи, смотрели на него и звали его в родные места. А над всем этим опрокинулось голубое бездонное небо, окрасившее собой Волгу до самого дна...

И вдруг раскололось небо, поднялся на дыбы Днепр. Столбы стеклянных осколков взметнулись вверх. Тюрин оглянулся. Второй лодки, добравшейся уже почти до середины реки, не было. На воде бились с волнами два солдата, и плавала чья-то пилотка. Третья лодка, только что отчалившая от берега, поспешно вернулась назад.

Теперь разведчиков было пятеро. Плыть назад сквозь смерч огня и воды было бы безумием. Впереди неизвестный враг, но там берег, родная земля, и она уже вот, рядом.

— Давай, ребята, нажми! — просто, не повышая голоса, не приказал, а скорее попросил Тюрин. Вдруг справа взорвался Днепр и отшвырнул лодку в сторону. Она чуть-чуть не перевернулась, но слева по борту ударил такой же взрыв воды, и лодка, перепрыгнув через кипящий гребень волны, уткнулась носом в песок. Разведчики выпрыгнули на берег и бросились к кустам ивняка. Лодка, покачиваясь на волнах, словно раскланиваясь на прощание, нехотя отдалялась от берега. Теперь прервалась последняя связь с тем берегом, со своими. Разведчики очутились лицом к лицу с коварным врагом.

Они огляделись. Пологий берег оторочен желтой кромкой песка. Чуть подальше от воды пробивалась редкая травка, кучились паутины кустов. За грядой ивняка протекал ручеек, как бы отделявший пологий берег от довольно крутой возвышенности, на которой засели немцы. «Вот пробраться бы к нему, — соображал Константин Михайлович. — Там бы мы были, пожалуй, в мертвом пространстве».

Но команды он дать не успел. Появились фашисты и начали палить по кустам, вслепую. Они не знали, где засели разведчики. Да еще лодка, которую течением

снесло вниз, сбивала их с толку. Тюрин и его группа пока молчали, чтобы не выдать себя.

Гитлеровцы подходили все ближе. Они шли осторожно, как бы ощупывая землю, словно боясь, что она провалится под их ногами. «Теперь, пожалуй, можно», — подумал Тюрин, примериваясь к долговязому немцу, очки которого вспыхивали на вечереющем солнце.

— Попробуем, ребята, — сказал Тюрин, поправил пилотку и дал короткую очередь из автомата. Почти одновременно справа и слева застрочили автоматы товарищей. Очки немца погасли. Фрицы куда-то исчезли.

Наступила тишина напряженная, тревожная. Густели и удлинялись тени. «А вдруг они сзади», — подумал Константин Михайлович и поежился, но не оглянулся — постеснялся товарищей.

Неожиданно снова забормотал невидимый ручей, притихнувший было во время перестрелки, в кустах зацвинькала синица. Эти два мирных звука отодвинули тревогу, как бы перечеркнули ее. Правда, он до боли в глазах смотрел вперед, где только что маячили немцы, прислушивался к каждому шороху, к редкому отдаленному грому выстрелов и взрывов, но где-то за этим грохотом настойчиво тинькала бесстрашная пичуга: помолчит-помолчит и снова проколет вздрагивающий гул.

И вдруг Константин Михайлович ясно увидел ее, эту маленькую шуструю птичку, только не ту, что сейчас прыгала в кустах на берегу Днепра, а ту, домашнюю, которую его сынишка Генка поймал в прошлом году.

«...А почему ее зовут синицей, когда она зеленая?» — приставал Генка. — «Наверное, уж большой вымахал?— мелькали обрывки мыслей у Константина Михайловича. — Конечно, большой, коли на завод просится».

...Когда Тюрин уходил на фронт, Генка в пятом классе был. А теперь вот, жена пишет, в слесари хочет идти.

Сам Константин Михайлович двух классов не окончил. Семьища у отца была девять человек. Зарабатывали каменщики раньше мало. Какая уж тут учеба! Думал, хоть сын грамотным станет. Ан нет, война. Фашисты все планы перепутали...

— Опять встали, — указал Тюрин на спускающихся с горы гитлеровцев. — Клади их, паразитов! — И в голосе этого большого и доброго человека прозвучал настоящий гнев.

Немцы снова залегли. Уже темнело. На небе кое-где проклюнулись холодные, но яркие звезды. Подмораживало. Разведчики, обнимая автоматы, дышали на руки, зорко следя за противником.

Шесть раз поднимались в атаку немцы, шесть раз пришивали их к земле «тюринцы». Двоих из них ранило. Расстояние между противником все сокращалось. Но, знать, крепко любил Тюрин и его побратимы советскую землю, чтобы отдать ее без боя.

Так они продержались до «большого огня», под прикрытием которого ночью началась «большая переправа».

Не в одном еще сражении участвовал Константин Тюрин. Не мало фашистов полегло от его руки во время двухнедельной осады Вышгорода. В лесу под Киевом небольшая группа разведчиков под командованием Тюрина перебила не менее 20 фашистов, двоих, в том числе и их командира, взяла в плен. Под Остравой Моравской еще одну рану получил смелый и умный разведчик...

Всего этого нельзы забыть. Но есть события, которые врезаются не только в память одного человека, а влияют на судьбы десятков и сотен людей. Таким событием была переправа через Днепр двадцать лет тому назад. Не думал тогда Константин Михайлович, человек с берегов Волги, что одна из звезд над Днепром, Золотой звездой героя загорится на его груди.

В. Радыльчук, П. Слесарев

В ОСАЖДЕННОМ ТАНКЕ

Голубой «линией обороны», второй «линией зигфрида» называли гитлеровцы Днепр. За ним немецкое командование намеревалось перегруппировать свои сильно потрепанные войска, пополнить их свежими частями и весной начать новое наступление.

Этим надеждам не суждено было сбыться. Советские механизированные соединения на плечах немцев подошли в ряде мест к Днепру. И не только подошли, но и с хода сумели форсировать его в нескольких местах, закрепившись на небольших плацдармах, которым гитлеровцы не придавали вначале серьезного значения.

На одном из таких плацдармов в районе Малый Букрин бесстрашно сражался и наш земляк старший сержант, механик-водитель Николай Князькин. Он родился в селе Старые Алгаши Ульяновского района. После двух лет работы шофером в колхозе «Труд» Князькин в 1939 году был призван в Красную Армию и, окончив танковую школу, обучал молодых танкистов вождению грозных боевых машин. Но ему не терпелось самому принять участие в разгроме ненавистного врага.

И он добился своего...

...Не раз танк, которым управлял Князькин, наносил немцам тяжелый урон. Нередко, удачно маневрируя, он заходил в тыл вражеским артиллеристам и гусеницами сминал их орудия.

Однажды перед танкистами была поставлена сложная задача: прорвать укрепление врага, выйти в его тыл, обеспечить свободу действий нашей пехоте по расширению Букринского плацдарма.

Когда в небо взвились красные ракеты, советские танки ринулись вперед. Припав глазами к зеленоватому триплексу, Князькин на большой скорости вел свою машину. Чтобы обезопасить экипаж от прямого попадания немецкого снаряда, он то и дело менял курс.

Сбоку, по курсу, Николай Князькин увидел противотанковое орудие. Оно вело беглый огонь по нашим танкам, наступавшим в лоб. Некоторые из них уже были подбиты. Механик-водитель доложил об обнаруженной им опасной цели.

— Подойти к нему поближе, — приказал командир танка.

Местность благоприятствовала обходному маневру. Князькин, маскируя машину за кустами, незаметно подходил все ближе и ближе к орудию немцев. Когда до него оставалось полкилометра, командир танка открыл по нему пушечный огонь. Два снаряда разорвались вблизи. Прислуга в панике разбежалась в стороны.

Но, увидев, что на них движется лишь один советский танк, немцы снова бросились к орудию.

— Шалишь, опоздали малость, — прошептал Князькин.

Он включил передачу и быстро устремился вперед. Фашисты не успели развернуть орудие, как грозная машина навалилась на него своими гусеницами и вдавила в землю. Таким же путем было уничтожено и второе орудие врага.

Но вот советский танк был замечен с позиций других немецких артиллеристов. Они открыли по нему массированный огонь.

Справа и слева вздымались фонтаны земли и дыма. Один из снарядов разорвался так близко, что повредил гусеницу. Машина, сделав по инерции оборот вокруг оси, встала.

— Перебита гусеница, — доложил командиру танка Николай Князькин.

— Осмотреть и, если возможно, восстановить! — приказал командир машины.

Механик-водитель быстро юркнул в открытый лобовой люк. Понадобилось несколько секунд, чтобы оценить обстановку: гусеницу можно было восстановить.

— Действуйте! — бросил командир танка Князькину и членам экипажа, а сам, стреляя из орудия, стал подавлять ближайшие огневые точки врага.

Нелегко было работать танкистам. Вокруг с воем и свистом рвались мины. Некоторые бойцы уже получили ранения, но, пренебрегая опасностью, продолжали свое дело. Вот гусеница уже натянута на катки. С трудом удалось отсоединить изуродованный трак от соседних и заменить его новым.

Члены экипажа один за другим нырнули в люк, последним Николай Князькин. Он нажал на стартер. Мотор послушно дал обороты, заработал.

— Теперь держитесь! — произнес механик-водитель и включил передачу. Танк помчался вперед, круша на пути все препятствия. Было уничтожено еще несколько пулеметов и минометов, раздавлен блиндаж вместе с засевшими в нем гитлеровцами.

И тут произошло более страшное и непоправимое. Прямым попаданием в башню были убиты все члены экипажа, за исключением водителя, и выведены из строя орудие и мотор. Сильно контуженный Николай Князькин лихорадочно пытался завести двигатель, но напрасно.

Князькин осмотрел пулемет. Он был в исправности.

Водитель окинул поле боя взглядом и увидел тут и там немецких автоматчиков. Они приближались к подбитому танку короткими перебежками. Прицелившись, Князькин дал первую очередь по ближайшей группе немцев. Заметил, что двое упали, навсегда пригвожденные к земле.

— Это вам за моих товарищей, — крикнул Князькин.

А силы были слишком неравными. Заметив, что танк неподвижен и его орудие молчит, фашисты осмелели еще больше. Они стали приближаться к танку с тыла.

— Не выйдет, — процедил сквозь зубы Князькин.

Он вынул пулемет из гнезда и перенес в башню. Так, переходя с места на место, Князькин отбивал все попытки немцев приблизиться к танку.

Около двенадцати часов длился этот неравный бой. Все реже и реже стрелял пулемет: механик-водитель экономил патроны.

А вскоре его пулемет совсем замолк. Фашисты подползли вплотную к танку и забросали гранатами. Мы не знаем точно, от чего погиб Князькин: от пули или гранаты, но он своей кровью написал на броне танка:

«Умираю, но не сдаюсь. Князькин».

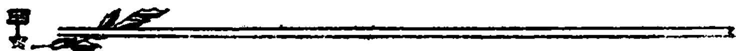
Когда на поле боя появились наши танкисты, они увидели танк с развороченной снарядом башней, мертвый экипаж и более 40 гитлеровцев, валявшихся вокруг.

* * *

Над Днепром, близ Киева, у братской могилы горит вечный огонь, зажженный в честь воинов, павших в боях за Советскую Родину при освобождении столицы Украины.

Одним из них был сын чувашского народа, бесстрашный танкист, Герой Советского Союза Николай Князькин.

Г. Демин, А. Муромцев

ПО-ЧАПАЕВСКИ...

Стальная лента рельсов. По восточную сторону насыпи русские, по западную — немцы... Так трудным летом сорок второго года в верховьях Дона условное понятие линии фронта стало вдруг понятием самым конкретным: стальная лента рельсов.

Перестрелки, атаки, контратаки.

Но вот непонятное затишье. Сумерки заползли в окопы. Это просто временная передышка. Вряд ли вся ночь будет спокойной.

И верно: через десять минут тишину оборвала автоматная очередь. Солдаты устремили взгляды на насыпь. В сумерках разглядели: три старика и две женщины перебегали через железнодорожное полотно. У молодой женщины на руках маленький ребенок.

За окопами немцев стояла деревенька. Под покровом надвигающейся ночи смельчаки решили перебежать с вражеской стороны к своим. Они убегали от смерти. Но они поторопились. Ночь еще не вступила в свои права. Их быстро обнаружили. Еще одна пулеметная очередь... и пули настигли убегающих. Пять безмолвных трупов упало на холодные рельсы.

Вскоре началась обычная перестрелка: сначала ружейная и пулеметная, затем заухали минометы и, наконец, загрохотала, забасила артиллерия — наша и вражеская.

И вдруг — по окопам и дальше — по телефону к артиллеристам донеслось тревожное: «На насыпи живой ребенок!.. Прекратить огонь!».

Командир роты старший лейтенант Васин приказал немедленно прекратить огонь.

То, что увидели солдаты, заставило их крепче вцепиться в цевья своих винтовок.

Около темневших трупов, на самом перевале насыпи, стоял трехлетний всклокоченный мальчишка в белой рубашонке. Он стоял и тер кулачками свои глаза. Видимо, плакал.

Немцы продолжали вести огонь.

Из русских окопов неожиданно для всех выпрыгнул молодой офицер. Поднявшись во весь рост, он без оружия и без каски быстрым твердым шагом, не пригибаясь, пошел к мальчонке. Тот увидел его и сделал шаг навстречу.

Солдаты замерли.

Офицер подошел к ребенку, вытер ему рубашонкой слезы со щек, поднял на руки.

Неизвестно, что за чувство шевельнулось в гаденьких душонках фашистов — то ли дали о себе знать остатки человечности, то ли пробудился суеверный страх перед могучим советским духом. Но они прекратили стрельбу. По-над Доном стояла жуткая напряженная тишина. Из окопов, щелей, блиндажей, с наблюдательных пунктов солдаты и офицеры по обе стороны этой неимоверно узкой линии фронта с напряженным вниманием следили за ребенком и его спасителем. А они шли, открытые всем смертям, под жерлами сотен пушек, пулеметов и автоматов. Шаг офицера был по-прежнему твердым и мужественным. Так он дошел до окопов и передал успокоившегося мальчишку старшине роты.

Несмотря на молодость, офицер был знаком с жестокостью и безжалостностью фашистов: это был не первый и не десятый его бой.

Во фронтовой биографии Василия Васина подобных боевых героических эпизодов было немало.

Но самый яркий из них относится к концу сорок

третьего года, когда наши войска в кровопролитных боях отвоевывали у врага правобережную Украину и древний Киев.

* * *

В детстве часто случалось так. И отец и мать уходили в страду работать в поле. А дом Васиных стоит около пруда. Беспокоится мать за детей. Строго-настрого наказывает она десятилетнему Васе следить за сестрой и младшим братишкой. Вася не очень-то рад: роль няни его никак не устраивает. Он влюблен в книжки. А разве дадут спокойно почитать назойливые и юркие малыши? С них в самом деле нельзя глаз спускать...

«Что же делать?» — думает Вася. И вдруг его взгляд падает на бельевую веревку. Выход найден. Одним концом он привязывает за ногу брата, другим — сестренку. А середину веревки привязывает к дверке сарая. Малыши довольны: смеются, прыгают. Еще больше доволен Вася. Он садится на облитое солнцем крыльцо и погружается в книгу. И вот он уже в другом мире. Вместе с лихими чапаевцами он громит самоуверенных белочехов. Их стройные вначале ряды рассыпаются. Барабанная дробь смолкает... А вот они уже и повернули вспять. Психическая атака не удалась! Чапаевцев нельзя напугать, если даже послать на них полк длиннорогих чертей из всех страшных русских сказок!..

Отныне Чапаев — любимый Васин герой. Часто видели Васю и в школе, и на улице в толпе мальчишек, внимающих его азартному, энергичному рассказу. В глазах мальчишек восхищение и чуточку недоверия, в глазах Васи — огонь. Сколько ни читай и ни рассказывай о Чапаеве — все равно не перестанешь удивляться его подвигам!

— Хоть бы чуточку быть, как он! — вырывается у Васи.

* * *

Немцы отступали по всем фронтам, объясняя это позорное бегство «особыми стратегическими соображениями». Никаких «соображений» не было. Было просто — бегство. Правда, с яростными попытками задержаться, укрепиться где-либо.

Конец сентября 1943 года. Позади многие километры военных дорог, сотни жестоких боев. И вот он — долгожданный Днепр. На левом его берегу не осталось ни одного живого фашиста.

Но крутые берега Правобережья немцы превратили в крепость без стен. Здесь-то и надеялись они укрепиться, а со временем снова двинуться на восток.

Но к Днепру шли и шли наши танки, наша артиллерия, шла и ехала наша пехота, летели и летели наши самолеты. Солдатские ноги чувствовали пугливую дрожь земли. От взрывов дрожала дорога, дрожали холмы...

От Курской дуги с беспрерывными боями вел свою стрелковую роту молодой командир Васин.

В приднепровской обезлюдевшей деревушке рота окопалась. Впереди — водная гладь. За Днепром — крутой берег и высота 142,4. Это — вражеский бастион на подступах к Киеву.

Остановка перед Днепром должна была быть непродолжительной. А предстояло решить сложную задачу — форсировать большой водный рубеж. Решение же этой задачи осложнялось еще и тем, что переправочных средств в роте никаких не было.

Командир роты старший лейтенант Васин назначает команду для поисков оборудования подручных переправочных средств. Найдены четыре рыбацких лодки. Нашлись и весла. Зашпаклеваны дыры. Лодки спущены на воду. Рота ожидает сигнала к форсированию. И вот, наконец, настал долгожданный час.

Ночью на береговые укрепления врага, в километре правее роты, обрушился огненный шквал нашей артиллерии. В небо взвились сигнальные ракеты. И тут же над Днепром повисли немецкие осветительные ракеты.

Форсирование Днепра началось!

Течением реки лодки сносит влево. Приходится беспрерывно отливать воду из лодок.

Заметит враг или не заметит?

Лодки уже перевалили за середину реки. Может быть, хитрый враг сознательно подпускает ближе к берегу? «Редкая птица долетит до середины Днепра...» — вспомнил кто-то. Конечно, Гоголь здорово преувеличил. Но вот в такой ситуации Днепр действительно кажется безбрежным морем.

Скорее, скорее!..

Над серединой реки повисла еще одна яркая ракета. Но уже поздно! Лодки тихо ткнулись носами в берег.

Быстрая выгрузка — и бесшумное карабканье наверх. По цепи передается команда: занять круговую оборону. Бойцы стали спешно окапываться. А командир роты Васин, оставив за себя командира взвода, с гребцами поплыл уже назад — за очередной группой своих солдат. Удачно окончился и второй рейс. Но когда стала переправляться третья группа, утренняя заря помогла немцам обнаружить переправу. Гитлеровцы открыли огонь по последней лодке, которая была еще всего-навсего на середине реки. С каждой секундой огонь все усиливался. Ранило Зайцева и Тараненко.

Казалось, положение безвыходное. Но в лодке был командир Васин, и солдаты не теряли духа. Они верили в его находчивость.

— Работайте только правым веслом! Теперь — навались!

Лодка по течению быстро отошла на несколько десятков метров в сторону и оказалась как бы под прикрытием высокого обрыва на правом берегу. И хотя до него было еще далеко, но ружейно-пулеметный огонь, направленный в отважных гребцов, вгрызался в гребень этого обрыва. За ним образовалось своеобразное мертвое пространство, недосягаемое для пуль.

Скоро вражеский огонь благодаря находчивости командира стал безопасен.

Озверевшие немцы обрушили весь огонь на окопавшихся на плацдарме солдат. Пули и осколки измочалили стволы березок, что стояли на взгорье. А солдаты с подоспевшим к ним командиром медленно, но упорно продвигались вперед. Фашисты были бессильны опрокинуть их в реку...

В наградном листе командир полка писал: «Старший лейтенант Васин, командуя стрелковой ротой в боях за овладение правым берегом Днепра, проявил мужество и героизм. 12 октября 1943 г. противник несколько раз пытался возвратить утерянную им высоту 142,4, бросил для этого крупные силы пехоты с танками и авиацией.

В этом неравном бою, отбивая четыре контратаки противника, старший лейтенант Васин был дважды ра-

нен, и, оставшись с группой бойцов в 10 человек, поле боя не покидал.

Сознавая серьезность создавшегося положения, лично повел бойцов в атаку против превосходящих сил врага, отбросил его на прежний рубеж и уничтожил при этом девяносто гитлеровцев.

Достоин высшей правительственной награды — звания Героя Советского Союза».

...Шли упорные бои на подступах к Киеву. Одной из первых на плечах противника ворвалась в город рота Васина, его солдаты Бобров и Бугаенко водрузили красный флаг на Доме Советов.

А спустя год, Васин воевал на полях Венгрии. Он тогда был заместителем командира батальона. Перед самым началом боя связь с одной из рот оказалась нарушенной. Как же передать роте последние указания комбата? До начала наступления оставались считанные минуты. И Васин, не взирая на сильный минометный огонь, бросился бегом к месту расположения роты... Вот уже близко окопы. Но бегущий офицер — слишком хорошая мишень. Разрыв мины! Десятки осколков впились в тело... В тяжелом состоянии Васина доставили в госпиталь. А дальше — годы затянувшегося лечения. Осколок, засевший в голове, извлечь так и не удалось. 18 июля 1949 года славного сына нашей Родины не стало. Но его светлая память жива в народе. Заботливо оберегают пионеры и комсомольцы могилу героя. Одна из улиц поселка имени В. И. Ленина носит имя Васина.

В. Румянцев

ПРОРЫВ

Артподготовка началась на рассвете. Грозно заговорили тяжелые гаубицы, и фонтаны огня взметнулись на вражеских позициях; с оглушительным визгом понеслись снаряды прославленных гвардейских минометов, зачастили зенитки-скорострелки... Плотность огня была такова, что, когда танковый взвод лейтенанта Старостина первым вошел в прорыв, догоняя передвинувшийся в глубь вражеской обороны огневой вал, передний край напоминал глубоко вспаханное поле.

...Вставало ясное солнце. День обещал быть погожим. Дмитрий Старостин, прильнув к окуляру перископа, сосредоточенно всматривался вперед. Молодого двадцатилетнего лейтенанта радовало все: и хорошая погода, и удачный прорыв, и то, что ему поручили ответственное задание — идти в головной заставе всей группы, и то, что уже на запад от Киева ведет он свою боевую «тридцатьчетверку».

В Киеве еще грохотали разрывы. На подступах к городу яростно трещали пулеметы и автоматы. Атаки сменялись контратаками... Хотя и огрызался враг, но уже

понимал, что город ему не удержать. Противник начал отступление...

Накануне танкисты полковника Якубовского оседлали шоссе и железную дорогу на Житомир. А сегодня они, усиленные еще одной танковой бригадой, шли на Фастов — железнодорожный узел, важный стратегический объект юго-западнее Киева, чтобы отрезать еще один путь отступления врага.

Серая лента шоссе то взбиралась на пологие холмы, то сбегала в широкую лощину. Головная машина, выскочив на очередной холм, заметила вражескую колонну — сотни полторы пехотинцев. Просигналив остальным двум танкам «увеличить скорость», командир взвода стремительно ринулся на противника. Прежде чем оторопевшие немцы поняли, в чем дело, многие из них уже были уничтожены огнем пулеметов и пушек, смяты гусеницами. Солдаты бросились с дороги в неубранную кукурузу, но и там их настигли развернувшиеся танки.

Старостин сообщил об этом полковнику.

— Хорошо, — сказал тот, — но не отвлекайся на мелочи. Вперед, и помни: главное — Фастов!

Старостин помнил. Еще с вечера, узнав, что пойдет в головную походную заставу, он тщательно изучил карту и теперь вел взвод, словно по знакомой дороге, заранее предвидя, где может быть засада.

«Вот за этим крутым бугром — лесок, — думал танкист. — Нужно остерегаться».

И действительно, едва танк поднялся на взлобок, как перед ним взрыли землю два бронебойных снаряда, слева разорвался фугасный. Машина быстро скатилась назад в лощину.

Старостин связался с основными силами и получил приказ: «Беспокоить противника на прежнем направлении». Пока его три танка, то появляясь над холмом, то прячась, отвлекали внимание, два батальона растеклись по лощине влево и вправо. Охватив лес полукольцом, танки стремительно обрушились на вражеские позиции с двух сторон. Батареи были смяты, враг бежал. Головные танки (опять же взвод Старостина) на плечах противника ворвались в небольшое селение, находившееся сразу за лесом. С ходу врезались они в хвост враже-

ской колонны. Повозки, автомашины и бронетранспортеры забили всю широкую улицу села.

Огнем из пушек, гусеницами, тяжестью танка крушили все попадавшееся на пути. Но пройти по «трупам» этой техники было трудно. Взвод свернул в боковую улочку, обогнув село справа, смял голову колонны противника, закупорил выход из села. Бросая технику, разбегались солдаты.

Оставив недобитых основным силам, взвод Старостина снова устремился вперед.

Внимательность — самое главное качество, необходимое в разведке или дозоре. Зазевайся чуть-чуть танкисты — и внезапная атака с воздуха погубила бы их. Но командир взвода вовремя заметил фашистских стервятников, шедших на восток. Более двадцати пикирующих бомбардировщиков «юнкерс-88» шли, по-видимому, к Днепру. Но, заметив советские танки, половина из них изменила курс. Старостин просигналил «воздух», сообщил по радио полковнику и открыл люк. Высунулись из башен и командиры двух других машин, сошедших с шоссе влево и вправо. Танкисты не сводили глаз с самолетов. Вот ведущий, помахав крыльями («делай, как я!»), спикировал на среднюю машину. С раскосыми крыльями, с неубирающимися шасси, он в самом деле был похож на хищную птицу. Старостин прикинул — перелет — и, пригнувшись, скомандовал: «Стой!» Впереди грохнул взрыв.

— Вперед! — и танк рванулся прямо в облако пыли и дыма. От следующей бомбы увернулись, прибавив газу; осколки застучали по броне сзади. Враг изменил тактику: открыл огонь из пушек. Пришлось закрыть люки и, то и дело меняя скорость и направление, увертываться от налетавших врагов. Но вот самолеты ушли догонять своих. Все три танка были целы. Правда, вытекло горючее из пробитых осколками запасных баков, у командирской машины оказалась слегка поврежденной трансмиссия. Но самое неприятное — взвод лишился радиосвязи.

Назначив машину лейтенанта Боровкова связной, Старостин продолжал продвигаться дальше. На полпути между Киевом и Фастовом лежит большое село Плисецкое. В него-то вскоре и ворвался танковый взвод. Здесь тоже улицы были забиты большой колонной машин и по-

возок. Старостин повторил свой маневр: оставив Боровкова подстегивать фрицев с хвоста, он со второй машиной зашел с фланга. И снова, побросав технику, немцы бежали. Они скопились в ближнем лесу и открыли огонь из автоматов. Атаковать их было рано: не выяснено, есть ли там орудия. Да и машина Боровкова где-то задержалась. Ага! Вот и она!

Танк остановился за крайней хатой. Из башни выскочил заряжающий, подбежал.

— Товарищ лейтенант! Лейтенант Боровков ранен! Открыл люк, выглянул, а его из автомата... кровь из горла хлещет.

— Вынесите его из машины. Остаешься за него!

— Есть!

Залитого кровью Боровкова внесли в хату. Перевязали. Поручили хозяйке не отходить от раненого.

Оставив машины в балочке, за домами, Старостин один выполз с биноклем на бугор. Ему удалось засечь несколько огневых точек, и, когда его вызвали к полковнику, он уже имел приблизительное представление о силах противника.

Командир группы, учитывая слабость вражеских позиций и дорожа временем, приказал ударить по лесу в лоб. Расчет был правильным. Грозная лавина могучих машин, широким фронтом ринувшаяся на врага, сразу же деморализовала его. Бой был коротким. Враги еще бежали беспорядочно, врассыпную в глубь леса, а танки Старостина уже вышли на юго-западную опушку.

Не сразу понял командир взвода увиденную картину: по шоссе медленно уходила большая колонна пехоты. Но почему они идут так нестройно? Почему не сверкают на солнце стальные каски, нет оружия? И что это за верховые, едущие по бокам? Когда он понял, в чем дело, всадники уже во всю прыть улепетывали, бешено настегивая коней. По конникам ударили из пулеметов; вот забилась на земле лошадь, там всадник уже волочится головой по земле — нога застряла в стремени. А люди, столпившиеся на шоссе, бегом кинулись навстречу танкам. Старостин не ошибся: это были пленные советские бойцы. Их угоняли на запад. Изможденные, в лохмотьях, люди лезли на броню, обнимали танкистов, плакали от радости.

— Там, за лесом, наши, — сказал Старостин, —

Идите по шоссе. В лесу могут встретиться немцы, но им теперь не до вас.

Взвод снова ринулся вперед. С шоссе пришлось свернуть. Оно вело на Белую Церковь. К Фастову же шла грунтовая улучшенная дорога — грейдер. Она пересекала железнодорожную линию. Старостин ожидал там встречи с противником. Но переезд никто не удерживал. Однако ожидания оказались не напрасными. По-видимому, получив сведения о прорвавшейся танковой группе, немцы бросили на нее авиацию. И снова первым попал под бомбежку взвод Старостина. Снова началась игра в «прятки». Игра со смертью!

Наконец, свернув с дороги в небольшой лесок, взвод спрятался от опасного врага. Гостеприимно укрыл украинский лесок родных русских людей. Потеряв танки из виду, летчики сбросили наугад еще несколько бомб. У одной машины был сбит ленивец, у второй заклинило башню; на танке Старостина был сорван люк механика-водителя. С такими повреждениями можно было и «попроситься» в хвост колонны, но все дружно решили идти вперед. Ведь смена заставы займет немало времени, а оно-то дороже всего.

— Ты как думаешь, Иван? — спросил взводный своего водителя сержанта Бабарыкина. — Тебе опаснее всех: шальная залетит и — конец!

— Э! — сплюнул тот, — семи смертям не бывать... — и, не докончив, махнул рукой.

И снова три машины идут вперед. Вокруг тишина, спокойствие. Фронт далеко. В поле кое-где работают люди. Навстречу по дороге идет женщина с котомкой, рядом с ней мальчик. Осень, прохладно, а он босой.

Старостин остановил машину и, высунувшись из башни, стал расспрашивать о дальнейшей дороге. Путники не сразу поняли. Вдруг у женщины мелко задрожали губы, из глаз хлынули слезы. Она кинулась к машине, протянув руки, трогала запыленную броню:

— Боже мий! Та це ж наши! Дивись, Васыль!

Вопросов она, словно, и не слышала. Старостин рассердился было, но понял вдруг ее состояние: ведь более двух лет не видели здешние жители советских войск.

Наконец, несколько успокоившись, женщина стала отвечать.

— Нет, селение впереди еще не Фастов, но от него

до города рукой подать. Войск в селе нет, а вот слева от села, за околицей, — аэродром. В Фастове давно копают траншеи, стоят пушки, много войск.

Осмелевший босоногий Васыль спросил:

— Дядю, уся армия идеть?

— Вся, хлопчик. Вся Советская Армия! — улыбнулся лейтенант.

Танки вплотную подошли к селу. Тишина на улицах, ни единого выстрела. Старостин поверил, что сведения точные, и повернул влево, в обход.

Для обитателей полевого аэродрома их появление было столь неожиданным, что в страхе они нашли единственный выход — попрятаться по блиндажам. Самолетов не было. Стояли только автомашины: бензоцистерны, ремлетучки, стартеры. Машины расстреляли, и высокие столбы пламени взметнулись к тяжелым серым тучам, надвигавшимся с юга. Затем принялись утюжить блиндажи...

И вот он, Фастов! Сознавая важность этого опорного пункта, противник укрепил его заранее. Старостин из укрытия шарил биноклем по переднему краю. Когда подтянулись все танки, пошли в атаку. Но огонь нескольких батарей, минные поля и непроходимое болото помешали успеху. Ворваться в город с налета не удалось. Нужно было собрать все силы.

Почти без сумерек быстро надвигалась южная ночь. Казалось, сама природа украинской земли помогала советским войскам. Порадовав танкистов ясным деньком, сухими дорогами, теперь она гнала свинцово-сизые клубящиеся тучи. Ночью легче было накопиться для удара. Но стоило одной машине подорваться на мине, как по тому месту ударили сразу несколько орудий — местность была пристреляна точно.

Штурм начался ночью. Старостин действовал самым крайним на левом фланге. Он уже командовал ротой (в первой атаке был тяжело ранен командир).

Что город укреплен хорошо, не было сомнений. Особенно удручали минные поля. Вдруг Старостину вспомнилась карта. Ведь здесь, слева, где-то недалеко дорога, соединяющая Фастов с Белой Церковью! Уж на своей-то тыловой дороге едва ли закладывали немцы мины!

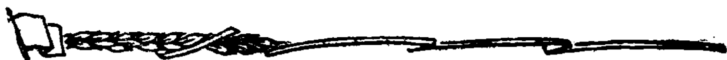
Только он успел поставить задачу командирам машин, как взвились сигнальные ракеты. Штурм!

Старостин повел роту влево, в обход. Расчет оказался правильным: ни одна из его машин не наскочила на мину, не была подбита. Выбравшись на шоссе, танки развили предельную скорость. Отсюда удара враг не ожидал. Танк лейтенанта Старостина первым ворвался в город. Огнем и гусеницами уничтожая врага, танковая рота пробилась к вокзалу, захватила девять эшелонов. Ударом в тыл, посеяв панику среди врагов, рота Старостина способствовала общему успеху операции.

Фастов был взят!

Но мало занять населенный пункт— нужно еще его и удержать. К утру противник перебросил на этот участок две танковые дивизии. Двое суток отбивались танкисты полковника Якубовского от вдвое превосходящих сил противника. Враг атаковал яростно. Но ему противостояли и мощная техника, и опыт закаленных в битвах советских танкистов, и их неодолимая воля к победе...

М. Кошкин

ОТ РЯДОВОГО — ДО ГЕНЕРАЛА

За плечами нашего земляка, уроженца села Сара Сурского района, Героя Советского Союза генерал-лейтенанта Григория Андреевича Белова славный боевой путь.

С самых юных лет он навсегда связал свою судьбу с Советской Армией. Начав службу рядовым бойцом Второй конной армии, Григорий Андреевич Белов, неустанно работая над совершенствованием своих знаний, вырос до крупного военачальника.

... Великая Отечественная война застала Григория Андреевича в должности преподавателя тактики Военной академии им. М. В. Фрунзе. Здесь Белов пересмотрел положения устава боевых действий войск. Многое, по его мнению, давно устарело. Но невозможно было в кабинетах академии, в отрыве от практических действий на полях сражения, прийти к окончательным выводам. Не один рапорт написал полковник Белов, пока добился, чтобы его направили в действующую армию. В июле 1942 года он был назначен заместителем командира 112-й Башкирской кавалерийской дивизии, которой командовал легендарный герой башкирского народа генерал Шаймуратов.

Эта кавдивизия приняла свое первое боевое крещение в оборонительных боях под Ельцом. Конники проявили чудеса храбрости и отваги. Превосходящие силы отборных фашистских войск на этом участке не смогли продвинуться ни на шаг.

В октябре 1942 года Белов был выдвинут на должность заместителя командира корпуса по тылу.

В отдельных подвижных соединениях тыл играл особо важное значение. Заместителю командира 8-го кавалерийского корпуса по тылу с самого начала пришлось обеспечивать в материально-техническом отношении шестисоткилометровый марш-маневр корпуса из состава Воронежского фронта в состав Юго-Западного фронта.

8-й кавалерийский корпус по прибытии на Юго-Западный фронт был влит в состав 5-й танковой армии, которой предстояло участвовать в битве на Волге.

19 ноября 1942 года кавалерия вошла в прорыв и начала стремительное продвижение вперед. Враг отчаянно пытался закрыть горловину прорыва, чтобы затем окружить и уничтожить наши войска. На участке прорыва, кроме тыловых войск, никого не было. В это тяжелое время, когда решалась судьба операции, полковник Белов быстро собрал различные тыловые подразделения в боевую группу и в течение двух суток отражал ожесточенные атаки врага, стремившегося закрыть участок прорыва.

В феврале 1943 года 8-й кавалерийский корпус совершил большой рейд во вражеский тыл на глубину 160 километров, в результате которого у противника оказались нарушенными важнейшие коммуникации в районе Ворошиловск—Дебальцево—Фашевка—Красный Луч. Внезапное появление конницы в районе Чернухина вызвало панику в тылах врага и дезорганизовало управление войсками и подвоз боеприпасов в этом направлении. 23 февраля 1943 года части корпуса, выполнив боевую задачу, вышли из рейда в расположение наших войск.

Выходя из вражеских тылов, соединения корпуса вели ожесточенные бои. В боях в районе Юлина-I героически погиб командир 16-й гвардейской кавдивизии генерал Шаймуратов. 25 февраля 1943 года командиром этой кавдивизии назначили Белова.

В ноябре 1943 года 16-я гвардейская кавдивизия

под командованием генерал-майора Г. А. Белова успешно обеспечила в Речицкой операции фланги ударной группировки Первого Белорусского фронта. Конногвардейцы Белова действовали на левом фланге одной из армий в направлении населенного пункта Малодуш, имевшего большое тактическое значение: это был важный узел дорог, через него противник подбрасывал резервы к Речице. Гвардейцы отбили две мощные атаки немецких танков. В этом бою было подбито более двадцати машин. Умелыми маневрами генерал Белов не допустил подхода резервов противника к Речице. Эта операция во многом помогла нашим войскам в ликвидации речинской группировки немцев.

В результате успешного наступления войск Первого Украинского фронта к началу января 1944 года на стыке Белорусского фронта образовалась полоса оперативной пустоты от Ельска до Овруча. Таким образом, правый фланг мозырьской группировки немцев оказался открытым.

Советское командование считало, что в случае прорыва обороны врага в болотах Полесья фронтальной атакой войска понесут гораздо большие потери в живой силе и технике, чем при обходных маневрах.

Частям 16-й гвардейской дивизии предстояло выполнить очень трудную задачу: выйти в тыл противника и замкнуть внутреннее кольцо окружения его группировки. От успешных действий дивизии зависел благополучный исход операции по разгрому частей противника и овладению городом Мозырем.

На пути к цели гвардейцам предстояло преодолеть невероятные трудности. В связи с наступившей оттепелью дороги стали непроходимыми. Кроме того, минные поля и вражеские засады мешали пользоваться дорогами.

Утром 8 января авангардный полк дивизии, встретив на окраине Ремезы организованное сопротивление врага, развернулся в боевой порядок и попытался с ходу овладеть городом, но успеха не имел. Враг оказывал ожесточенное сопротивление, так как с захватом Ремезы наши войска выходили во фланг и тыл Ельскому узлу сопротивления, на который немцы возлагали большие надежды, как на крепость на своем правом фланге.

Чтобы не упустить время и не дать врагу подтянуть

свежие резервы, генерал Белов при поддержке артиллерии начал вторую атаку Ремезы. Внезапная атака в темную ночь застала фашистов врасплох. После ожесточенного боя противник оставил населенный пункт и начал отходить на север.

Чтобы выполнить главную в этой операции задачу — захватить город Мозырь, — командир корпуса решил силами 16-й гвардейской кавдивизии перерезать шоссе, соединяющее Мозырь — Скрыгалово, и таким образом поставить под угрозу разгрома основную мозырьскую группировку немцев.

Гвардейцы Белова нанесли противнику внезапный удар. Враг считал местность на своем правом фланге непроходимой. Он не допускал мысли, что крупные кавалерийские силы противника могут появиться так быстро в их тылу. Немцы принимали конногвардейцев за небольшие отряды партизан и пытались небольшими заслонами мотопехоты остановить их дальнейшее продвижение.

16-я гвардейская кавдивизия, отбрасывая и уничтожая немецкое прикрытие, продолжала выполнять поставленную перед ней задачу. Уничтожив небольшие группы противника и овладев Романовкой, дивизия к двум часам дня 10 января вышла в район Слободы. Здесь она встретилась с крупными силами врага. Командование кавдивизии решило нанести противнику сокрушительный удар.

Генерал Белов лично произвел разведку и принял дерзкое решение: в три часа 10 января атаковать Слободу с двух направлений всеми силами. На этот раз Григорий Андреевич нарушил устав, оставшись без каких-либо резервов, но этот риск был обоснован.

Застигнутый врасплох отряд противника численностью в триста пятьдесят человек пытался отразить атаку наших войск. Завязался короткий бой, который переходил в рукопашные схватки за отдельные здания. После трехчасовой атаки населенный пункт был полностью очищен от гитлеровцев.

13 января один из кавалерийских полков, закончив переправу через реку Припять, повел наступление на разъезд Клинск. Здесь ему необходимо было взорвать мост через реку Ица и отрезать отход разбитых частей противника на запад. Преодолев все трудности, гвар-

дейцы выполнили приказ командира. Мост был взорван.

К исходу 13 января противник, видя неизбежность своего поражения, прикрываясь сильным арьергардом с юга, начал поспешную эвакуацию гарнизона города Мозыря.

В Мозыре царила паника. Враг взорвал склады в военном городке и любой ценой стремился удержать за собой переправы.

Части гвардейского кавалерийского корпуса совершили обходный маневр по труднопроходимой лесисто-болотистой местности через открытый фланг и тыл противника, и город Мозырь был освобожден от немцев.

За боевые заслуги 16-я гвардейская кавдивизия была награждена орденом Красного Знамени. Командиру дивизии генерал-майору Г. А. Белову и 56 солдатам, сержантам и офицерам Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

Генерал-майор Белов принимал участие в прорыве обороны немецко-фашистских войск под Штадгартом, а затем вверенные ему части стремительной атакой первыми вышли к берегам Балтийского моря в районе Дьен (западнее Кольберга). За разгром Дойч-кроневской группировки противника 16-я гвардейская кавдивизия была награждена орденом Ленина, а ее командир генерал Белов — орденом Суворова 2-й степени.

В апреле 1945 года гвардейцы генерал-майора Г. А. Белова в составе подвижной группы правого крыла Первого Белорусского фронта принимали участие в Берлинской операции. Стремительной атакой они захватили много населенных пунктов, расположенных северо-западнее Берлина. Все это помогло нашим войскам окружить берлинскую группировку врага. После кавдивизия под командованием Г. А. Белова первой овладела северной окраиной Брандербурга, отрезав берлинской группировке немцев пути отхода на запад. Теперь уже подвоз резервов к Берлину стал невозможным.

За взятие Брандербурга дивизия была награждена орденом Кутузова 2-й степени, а ее командир генерал Белов — орденом Ленина.

За отличные боевые действия на фронтах войны

с немецкими захватчиками 16-я гвардейская кавалерийская дивизия шестнадцать раз отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего. Семьдесят пять солдат, сержантов и офицеров дивизии получили высокое звание Героя Советского Союза.

В настоящее время Герой Советского Союза генерал-лейтенант Г. А. Белов передает свой богатый боевой опыт слушателям одной из академий Советской Армии.

В. Фридман

ТАРАН

Дождь шел всю ночь. Противный мелкий дождь, какой зимой обычно бывает только в Прибалтике. Он согнал остатки снега и заставил изрядно потрудиться техников и солдат БАО*. Всю ночь они провели без сна, укрывая брезентом самолеты и очищая ото льда взлетную полосу. По времени уже должно было рассветать, но ночь, казалось, и не собиралась покидать землю. Теплый балтийский ветер гнал с моря все новые и новые тучи, которые сплошной серой пеленой затянули небо.

Погода для летчика — все равно, что дорога для шофера. Первый шаг — шаг к окну, первый взгляд — взгляд в небо. Майор Виктор Каштанкин, помощник командира гвардейского штурмового авиаполка, распахнул дверь землянки и присвистнул: «С чем лег, с тем и встал. Сыплет, проклятый!».

Каштанкин не успел захлопнуть дверь — ракеты, оставляя за собой багряный хвост, взмыли в небо и повисли над аэродромом.

---

* БАО — батальон аэродромного обслуживания.

Тревога! Ровно через две минуты Каштанкин стоял перед командиром полка. Полковник был краток. Разведка установила: в Финском заливе появилась большая группа фашистских кораблей. Приказ командования — уничтожить! Еще через несколько минут восьмерка штурмовиков во главе с майором Каштанкиным, пробивая дождевые тучи, легла на курс.

Внизу, под крылом, черно-серые тучи с неровными, словно общипанными краями. Будто невидимая рука бросила в небо гигантские куски ваты. И вот теперь они плывут над землей.

Самолет, уходя от дождя, все набирал и набирал высоту. В глаза ударил солнечный луч. Еще миг — и штурмовики попали в сплошное море солнца. Бездонная голубая чаша без конца и края простиралась над ними. Солнце переливалось на колпаке кабины всеми цветами радуги. И Каштанкину вспомнилось недавнее. Всего неделю назад он с группой шел, как и сейчас, над облаками. Так же голубело небо, и солнце ласкало не по-зимнему теплыми лучами. Все это никак не вязалось с войной, но она уже торопилась напомнить о себе. На горизонте в синеве неба показались хищные контуры «юнкерсов». Стервятники шли из нашего тыла, возвращаясь после бомбежки на базу.

Каштанкин повел свою группу по следу «юнкерсов». И как только те стали садиться, на аэродром посыпались бомбы. Горели ангары, самолеты, взлетали на воздух склады с боеприпасами. Фашистский аэродром был выведен из строя...

«Восьмой, восьмой, я — Земля. Доложите обстановку»... Голос командира полка в шлемофонах оторвал майора от воспоминаний. Штурмовики шли над морем. Тучи поредели, и теперь в разрывах между ними была видна морская гладь. Минут через пять Каштанкин увидел фашистские корабли. Один... Два... Пять... Семь.., Караван вражеских судов насчитывал пятнадцать вымпелов. Штурмовик ведущего качнул крыльями. Атака!

Штурмовики развернулись и пошли в пике на корабли. Фашистские сторожевики открыли по самолетам ураганный огонь. Серые шапки разрывов зенитных снарядов встали на пути.

Прорвавшись сквозь огневой заслон, Виктор поймал корабль в перекрестье прицела... Едва не задев кора-

бельные мачты, штурмовик вышел из пике, а объятый пламенем сторожевой корабль стал погружаться в воду...

Снова атака. Фашисты бешено отстреливаются. Все плотнее огонь зениток. Каштанкин направил свой штурмовик на тральщик. Цель все ближе...

Вдруг штурмовик качнуло. На крыле его блеснуло синеватое пламя. Вражеский снаряд ударил в тот момент, когда летчик взялся за бомбосбрасыватель. Бомбы полетели мимо цели.

И сразу стало тихо. Так тихо, что Виктор отчетливо услышал и вой шедших в пике штурмовиков, и пулеметные очереди, и гудки еще одного тонущего сторожевика... Горящий самолет майора Каштанкина падал в море.

...Как порой многое могут рассказать пожелтевшие, обветшалые от времени страницы! В Центральном Военно-Морском музее в Ленинграде сотни папок с такими вот желтыми листами.

Перед нами папка со старательно вывыденной надписью: «Майор Каштанкин Виктор Николаевич». В ней всего несколько обыкновенных листов, рассказывающих о необыкновенной жизни.

Виктор Каштанкин родился в 1910 году в селе Большие Ключищи, что недалеко от Ульяновска. Окончив в 1927 году техническое училище, юноша два года работал токарем. Девятнадцатилетним парнем Виктор добровольно пошел служить в военно-морскую авиацию.

Боевое крещение молодой летчик получил в боях с белофиннами. За мужество, отвагу и отличное выполнение боевых заданий Виктор Каштанкин был награжден орденом Красного Знамени.

В первые годы Великой Отечественной войны Каштанкин находился в учебных частях — обучал и воспитывал молодых летчиков. Только в 1944 году Каштанкина по его настойчивым просьбам откомандировали на Балтику в боевую гвардейскую часть. Но и в эти месяцы он успел сделать многое. За 23 дня Виктор Каштанкин совершил 36 боевых вылетов. И каждый из них — это уничтоженные вражеские батареи, потопленные корабли, разрушенные дзоты.

...Объятый пламенем самолет майора Каштанкина падал в море. «Неужели все?» Виктор рванул рукоятку на себя. Мотор заработал, но большего летчику сделать

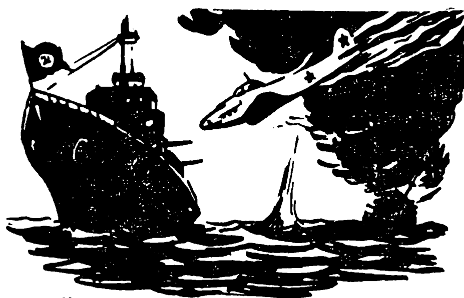
не удалось: горящую машину нельзя было вывести из боя, дотянуть до берега... Оставалось одно из двух: или оставить самолет, или... На раздумье — секунды. Море с фашистскими сторожевиками с бешеной скоростью неслось навстречу...

Вернувшиеся на базу летчики рассказали: «Горевший, как факел, самолет Виктора Каштанкина вдруг ожил. Майор перевел свою машину в крутое пике на цель и врезался в палубу фашистского корабля. Раздался страшный взрыв, взметнулось вверх пламя, столб черного дыма...»

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1944 года майору Виктору Николаевичу Каштанкину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Совсем недавно на дне Финского залива был обнаружен фашистский корабль. Вся верхняя палуба его разбита, мачты сломаны. Водолазы, обследуя корабль, обнаружили среди обломков и остатки советского самолета-штурмовика.

После долгих поисков сотрудников Военно-Морского музея и политработников Балтийского флота удалось точно установить, что это тот самый корабль, который протаранил Герой Советского Союза ульяновец Виктор Каштанкин.

А. Шарипов

ОТВАЖНЫЙ ТАНКИСТ

В мае 1942 года, после окончания танкового училища, лейтенант Борис Кошечкин был направлен в город Горький на должность командира учебного танкового взвода. Молодой офицер не терял надежды попасть на фронт, чтобы с оружием в руках громить фашистских захватчиков. Прослужив в тылу около года, Кошечкин стал настойчиво проситься на фронт. В марте 1943 года просьбу его удовлетворили, и он назначается командиром взвода танков. А в январе 1944 года лейтенанта Кошечкина выдвинули на должность командира танковой роты.

6 марта 1944 года гвардии лейтенант Кошечкин получил боевую задачу: в составе трех танков произвести боевую разведку в глубоком тылу противника в направлении на Тернополь. Задача была нелегкой. Она требовала проникновения через оборону противника на глубину нескольких десятков километров. Командир роты понимал всю рискованность операции. В любой момент враг мог отрезать им выход. Кошечкин тщательно продумал план действия в тылу врага.

7 марта 1944 года танкисты двинулись в разведку. На Тернопольщине в это время была непроходимая распутица. Дороги были размыты. Едва танки Кошечкина проскочили мост у села Деровце, как заговорили фашистская артиллерия и пулеметы. На пути отважных танкистов встала стена взрывов. Наши гвардейцы решили вырваться из огневого кольца. Танки с могучим ревом ринулись на врага. Огнем и гусеницами они сломили сопротивляющихся гитлеровцев.

Отважные танкисты, сметая все на своем пути, вклинились в оборону противника. Вскоре они ворвались в село Шляхитинце, с боем овладели им, а затем вышли на шоссе Забрат—Тернополь. И таким образом отрезали путь к отходу колоннам танков и автомашин противника.

Гитлеровцы, оставив населенный пункт, опомнились. Только теперь им стало ясно, что советские танкисты отрезали им путь к отступлению. Дерзкие действия наших воинов привели фашистов в бешенство. Они начали яростные атаки. Но к этому времени танки Кошечкина уже успели занять выгодные позиции.

В течение еще двух дней — до подхода наших войск — гвардейцы прочно удерживали село Шляхитинце. Они не только оборонялись, но и наводили страх на врага, держа инициативу в своих руках.

Однажды, пропустив отходившую вражескую колонну по шоссе Забрат—Тернополь, они неожиданно вырвались из засады, врезались в колонну и разгромили ее.

До Тернополя оставалось рукой подать, но Кошечкин трезво оценил обстановку. Он понимал, что противник обороняет город крупными силами. Кошечкин принял смелое решение: произвести разведку.

Разведчики засекли, где установлены в городе огневые точки, где стоит противотанковая артиллерия, отметили слабые и сильные места вражеской обороны.

А вскоре танки Кошечкина с двух направлений ворвались в город. Командирский танк раздавил самое опасное противотанковое орудие с расчетом, которое прикрывало перекресток на главной улице. В уличных боях за Тернополь Борис Кошечкин лично уничтожил до ста солдат и офицеров, семьдесят автомашин и батарею противотанковых орудий.

Продолжая освобождать улицу за улицей, Кошечкин на южной окраине города был контратакован группой танков противника. Несмотря на численное превосходство врага, лейтенант Кошечкин принял бой.

Вражеские танки быстро приближались, ведя огонь с ходу. Снаряды рвались впереди, сзади и сбоку.

— Подпустим фашистов ближе, — сказал Кошечкин, ловя в прицел головной танк. Затем он спокойно скомандовал: «Огонь!» Снаряд ударил в гусеницу ближайшего «тигра». Вражеский танк закружился на месте, как раненый зверь, подставляя свои уязвимые места. Раздался второй выстрел — и «тигр» задымил, охваченный пламенем. В этой короткой схватке Кошечкин точным огнем вскоре подбил еще один вражеский танк, а третий, не приняв боя, вынужден был удрать с поля боя.

За героизм, мужество и отвагу, проявленные в боях под Тернополем, гвардии лейтенанту Кошечкину Б. К. Указом Президиума Верховного Совета СССР было присвоено звание Героя Советского Союза.

В июне 1944 года командование направило Кошечкина на учебу в Военную Академию бронетанковых и механизированных войск, после успешного окончания которой он долгое время работал старшим преподавателем в военном училище.

В настоящее время в одной из танковых частей Советской Армии служит наш земляк, уроженец села Бекетовки Карсунского района Герой Советского Союза подполковник Борис Кузьмич Кошечкин. Он умело передает свой богатый боевой опыт молодым воинам.

Н. Кузминский

НА КРЫМСКОЙ ЗЕМЛЕ

В ожидании ночи командир инженерно-саперного взвода лейтенант Николай Карпов сидел в блиндаже, из которого сутки назад были выбиты немцы, и внимательно изучал причудливые очертания берегов озера Красного.

Полоска земли... Справа — озеро. Слева — Гнилое море, Сиваш. Между ними — километровое расстояние. Фашистское командование, получив сокрушительный удар на Перекопском перешейке, оттянуло остатки дивизий на юг и теперь стремилось любой ценой удержать свою вторую линию укреплений, что шла от перекопского залива через озеро Красное к Сивашу.

Прорвав мощные укрепления немцев на легендарном Перекопском перешейке, советские войска были вынуждены приостановить наступление, пока гитлеровцы удерживали полосу укреплений в районе озера Красного.

Особую опасность представляли доты. Чтобы прорваться вперед, на просторы Крымских степей, предстояло уничтожить эти осиные гнезда. Но как?.. Артиллерия их не брала. Не удавалось подавить их и с воздуха: доты строились немцами долго и прочно.

Оставалось одно — послать во вражеское располо-

жение саперов. Выполнение такого задания могли обеспечить только самые смелые, самые опытные воины. Долго думали в штабе дивизии, кому поручить эту задачу. Выбор пал на ульяновца Карпова.

Молодой лейтенант Карпов отобрал семерых наиболее смелых и опытных бойцов. С ними он подготовил взрывчатку, объяснил им задание и до мельчайших подробностей рассказал план операции. Потом приказал солдатам уснуть, а сам снова принялся изучать карту с нанесенными в штабе условными обозначениями вражеской обороны.

С наступлением ночи линия фронта обозначалась вспышками огней. То и дело взлетали ракеты. В бархат черно-синего неба впивались нити трассирующих пуль. С сухим треском рвались мины. Ленивая перестрелка с обеих сторон — обычное явление в перерывах между атаками. Больше постреливали немцы. Но их огонь почти не причинял вреда. Наши бойцы изредка отвечали им пулеметными очередями, и опять на некоторое время вокруг воцарялась тишина...

Во время одной из таких коротких пауз к берегу озера Красного подползли саперы во главе с лейтенантом Карповым. Твердая полоса берега сменилась липкой вонючей грязью. Постепенно выпрямляясь, восемь теней беззвучно скользнули в воду. В расположение врага саперы решили проникнуть по воде, вдоль берега озера. Над водою виднелись только их головы. Над саперами время от времени взлетали ракеты: это немцы, боясь неожиданностей, освещали подступы к своим позициям. Когда в небе вспыхивали ракеты, головы саперов исчезали под водой.

Цепенея от холода, саперы упорно преодолевали по нескольку метров в минуту. Идти было тяжело. Тянула книзу мокрая одежда, ноги вязли в илистом дне, а тут еще на спине мешок с толом и оружием.

Вот уже остались позади передовые позиции своей дивизии и нейтральная полоса перешейка. В темноте едва различаются уходящие в воду у берега линии проволочных заграждений.

Еще метров двести — и нужно выбираться на берег. Где-то там, чуть подальше немецких траншей, к озеру выходит глубокий овраг — место, откуда отряд подрывников должен проникнуть к вражеским дотам.

Один из бойцов оступился. Послышался первый за всю дорогу предательский всплеск. В тот же миг ракета повисла над головами подрывников, но с берега, кроме ровной поверхности озера, немцы ничего не увидели. На всякий случай полоснув по угрюмой воде пулеметной очередью, они успокоились.

И в это время Карпов решил: «Пора!» Саперы начали осторожно приближаться к берегу. Так и есть: немного правее чернел овраг. В его мрачной черноте исчезли один за другим восемь советских саперов. Где-то рядом гулко раздавались шаги проходивших немцев, были слышны их голоса. Немцы разговаривали громко: ведь до наших позиций отсюда порядочное расстояние.

После короткой передышки Карпов прерывисто зашептал:

— Ну, ребята, пора! Не забудьте: ровно в четыре утра!.. Поджигаем бикфордовы шнуры, а сами — в любое укрытие. Сразу же после взрывов по немцам ударят все наши пушки. Среди немцев будем и мы...

Восемь рук переплелись в едином горячем рукопожатии. В нем было все: и вера друг в друга, и страстное пожелание удачи, и клятва на верность Родине!

Еще раз сверив часы, отряд разделился на четыре звена — по два человека на дот. Проводив последнюю пару, Карпов со своим напарником, молодым солдатом Ахметом, поползли по направлению к доту, который предстояло им взорвать. Сухой прошлогодний бурьян ранил руки, но он же и помогал незаметно ползти вперед, все ближе и ближе к цели. Изредка лейтенант замирал на месте, стараясь по долетающим звукам определить, не обнаружены ли его бойцы. Все было спокойно.

Каждый метр пути мог стать роковым. Приходилось укрываться в траншеях, переползать через пустые окопы, подолгу лежать с затаенным дыханием в воронках. Минуты казались часами.

Но вот, наконец, впереди появились смутные очертания дота. Теперь нужно быть особенно осторожным. Еще немного вперед... Еще два метра... Хватит! Рядом воронка... Отлично! Она здесь будто специально вырыта нашим снарядом для двух храбрецов.

Из приоткрытой двери дота доносился хохот. Фашисты развлекались, абсолютно уверенные в своей неуязвимости.

Последнее усилие — и тол аккуратно уложен под амбразурой дота.

Теперь остается ждать.

А стрелки часов будто замерли. Только четкое их тикание свидетельствовало, что часы не стоят, что они хладнокровно отсчитывают последние минуты существования немецкого дота.

И вот... ровно четыре!..

В предутренней мгле с оглушительным грохотом к небу взметнулся огненный столб взрыва. Вражеский дот прекратил свое существование!

За минуту до этого Карпов с помощником, убедившись, что шнур горит хорошо и что им пора подумать о своем спасении, кинулись в сторону. Далеко ли уйдешь за минуту? Все же им удалось отбежать до следующей старой воронки от бомбы и залечь в ней. В последние секунды перед взрывом они услышали прозвучавшие друг за другом два взрыва правее, потом раздался третий — плод их работы. Четвертому звену саперов, видимо, не удалось подорвать дот.

В воронку посыпались комья земли, осколки бетона; в ушах зазвенело, всколыхнулась вдруг земля.

— Ну, теперь берегись! — звонким от радости голосом крикнул Карпов Ахмету. — Сейчас заработают наши батареи.

Действительно, следом за взрывами на немецкую оборону обрушился шквал советских снарядов. Они рвались в самой гуще немецких войск. Между озером Красным и Сивашским заливом Советская Армия снова перешла в наступление.

— Пошла!.. Пехота пошла!.. — в восторге крикнул Ахмет и вдруг схватился за голову. Его черные глаза словно застыли, а из-под пальцев хлынула кровь... Потом он медленно-медленно раскрыл побледневшие губы, словно очень хотел что-то сказать, и упал...

Карпов метнулся к Ахмету. Но жгучая боль пронзила его самого, и он провалился в черную бездну...

...По изрытому снарядами полю медленно бродили саперы. Они заглядывали в каждую воронку, в каждый окоп, разыскивая своих боевых товарищей, взорвавших немецкие доты и ценою собственных жизней открывших дорогу вперед советским войскам.

Недалеко от четвертого дота, в воронке, саперы на-

шли своего командира лейтенанта-ульяновца Карпова. Тяжело раненный, он находился в бессознательном состоянии. А рядом лежал, зажав руками пробитую голову, Ахмет.

Указом от 24 марта 1945 года наш земляк, уроженец села Репьевка Новоспасского района, Николай Федорович Карпов был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Сержант-пограничник Карпов, застава которого одной из первых приняла на себя удар фашистов в июне 1941 года, закончил войну капитаном. Он прошел половину Европы, принимал активное участие в освобождении многих сел и городов Румынии, Австрии и Болгарии. Восемь раз салютовала Москва воинскому соединению, в составе которого выполнял свой солдатский долг перед Родиной Николай Федорович. Шестью орденами и пятью медалями наградила Советская Родина своего верного, храброго сына.

А. Ермолаев

РЕЙД ПО ТЫЛАМ ВРАГА

В один из морозных декабрьских дней 1942 года на Ульяновском вокзале было многолюдно. Город провожал на фронт молодых офицеров — выпускников танкового училища.

Среди находившихся на перроне людей можно было видеть стройного белокурого лейтенанта с ясным открытым взглядом. Он стоял рядом с невысокой женщиной лет сорока пяти, закутанной в платок, и молоденькой девушкой. Это был Геннадий Карюкин. Его провожали сестра и тетка. Родителей у Геннадия не было: мать умерла, когда ему было одиннадцать лет, а отец погиб на фронте.

Последний звонок...

— Ну, дорогие, до свидания... — Геннадий обнялся с родными и уже на ходу поезда прыгнул на подножку вагона.

Мимо поплыла платформа, пристанционные строения... Прощай, родной Ульяновск...

Как быстро летит время. Ведь еще совсем недавно он вместе с товарищами из 7-й ульяновской школы играл во дворе в футбол и летел вихрем на лыжах к Волге с самых крутых склонов...

А затем перед войной, после окончания курса школы ФЗО, началась трудовая жизнь: он стал работать плотником...

По прибытии в часть Геннадия назначили командиром взвода разведки. В одном из первых писем домой он писал, что в его взводе не обстрелян только один человек — это он сам, и теперь ему приходится догонять остальных. Но вскоре и Геннадий принял боевое крещение.

«За отца — мщу, — писал позднее Геннадий. — Открыл свой боевой счет...».

За год войны Карюкин прошел суровую школу: много раз встречался лицом к лицу со смертью, имел несколько ранений, два или три раза находился в горящих танках. Теперь это уже был умелый, мужественный воин. Ему часто поручали трудные и ответственные задания. Знали, что на него можно положиться. Таким Геннадий был с детства. Еще в те годы у него выработалась привычка к точности и аккуратности. Каждое дело, за которое он брался, выполнял старательно, с душой.

Теперь, спустя год войны, на его боевом счету числились десятки сожженных вражеских танков, уничтоженных орудий, более сотни убитых фашистов.

— Герой умирает один раз, а трус — тысячу раз, — любил говорить Карюкин своим бойцам. И в бою подавал им пример храбрости и отваги.

Среди товарищей Геннадий был, что называется, душой коллектива. Веселый, жизнерадостный, он любил острое слово, шутку. Подчиненные, несмотря на его молодость, относились к нему с уважением.

— С нашим лейтенантом, — говорили они, — не пропадешь.

* * *

Наступила весна 1944 года. Под ударами советских войск враг отходил все дальше на запад. Гвардейская танковая армия генерала Катукова стремительно продвигалась на юг.

Острие ее стального клина нацеливалось на город Черновцы. Бригада, где служил Карюкин, находилась на правом фланге армии.

Действуя впереди бригады, Карюкин со своей ротой и группой автоматчиков форсировал Днестр. Он получил приказ: «Выйти к реке Прут, форсировать ее и захватить плацдарм на правом берегу реки».

Семидесятикилометровый марш подходил к концу. Последний поворот дороги — и вот Прут. Остановив танки у рощи, недалеко от реки, Карюкин расставил их по опушке, заняв круговую оборону. Вместе с командиром взвода Кривенко он поднялся на лесистый пригорок. Отсюда открывался обзор на долину реки... Был конец марта. Деревья стояли голые, почерневшие, но на земле среди прошлогодней травы уже проглядывала молодая зелень. Слева невдалеке белели домики украинского села. За ним виднелся мост.

Геннадий раскрыл карту и сверил ее с местностью.

— Ну, так как же будем переправляться?.. К мосту соваться нельзя: там у них сильная охрана, и он, видимо, заминирован... Кривенко, бери трех автоматчиков, пойдешь в разведку. Нужно найти брод... Смотрите вот здесь, выше моста. Да хорошенько расспросите местных жителей...

Была уже глубокая ночь, когда вернулись разведчики — усталые, мокрые, в грязи. Но брод был найден...

Первыми стали переправляться автоматчики. Когда они скрылись в темноте и за ними затихли всплески воды, Карюкин с командиром танка Чернышевым сели у берега под вербой.

Над рекой стоял туман. Оба напряженно прислушивались, но противоположный берег молчал. Лишь раза два, нарушая тишину, крикнула какая-то птица.

— Как и у нас на Волге, — тихо проговорил Геннадий. — Эх, сейчас бы порыбачить дома! Хорошо...— И, помолчав, добавил: — Ну, видно, они уже на берегу... Туман-то, пожалуй, на нас работает...

Перед рассветом к переправе подтянули танки. Две машины Карюкин оставил на берегу для прикрытия.

На востоке уже разгоралась заря. Туман редел. Геннадий сел в свою машину. Началась переправа. Едва они продвинулись по реке метров на двадцать, как с противоположного берега хлестнула пулеметная очередь. По переправе било несколько пулеметов. С этой стороны по вспышкам открыли огонь танки Чугунина и Кривенко.

Около середины реки танк Карюкина внезапно накренился на левый борт. Видимо, попал в яму.

— Правее, правее, Ваня, а то засядем! — крикнул Геннадий механику-водителю.

Наконец, машина выправилась и пошла вперед.

На другом берегу у обрыва вырисовывались фигуры двух бойцов. Размахивая автоматами, они указывали места, где удобнее выходить машинам. Ориентируясь по ним, механики выводили танки из воды и направляли их по лощине вверх.

Отсюда танки по команде Карюкина «делай, как я» развернулись влево и устремились на немецкие окопы. Вражеские пулеметы замолкли.

Плацдарм занят! Нужно организовать его оборону. Выбрав удобные места под прикрытием небольшой горки, Карюкин расположил танки и автоматчиков на огневых позициях и указал секторы для ведения огня.

Через полтора часа из-за холма на расстоянии двух километров показались черные точки. Геннадий опустился в башню и приложился к оптическому прицелу: шли в колонне танки и самоходные орудия...

— Спокойно. Без моего сигнала огня не открывать! — передал по радио Карюкин.

Враг приближался. Он стал разворачиваться в боевой порядок. В этот момент командиры советских танков услышали:

— По танкам противника бронебойным — огонь!

С первых же выстрелов запылало самоходное орудие немцев, а второе было подбито. Остальные стали маневрировать, укрываясь в складках местности.

Карюкин, находясь в своем танке, управлял боем. Трижды немцы бросались в яростные атаки, но, встреченные метким огнем, каждый раз с потерями откатывались назад. На поле боя горело несколько вражеских машин. Оставшиеся два немецких танка отошли в направлении моста.

Когда бой окончился, Карюкин лег у танка и развернул карту. Слева, с востока, доносились глухие звуки артиллерийской канонады. Там основные силы армии вели бой за Черновцы...

У Карюкина родилось смелое решение. Он вызвал к себе командиров взводов и объяснил им план дейст-

ний: идти дальше в тыл врага и перерезать его коммуникации.

— Но за плацдарм мы отвечаем головой. Поэтому три танка под командой Чугунина останутся охранять переправу, а я с тремя иду вперед, вот к этому городку (он показал на карте), и занимаю рубеж около узла дорог. Они там нас не ждут...

После обеда и короткого отдыха послышалась команда:

— По машинам!

Взревели моторы, и три танка помчались в тыл врага.

Дорога шла меж небольших холмов, постепенно поднимаясь на невысокое плато. Вдали на горизонте в голубой дымке виднелись Карпатские горы. Дул свежий ветер. Геннадий, стоя в открытой башне, внимательно смотрел вперед.

Перевалили пологий водораздел. За ним местность постепенно понижалась в сторону небольшой реки. Слева чернел лес. Впереди показались крыши городских домов. На подступах к городку танкисты были встречены артиллерийским и пулеметным огнем. Танки развернулись в линию и вступили в бой. Под их прикрытием шли десантники.

Стремительным ударом гвардейцы опрокинули врага и ворвались в город. На одной из улиц они догнали отходившую немецкую автоколонну и с ходу врезались в ее хвост, ломая машины и вминая их в землю. В ужасе немцы прыгали с машин, разбегаясь в стороны.

Городок был занят. Кое-где еще шла перестрелка: десантники выбивали немцев из отдельных домов.

Богатые трофеи достались нашим гвардейцам: много оружия, несколько десятков автомашин. Около железнодорожной станции захватили склад боеприпасов и горючего вместе с его охраной, а на станционных путях — паровоз с тридцатью пятью вагонами.

Оставив автоматчиков для охраны городка, Карюкин с танками возвратился к лесу: нужно было перекрыть дороги, идущие к городу из Черновцы.

Танки вошли в глубь леса. Около развилки дорог Карюкин остановил машины.

— Вот хорошее местечко. Словно нарочно предназначено для засады. Поставим здесь два танка, а третий там, за поворотом.

Машины тщательно замаскировали среди деревьев и кустарника. В лесу наступила тишина. Но ненадолго. Скоро на дороге показалась колонна автомашин. Впереди в качестве прикрытия шли две «пантеры»

— Колонна уже совсем близко, а сигнала все нет. Что же лейтенант медлит? — цедил сквозь зубы Кривенко, сидевший во втором танке.

В это время в наушниках послышалось:

— Пропусти головную. Бей по бортам второй!

И когда «пантеры» уже прошли мимо, внезапно сзади них загремели выстрелы. Обе самоходки были подбиты. Оставшиеся без защиты автомашины заметались по лесу. А невидимые советские танкисты продолжали вести губительный огонь. Бросая машины, фашисты в панике разбегались по лесу...

Почти двое суток прочным заслоном стояли танкисты Карюкина на занятом ими рубеже, отбивая атаки противника и нанося ему потери...

В ходе всех мартовских боев командир роты гвардии лейтенант Карюкин своими бесстрашными действиями способствовал взятию нашими войсками города Черновцы, отрезав противнику пути отхода на юго-запад.

26 апреля 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Наступили июльские дни 1944 года. Советские войска подошли к границам Польши. Танкисты тщательно готовились к новым боям...

Кончилась короткая передышка. Наши войска снова пошли в наступление. В небо взвилась ракета. Началась артиллерийская подготовка.

— Вперед, за мной! — услышали танкисты в наушниках голос своего командира. И танки вошли в воду реки Сан. Тотчас вокруг них выросли столбы разрывов: противник пристрелял переправу.

Вот снаряд разорвался у самой командирской машины. Разрывом перебило гусеницу. Шедший следом танк остановился под прикрытием берега. Открылись крышки люков. Карюкин перебежал в другую машину и через минуту снова оказался впереди своей роты.

С ходу ворвались танкисты в расположение противника, уничтожая врага огнем и подминая гусеницами. В это время появились фашистские самолеты. Немцы

бросили в контратаку пехоту, танки. Разгорался жестокий бой.

Наши танкисты встретили отчаянное сопротивление. Тем не менее они продвигались вперед по поселку, очищая дом за домом, улицу за улицей.

Вырвавшись на западную окраину поселка, Геннадий Карюкин увидел уходящие немецкие железнодорожные эшелоны.

«Врешь, не уйдешь!» — подумал Карюкин и на полной скорости направил машину наперерез поездам.

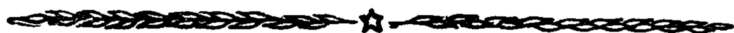
Внезапно сбоку загремели пушечные выстрелы. Притаившиеся в засаде два «тигра» обрушили свой огонь на одинокую машину.

Решив перехватить врага и расправиться с ним, Карюкин свернул в небольшую лощину. Выскочив из нее, он зашел во фланг одному из «тигров» и первым же выстрелом поджег его. Сзади подоспел танк комсомольца Чернышева. Еще два выстрела — и второй «тигр» тоже подбит.

Разделавшись с «тиграми», танкисты вновь устремились наперерез оставшемуся эшелону, рядом с которым двигалась колонна автомашин. Но в это время с неба спикировал фашистский самолет. С завыванием упала авиабомба. Танк Геннадия Карюкина загорелся. И в последний момент его боевые друзья увидели, как объятый пламенем танк их командира внезапно рванулся вперед и врезался в немецкую автоколонну.

Раздался сильный взрыв. Танк Карюкина окутался черным дымом. Так героически погиб ульяновский комсомолец Геннадий Карюкин. Он погиб, но имя его всегда будет жить в сердцах советских людей!

В. Лебедев

ИХ БЫЛО ДВЕНАДЦАТЬ

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

А. Сурков.

Произошло это на реке Свири, вблизи Лодейного Поля.

...Шел июнь 1944 года. В глуши свирских лесов под раскидистыми деревьями неумолчно стучали топоры — это гвардейцы-воины Карельского фронта строили своеобразную флотилию. Умелые руки советских воинов быстро и ловко мастерили плоскодонные лодки со специальными ручками для переноски. С каждым днем плоскодонок становилось все больше и больше. Их можно было считать уже не сотнями, а тысячами. Однако топоры все еще продолжали свою ритмичную звонкоголосую песню.

Окидывая взором эту необычную флотилию, укрывшуюся под кронами могучих сосен, гвардии рядовой Иван Мытарев, прибывший сюда, как и его земляки товарищи по оружию Аркадий Барышев, Владимир Маркелов, Михаил Тихонов, с берегов Средней Волги, догадывался, что предстоит большое дело. Правда, Мытарев еще не знал, какую роль в этом деле придется ему играть. Но сейчас, когда гвардейцы стояли в обороне на южном берегу Свири, комсомолец Мытарев, рассматривая противоположный берег, занятый финнами, твердо знал: пришло время нанести сокрушительный удар по врагу.

Река Свирь — это рубеж, где осенью 1941 года со-

ветские воины остановили финские войска. Именно здесь, между Онежским и Ладожским озерами, они хотели соединиться с гитлеровскими полчищами, создать непрерывный фронт от Баренцова до Черного моря и в кольце блокады задушить Ленинград. Отсюда враг собирался двинуть свои войска на Волгу, отрезать советский Север от центра страны. Но гитлеровцы и их сателлиты просчитались. Советские воины, стойко и мужественно защищавшие каждую пядь нашей земли, остановили врага на северном берегу реки Свирь.

А. Ф. Барышев

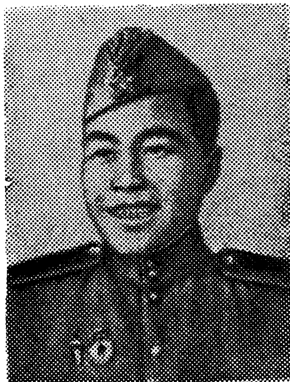
Два с половиной года отсиживались там фашистские приспешники Гитлера. Два с половиной года они укрепляли противоположный берег: опутывали его, словно пауки, бесчисленными рядами колючей проволоки, рыли окопы, строили доты, врывали в землю стальные колпаки...

Два с половиной года ждали наши бойцы приказа — «Вперед!» И вот этот долгожданный час настал.

Перед строем гвардейцев стоял капитан Матохин. Обращаясь к бойцам, он говорил:

— На очень рискованное и опасное задание нужно послать двенадцать человек.

Стройная шеренга бойцов пришла в движение. Первым вышел вперед восемнадцатилетний юноша, один из воспитанников Мелекесской средней школы Аркадий Барышев, к нему присоединились комсомольцы: из Репьевки-колхозной Майнского района Иван Мытарев, из деревни Подбельск Мелекесского района Владимир

С. Бекбосунов

Маркелов, счетовод из деревни Коржевки Инзенского района Михаил Тихонов...

Через минуту в шеренге добровольцев насчитывалось уже более полутораста патриотов, и каждый из них просил именно ему доверить это опасное задание. А выбрать нужно было только двенадцать...

— Предупреждаю, что дело трудное и рискованное, — говорил командир каждому из смельчаков, которых он отбирал для выполнения задания.— Нужно уметь хорошо плавать. Учтите, что плыть придется под сильным огнем противника... Подумайте хорошенько.

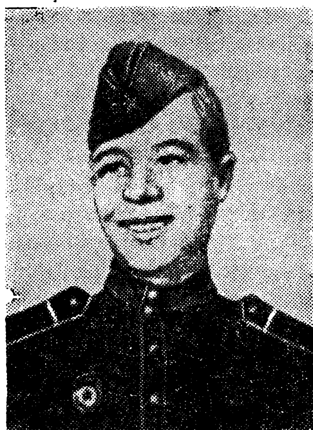

И. С. Зажигин

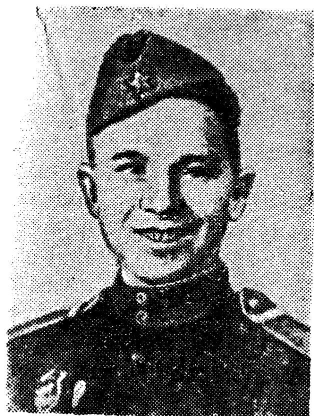
Один за другим двенадцать комсомольцев-добровольцев подходят к своему командиру и с твердой решимостью заверяют его, что ради победы над врагом они готовы даже ценою своей жизни выполнить задание командования.

До войны эти смельчаки не знали друг друга. Аркадий Барышев, Владимир Маркелов, Иван Мытарев и Михаил Тихонов жили тогда на родине Ленина, а Петр Павлов, Виктор Малышев и Михаил Попов в Куйбышевской области. В одном из пензенских сел учился на тракториста Ваня Зажигин. На Украине проводил свои последние школьные каникулы Иван Паньков, а в Казахстане — Серкаве Бекбосунов. В разных школах Ленинграда учились Владимир Немчинов и Борис Юносов.

Это были люди не только разных профессий, но и разных национальностей. Кроме русских, тут были и украинцы, и казахи, и мордва... Но всех их

В. А. Маркелов

И. П. Мытарев

объединял комсомол, любовь к своей Советской Родине.

Комсомольцы без колебания и страха шли на опасное задание. Они знали, что враг прочно укрепился на том берегу Свири. Но это не страшило их. Они верили друг в друга, верили в свои силы, в свое оружие.

* * *

Ночью ходами сообщения, пересекавшими все Лодейное Поле, группа смельчаков пробралась к переднему краю. Здесь каждый квадратный метр был пристрелян белофиннами. А на другом берегу почти к самой воде спускался лес, скрывавший в глубоких окопах и дотах противника.

Показывая на противоположный берег реки, где укрепился противник, капитан Матохин предупредил:

— Сегодня на нашем участке фронта начинается наступление. Нам предстоит форсировать реку первыми.

Иван Мытарев, Аркадий Барышев, Владимир Маркелов, Михаил Тихонов и другие с волнением устремили свои взоры на тот берег, где в ночной тишине притаился коварный враг. Наши бойцы старались рассмотреть, что делается в стане противника. Но, кроме темного леса и широкой водной глади реки, гвардейцы ничего не могли разглядеть.

В. А. Малышев

— Чтобы форсировать Свирь, — продолжал начатый разговор капитан, — надо уничтожить огневые точки переднего края противника. А они будут молчать до последней минуты...

В. И. Немчинов

— Надо заставить их заговорить! — с сердцем бросил кто-то из двенадцати.

— Правильно! — подтвердил командир. — Вот вы и должны решить эту задачу. За полчаса до начала общего наступления вы спуститесь в разных местах в воду и поплывете к другому берегу. Когда белофинны заметят вас, они не выдержат и откроют огонь. Таким образом вы заставите противника открыть свои огневые точки. Тогда в дело вступит наша артиллерия. Она подавит огневые средства врага и облегчит переправу наших войск. Понятно?

— Все ясно, товарищ командир! — почти хором ответили гвардейцы.

— А для того, чтобы противник всполошился не на шутку, — сказал в заключение капитан, — и пустил в ход все свои огневые средства, мы дадим вам помощников — плоты с чучелами солдат...

* * *

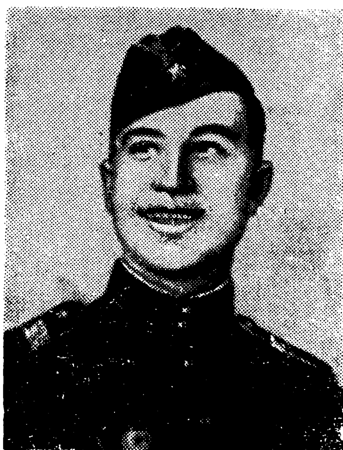
П. П. Павлов

До начала боевой операции оставались считанные часы. В эти напряженные минуты ожидания комсомольцы собрались у костра и написали письмо в редакцию фронтовой газеты «Во славу Родины». История сохранила нам этот яркий, патриотический документ.

«Мы клянемся, — писали гвардейцы, — что поставленленную задачу выполним с честью, хотя бы нам пришлось для этого пожертвовать своей жизнью.

Мы призываем всех воинов,

всех комсомольцев быть смелыми в бою, отдать все силы, а если потребуется, и жизнь для победы над врагом!..»

И. К. Паньков

У небольшого костра, укрытого от взора противника, тесным кольцом сидели Мытарев, Маркелов, Попов, Бекбосунов... Одни обсуждали предстоящую операцию. Другие писали письма родным или любимым девушкам, вспоминали родные места...

Аркадий Барышев — самый младший из двенадцати, прислонившись к дереву, смотрел куда-то вдаль и невольно вспоминал небольшой домик в приволжском городе Мелекессе, среднюю школу, где он проучился восемь лет.

Школьные годы! Какие это интересные годы! Но война помешала Аркадию, и он вынужден был оставить школу и пойти работать. Аркадий как-то сразу повзрослел.

А вскоре поезд увозил его в одно из военных училищ. Навстречу неслись пассажирские и товарные составы. В одних ехали солдаты в серых шинелях, другие везли на фронт пушки, танки, продовольствие... Поезда вихрем проносились за окном вагона. Только колеса, точно разговаривая друг с другом, монотонно постукивали: «тата-тата... тата-тата...» И в этой однообразной мелодии Барышеву отчетливо слышалось: «Надо-надо... надо-надо...»

М. Р. Попов

«Да фронту очень нужны и люди, и танки, и боеприпасы, и продовольствие», — думал Ар-

кадий и в памяти, как живые, вставали родные и товарищи по работе. Провожая в армию, они наказывали ему быть стойким и храбрым солдатом.

Барышев заверил тогда земляков, что он сумеет постоять за любимую Родину, не запятнает комсомольскую честь.

И вот сейчас Аркадий снова вспомнил наказ земляков. Ему казалось, что здесь, на фронте, он отвечает за выполнение боевого задания не только перед фронтовыми товарищами, но и перед рабочим коллективом, пославшим его на фронт.

М. И. Тихонов

К Барышеву подошел Ваня Зажигин.

— Как ты думаешь, — спросил он его, — прорвемся?

— Непременно, — уверенно заявил Барышев.

— А если финны разобьют плоты?

— Тогда без плотов поплывем...

— Ну, друзья, пора идти, — сказал старшина.

Все встали, посмотрели друг другу в лицо и крепко обнялись.

— Ну, держись, ребята, — напутствовал смельчаков командир подразделения. Говорил он спокойно, твердо. Но в этом обычном для него тоне прорывались взволнованные нотки, и они придавали его речи задушевность, отцовскую заботу. — Помните, мы на вас надеемся. И и от того, как вы будете действовать, зависит успех или провал переправы.

— Не сомневайтесь, товарищ командир, — раздались голоса комсомольцев. — Мы будем действовать по-гвардейски...

Взвилась ракета. Наша артиллерия открыла шкваль-

Б. Н. Юнасов

ный огонь по обороне противника. Это началась обработка вражеской обороны — подготовка к переправе. Орудия всех калибров безостановочно били по обороне белофиннов. В воздух поднялись десятки краснозвездных самолетов. Свой бомбовый груз они обрушили на позиции противника.

* * *

Плыть надо было в сапогах и обмундировании. Каждый взял автомат с шестью магазинами и по 720 патронов россыпью.

Еще раз проверив, все ли в порядке, отважные комсомольцы вошли в холодные воды Свири. От берега один за другим отошло несколько плотов с установленными на них чучелами солдат.

В тройке Малышева плот был разбит вражеским снарядом еще у нашего берега. Чтобы не отстать от своих товарищей, молодые гвардейцы бросились в воду и поплыли на противоположный берег без плота.

В таком же положении оказалась и другая тройка смельчаков, возглавляемая Иваном Мытаревым. Но комсомольцы не растерялись. Они вскочили на только что спущенные на воду первые плоскодонные дощатые лодки и усиленно заработали веслами.

Направляемые и подталкиваемые комсомольцами плоты и плоскодонки вскоре были уже на середине реки.

Финны, заметив плоты и бойцов, всполошились.

Не верит враг своим глазам:
Плывут — и не таясь!
«Огонь!» И всюду — здесь и там
Вдруг тишь разорвалась.

И хотя еще била наша артиллерия, через минуту вражеский берег заговорил. Ожили молчавшие до сих пор огневые точки противника, тщательно замаскированные на противоположном берегу. Финны били по смельчакам не только из пулеметов и минометов. В ход были пущены и батареи трехдюймовок.

Несмотря на ожесточенный обстрел, двенадцать смельчаков уверенно продолжали свой трудный путь по бурной реке. Холодная упругая вода стремилась снести пловцов к Ладоге, тяжелый груз патронов тянул ко

дну, стальная каска пригибала голову — трудно было даже приподнять ее, чтобы окинуть взором происходящее.

Над головами гвардейцев свистели пули, с диким воем проносились снаряды и мины, они падали в воду у самых плотов, вздымая к темному небу высокие столбы ледяной воды.

Основное задание было выполнено: двенадцать храбрецов заставили противника открыть огневые точки, притаившиеся в лесной глуши.

С нашего берега открыли огонь по обнаружившим себя огневым средствам финнов десятки пулеметов. Вступила в бой советская артиллерия, снаряды со свистом уносились в стан врага, разрушая его укрепления.

Когда наша лодейная «флотилия» оказалась на середине реки, белофинны усилили огонь из всех видов оружия. Плоты один за другим стали взлетать в воздух.

— Давай налегай! — подбодрял комсомольцев Иван Мытарев. В ту же минуту вражеская пуля пробила поплавок Мытарева.

— Держись, Иван! — крикнул ему казах Бекбосунов и вместе с куйбышевцем Поповым поспешил на помощь.

Поддерживая Мытарева с двух сторон, они вместе продолжали плыть к вражескому берегу.

В это время один из снарядов противника разорвался возле плота, позади которого плыли Барышев и Маркелов. Вместе с плотом их отбросило в сторону. Волна, поднятая взрывом, захлестнула их с головой. Студеная вода сводила судорогой их тела, захватывало дыхание.

Но комсомольцы-гвардейцы не падали духом. Преодолевая свинцовую тяжесть в теле, они настойчиво плыли вперед.

Вдруг над рекой послышалось знакомое гудение моторов. Волжане увидели в синем небе самолеты с красными звездами на крыльях.

«Взаимодействуют», — подумали гвардейцы, и на душе у них стало как-то легче, радостнее.

* * *

Отважные воины почувствовали новый прилив сил, когда увидели позади себя первые лодки с десантом.

Вскоре вся река была усеяна плотами и плоскодонками. Они стремительно неслись к финскому берегу.

В эти тревожные минуты двенадцать смельчаков, напрягая последние силы, приближались к намеченной цели.

А когда до берега оставались считанные метры, наша артиллерия перенесла свой огонь в глубь обороны противника.

Прошло еще несколько томительных минут, и группа храбрецов с автоматами в руках уже бежала по берегу.

Выскочив на песок, Аркадий Барышев, Иван Мытарев и Владимир Маркелов с криками «за Родину!» бросились вперед.

Немчинов, подтянув плоскодонку и вытащив из нее раненых бойцов, тоже устремился к вражеским окопам. Несколько правее к проволочным заграждениям подползали Бекбосунов, Тихонов и другие. Преодолев четыре ряда ржавой колючей проволоки, смельчаки ворвались в первую траншею, на дне которой валялись пустые гильзы и тела убитых финнов.

Траншея оказалась заминированной, но наши бойцы заметили мину и обезвредили ее.

Завязался жестокий бой. И тут комсомольцы услышали знакомый русский голос. Это комбат Матохин ворвался в траншею и звал смельчаков-гвардейцев вперед. Они устремились к комбату и с криками «ура!» бросились на врага. Их удар был настолько стремителен и дерзок, что превосходящие силы противника дрогнули и побежали, оставляя в окопах и траншеях снаряжение, убитых и раненых.

Но через некоторое время белофинны перешли в контратаку, пытаясь окружить горстку советских патриотов. Однако комсомольцы прочно зацепились за небольшой клочок земли, они не отступали ни на шаг, стойко отбивая одну за другой вражеские контратаки. Боеприпасы были уже на исходе, а враг продолжал упорно наседать.

Вдруг неподалеку от героев-комсомольцев раздалось громовое русское «ура!» Это бойцы гвардейской части, форсировав Свирь, спешили на помощь своим товарищам.

* * *

В тот памятный день Свирь была форсирована на всем протяжении от Онежского озера до Ладожского. Это было началом освобождения Карелии от финских захватчиков.

Правительство высоко оценило подвиг двенадцати сынов Ленинского комсомола. 21 июня 1944 года всем им было присвоено звание Героя Советского Союза.

В городе Лодейное Поле, там, где двенадцать отважных воинов совершили героический подвиг — первыми под ураганным огнем врага переправились через реку Свирь, — будет сооружен Монумент Двенадцати: памятник в честь славного подвига комсомольцев гвардейской части.

По идее автора Монумента Н. Никогосяна, на гранитном обелиске, высотою в 12 метров, будет возвышаться бронзовая шестиметровая фигура молодого бойца с поднятым в правой руке автоматом, а на постаменте — бронзовый барельеф с изображением двенадцати гвардейцев, штурмующих позиции противника.

Этот величественный памятник двенадцати героям будет в веках прославлять нашу советскую молодежь, ее силу, мужество, героизм!

В. Ерменеев,
Герой Советского Союза

БОЙ С «ЮНКЕРСАМИ»

Когда началась Великая Отечественная война, тысячи и тысячи юношей и девушек — членов Ленинского комсомола встали в ряды защитников Родины. Восемнадцатилетним парнем надел солдатскую шинель и я. После окончания полковой школы осенью 1943 года я был направлен на Ленинградский фронт. Меня назначили командиром зенитного орудия. Весь наш расчет был комсомольским.

130 дней и ночей, в мороз и вьюгу вместе с другими советскими воинами отстаивали мы колыбель революции — город Ленинград. В начале 1944 года, когда блокада Ленинграда была прорвана, наша зенитная артиллерийская дивизия приняла участие в наступательных боях сначала на Псковском направлении, а затем на Карельском перешейке. Первого мая мы были уже на подступах к Выборгу.

На всю жизнь запомнился мне день 20 июня 1944 года. В этот день наша батарея получила задачу охранять с воздуха перекресток дорог в районе местечка Хумола.

Был ясный солнечный день. Часов в одиннадцать прибыли в назначенный район и сразу получили приказ за-

нять огневые позиции. Местность для ведения огня здесь была неподходящая: кругом скалы, крупные валуны и деревья. Все же нам удалось выбрать позицию в ста пятидесяти метрах от перекрестка. Неподалеку от нас остановилась большая колонна наших войск: артиллерия, танки, пехота. Вскоре наблюдатель за воздухом доложил: «Самолет типа Ме-109!» Высоко в небе показалась темная точка — это был немецкий самолет-разведчик. Ну, если он заметил наших, то скоро нужно ожидать гостей. И действительно, спустя некоторое время сверху послышался гудящий прерывистый звук. Это шли фашистские бомбардировщики. Я подал команду «к бою» и стал искать самолеты. Из-под солнца вынырнули двадцать четыре «юнкерса».

Мы не должны были допустить, чтобы фашистские стервятники безнаказно совершили свое черное дело. И наш расчет вступил в бой. Когда в казенник орудия была вложена вторая обойма снарядов, головной самолет запылал и рухнул вниз. В это время со всех сторон на нас стали пикировать вражеские стервятники. Они, видимо, решили сначала уничтожить наше орудие, чтобы потом без помех бомбить перекресток.

Внезапно я был оглушен сильным взрывом, и взрывной волной меня отшвырнуло в сторону. Бомба упала в двух метрах от боковой станины орудия. Когда я очнулся и вскочил на ноги, то увидел, что пять человек моего расчета убиты, а первый и второй номера тяжело ранены. Один из них — наводчик Коля Мартынов еще мог держаться на ногах. Чувствую, что и сам ранен и сильно ушибся. Но тут уж было не до того. Я снял с сиденья тяжело раненного бойца — второго номера, занял его место, и вдвоем с Колей мы продолжали вести огонь. Вскоре рядом — новый разрыв! Осколками вторично ранило Мартынова, а я получил контузию и ранение в спину. Но и тут наша зенитка не смолкла. На смену наводчику встал шофер — наш последний резерв... Запылал еще один стервятник. И хотя орудие выбыло из строя, погибли товарищи, но фашисты были отогнаны. Они так и не сумели сбросить свои бомбы на заданную цель.

Когда после боя стали осматривать окружающую местность, то оказалось, что все сорок восемь бомб, сброшенных на нас «юнкерсами», упали в радиусе ста

двадцати — ста пятидесяти метров вокруг орудия. На место боя прибыл командующий противовоздушной обороны фронта. Он горячо поздравил нас с победой. За этот бой 18 ноября 1944 года мне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Войну я закончил в Берлине. С тех пор прошло много лет. Но эти годы — незабываемые. И сейчас радостно сознавать, что нынешние молодые воины знают и помнят о боевых делах нашего поколения.

Я живу на своей родине в степной заволжской деревне Аврали Мелекесского района. Здесь я работаю бригадиром комплексной бригады колхоза имени Ленина. И сюда ко мне часто приходят письма из той части, где я служил в годы войны. Молодые воины сообщают о том, как они служат и учатся, а я в своих письмах рассказываю им о делах родного колхоза, о том, как их сверстники-комсомольцы самоотверженным трудом крепят мир на земле.

Н. Кондратьев

«ПРОШУ СЧИТАТЬ МЕНЯ КОММУНИСТОМ...»

Это было в августе 1944 года. Редактор газеты «За Отчизну» Анатолий Рыбин дал мне задание—написать очерк о герое форсирования реки Нарвы. В политчасти полка я увидел комсорга, который писал донесение о комсомольцах, отличившихся в бою. Присев к столу, я прочел подчеркнутые красным карандашом такие строчки:

«Особо отличился при форсировании реки Нарвы и в траншейном бою комсомолец Владимир Николаевич Деев, которого командование представляет к званию Героя Советского Союза».

Спросив, где найти Деева, я поспешил в указанную мне восьмую роту.

В землянке Владимир Деев что-то торопливо писал. Заметив меня, вскочил, сказал смущенно:

— Вот маме письмо пишу, товарищ капитан. Сегодня у нас праздник: такой большой город взяли. Хочу с родными радостью поделиться...

Владимир Деев был из тех людей, которые запоминаются с первого взгляда. Бронзовое от загара лицо,

тонкий с горбинкой нос, строгие и в то же время освещенные неиссякаемым ликованием и гордостью глаза, пухлые юношеские губы.

* * *

Боевое крещение рядовой Владимир Деев получил под Красным Бором. Гитлеровцы занимали ключевые высоты. Советские воины сражались за каждую пядь родной земли.

Над черным, изрытым снарядами и бомбами передним краем, трепеща, вспорхнула алая ракета. Стремительно поднялась и ринулась к вражеской траншее 8-я стрелковая рота. Темный, полуразбитый, казавшийся оставленным дзот неожиданно ожил. В его черной пасти лихорадочно забился зловещий оранжевый огонек...

По рву Владимир Деев достиг желанного «мертвого пространства» и метнул в дзот гранату. В то время не было у молодого солдата опыта, а может быть, и волнение помешало — только граната не попала в амбразуру, разорвалась на земле. Пулемет умолк на минутку и вновь застрочил. До солдата донеслись стоны раненых товарищей. В его сердце поднималась ярость. Но чем уничтожить пулемет? Гранат больше не было. Вырыл из земли булыжник, бросил в амбразуру. Камень высек искры. И сразу же Деев вспомнил о зажигательных бутылках, взятых на случай встречи с танками. Подполз поближе, привстал на колено и метнул одну за другой две бутылки «жгучки-горючки» в проклятую глотку дзота. Высокая шапка дыма поднялась над поверженной огневой точкой...

В феврале 1944 года на плацдарме западнее города Нарвы 8-я рота закрепилась на главенствующей высоте «Три березы». Бойцы отбили шесть яростных атак неприятеля. Кончились патроны. Деев сполз с высоты к сраженным немцам и притащил трофейный пулемет. Солдат умело использовал его при отражении седьмой атаки. У мелкого окопчика, где стоял пулемет, разорвалась вражеская мина. Все решили: погиб Деев. Писарь роты даже послал в Ульяновск Глафире Николаевне Деевой извещение о геройской гибели сына...

Деева подобрали санитары соседней части. Будучи

уверенные, что солдат мертв, положили его на волокушу и потащили. От толчков на камнях боец очнулся, застонал...

Победил Владимир Деев смерть и вернулся в родную часть.

Новый бой — новая слава! Владимир Деев одним из первых переправился через широкую, вспененную разрывами снарядов и мин, реку Нарву.

На широком зеленом поле непрерывно поднимались и опадали черные фонтаны земли, дымился синий лес, на темном бугре четко выделялись багровые вспышки вражеского пулемета. Видно, хорошо замаскировали фашисты огневую точку, уцелела, не попала под наши снаряды. Деев вздрогнул, поняв, какая страшная опасность нависла над товарищами: вот сейчас они выскочат на открытый луг и попадут под кинжальный огонь пулемета. Надо подавить, уничтожить дзот. А поляна открытая, ровная — заметят и срежут на полпути. Деев осмотрелся и заметил заросшую высокой травой канаву, рассекающую луг. Плотно прижимаясь к вязкому дну ее, прополз метров триста.

Обрадовался, увидев распахнутую дверь дзота. Под ноги увлеченных стрельбой пулеметчиков метнул Деев «лимонку». Упругая взрывная волна качнула солдата. Вражеский пулемет умолк. Деев выпрямился. В карих глазах загорелись огоньки ликования: по широкой полянке стремительной волной катилась цепь советских солдат.

Деев помахал товарищам пилоткой, просигналил «дорога открыта» и побежал к желтевшей ленте шоссе. Слева увидел грузные столбы огня и дыма: горела многострадальная Нарва. С той стороны мчался окутанный облаками пыли немецкий грузовик. Деев хлестнул автоматной очередью по кабине. Машина метнулась вправо в кювет. Показались новые машины. Под колеса головной Деев метнул гранату. Она подпрыгнула, встала поперек дороги. Машины столкнулись. Гитлеровцы посыпались на землю. Деев открыл по ним огонь из автомата... Подоспели боевые друзья и перерезали шоссе Нарва—Таллин.

На этот рубеж восьмой роты противник двинул четыре танка и батальон пехоты. Глухо гудела, стонала земля под тяжелыми машинами. Они мяли кусты, стре-

ляли с ходу. Их нужно остановить, не пустить к дороге, иначе они вдавят в землю не успевших окопаться бойцов. Эта мысль пришла Дееву, и он пополз навстречу танкам. В руке — последняя граната. Промахнуться нельзя — раздавят гусеницы.

Не промахнулся Владимир Деев! Взрыв остановил танк. Успех сопутствует смелым! Вторую вражескую машину подорвал связкой гранат лейтенант Илларион Чурюмов.

Уцелевшие танки резко повернули назад, скрылись в роще...

Над полем сражения неудержимо прокатился могучий клич победы — «ура!». Солдаты в звездных касках расстреляли потерявших броневой щит фашистов...

* * *

Осенью 1944 года наше соединение с боями пересекло Эстонию и достигло последнего рубежа врага — сурового острова Сааремаа. Перед нами лежала узкая полоса — полуостров Сырве. Стояла задача — закончить освобождение Советской Эстонии, пройти в непрерывных атаках тридцатикилометровую косу минных полей, траншей, противотанковых рвов, колючей проволоки.

Наступавшие не имели возможности маневрировать: мешало море. Героическая попытка наших соседей — бойцов Эстонского соединения — высадить десант в тылу противника окончилась неудачей. Приходилось лобовыми атаками отбивать каждый хуторок.

В память врезался скоротечный, жесточайший бой за деревушку Инду. Кратко и выразительно высказались гвардейские «катюши», взрыли передний край мины и снаряды. Еще висело над полем тяжелое темное облако пыли и дыма, а в серое небо уже врезалась алая ракета — сигнал к атаке.

Бойцам, измученным непрерывными боями, тяжело было подниматься с земли и врываться в полосу огня, минных полей. Вечная слава тому воину, который первым поднялся и ринулся вперед, неистовый, прекрасный в своем благороднейшем порыве. Слава тебе, рядовой Владимир Деев! Ты снова возглавил атаку.

Гитлеровские пулеметчики поздно заметили Деева. Солдат сильно размахнулся и кинул гранату. Срезан-

ные осколками, сползли на дно окопа вражеские пулеметчики. Спасены от смерти друзья-побратимы. Завывая, рядом с Деевым упала вражеская мина и опрокинула любимца полка. Он порывисто поднялся, выпрямился в полный рост и рухнул на землю.

Санитары вынесли Деева из полосы огня. Я встретил его по дороге в медсанбат. Он узнал меня и рвущимся от непереносимого страдания голосом попросил:

— Возьмите в кармане документы. Напишите маме так: умер сразу, на поле боя... Маме будет легче...

— Через месяц ты сам напишешь письмо маме, Володя...

Он собрался что-то сказать, губы его шевелились, дрожали, но я больше ничего не услышал. Из кармана гимнастерки достал его документы, прошитые осколками, окропленные кровью: заявление в партию, три рекомендации и комсомольский билет. Накануне атаки он написал эти строки:

«Прошу принять меня в ряды Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Все, что есть у меня в жизни светлого и дорогого, я получил от партии большевиков. Партия учила меня любить Родину и ненавидеть ее врагов. Во имя великой любви к матери-Отчизне и смертельной ненависти к ее врагам я иду в бой. Прошу считать меня коммунистом...».

«Напишите маме», — просил он. Тяжело, трудно сообщать матери о гибели любимого сына. Я написал Глафире Николаевне большое письмо, приложил к нему вырезку из газеты — очерк о сыне. Мать вскоре ответила мне. С тех пор мы непрерывно переписываемся с ней.

Из писем я узнал, как рос юноша из Ульяновска. Школа, пионерский отряд, завод, комсомол. Когда в жизнь Володи вторглась война, он сразу же пошел в военкомат. Там ему сказали:

— Придет время, призовем.

Летом 1942 года в семью Деевых пришла тяжелая весть: в Севастополе пал смертью храбрых старший сын, Аркадий. Тогда Владимир сказал матери:

— Я должен заменить Аркадия. Собери в дорогу что полагается...

...Владимир Деев не дожил до нашей великой победы. Благодарная Родина обессмертила своего верного

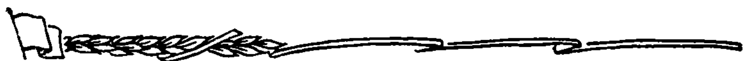
сына. Одна из улиц Ульяновска названа именем Героя Советского Союза Владимира Деева.

В древнем эстонском городе, носящем имя Виктора Кингисеппа, есть улица, огибающая старинный крепостной парк. На голубых дощечках, прикрепленных к домам, написано: «Улица Деева». В центре ее под столетними елями и кленами возвышается мраморный обелиск — памятник ратной славы — над могилой героя Владимира Николаевича Деева...

Однажды я побывал в детском доме имени Владимира Деева в Кингисеппе. Я увидел знакомый портрет фронтового друга и под ним строки:

«Будем любить Родину, как Владимир Деев...»

М. Кошкин

СЛАВНЫЙ ПУТЬ

Боевое крещение молодой офицер-артиллерист Макарычев получил в бою под городом Глуховом Сумской области. Перед подразделением, которым командовал Макарычев, была поставлена задача: обеспечить занятие выгодного рубежа для наших войск.

В первом часу ночи разведчики-наблюдатели доложили по телефону, что мимо них прошли три немецких танка и бронетранспортер с пехотой. Михаил Иванович приказал всем занять свои места и приготовиться к уничтожению разведывательного отряда противника. В его подразделении было два сапера, которые подготовили мост к взрыву. Командир отдал им приказ взорвать мост в тот момент, когда на нем появятся немецкие танки.

Вскоре Макарычев увидел силуэты приближающихся танков. Метров за триста до моста немцы пустили одну за другой три осветительные ракеты. Разведчики доложили, что пехота противника спешивается, три танка разворачиваются вдоль дороги. Макарычев мгновенно оценил обстановку и указал командирам орудий, по какому танку каждый из них должен стрелять. Снова местность осветили вспышки ракет, стал ясно виден тихо

ползущий к мосту танк. В двадцати пяти — тридцати метрах от моста танк остановился, и из него вышли три немецких солдата. Держа в руках электрические фонарики, они стали осматривать мост. В это время кто-то из бойцов не выдержал и открыл по ним огонь из винтовки. Один из немцев был убит, а двое исчезли с моста. Стоящий на дороге танк открыл огонь из пулемета и пошел вперед. Как только он стал входить на мост, раздался мощный взрыв, и вражеский танк рухнул в реку. Два других танка противника открыли пулеметный и орудийный огонь. Макарычев приказал осветить местность ракетами. В свете их хорошо стали видны два танка и перебегающая к мосту пехота. Тогда пулеметчику было приказано открыть огонь по пехоте, а двум орудиям — по танкам. С той и другой стороны темноту прорезали бесчисленные трассирующие пули. После первых двух орудийных выстрелов загорелся немецкий танк. Другой отошел и скрылся из виду. Так была одержана первая победа над врагом.

...В декабре 1941 года Макарычев был отозван с фронта и направлен преподавателем в артиллерийское училище. Но тыловая жизнь его не устраивала. Он рвался снова на фронт. В это время шла великая битва под Волгоградом. Молодой офицер все же добился своего. Получив назначение на должность заместителя начальника штаба истребительно-противотанкового артиллерийского полка, он прибыл на Донской фронт под Волгоград в 64-ю армию.

64-я армия совместно с 62-й армией уничтожала под Волгоградом окруженную группировку немецко-фашистских войск. Особую роль в этом сражении сыграла артиллерия.

— Одним из счастливейших дней в моей жизни, — вспоминает Михаил Иванович, — был день, когда я отдал распоряжение открыть огонь, чтобы поддержать стрелковый полк, которому предстояло захватить штаб 6-й немецкой армии.

Эта задача была выполнена успешно. 31 января 1943 года штаб 6-й немецкой армии был разгромлен, командующий армией фельдмаршал фон Паулюс пленен. За боевые заслуги в разгроме штаба 6-й немецкой армии и пленение фельдмаршала Паулюса Макарычев был награжден орденом Красной Звезды.

Отгрохотали пушки под Волгоградом. Истребительно-противотанковый полк резерва Верховного Главного командования перебрасывается под Курск. Здесь Макарычев, будучи уже начальником штаба полка, проявляет большие организаторские способности. В этих боях образцы массового героизма показал личный состав полка. На его участке вражеские танки не смогли прорвать нашу оборону.

25 сентября 1943 года капитан Макарычев за выдающиеся успехи в руководстве подчиненными ему подразделениями назначается командиром 496-го истребительного противотанкового полка. Вскоре этот полк в составе 6-й гвардейской армии перебрасывается на Первый Прибалтийский фронт. 23 июня полк получает боевую задачу: с частями 67-й гвардейской стрелковой дивизии выйти к реке Западная Двина, форсировать ее, захватить и удержать плацдарм, а также обеспечить форсирование главных сил армии.

На рассвете 24 июня 496-й истребительный противотанковый полк под командованием майора Макарычева, искусно маневрируя, начал стремительное продвижение и вместе со стрелковыми подразделениями вышел к реке. Противник всеми силами стремился не допустить форсирования водной преграды. Но меткий огонь артиллеристов Макарычева путал все планы врага. Передовые стрелковые подразделения под прикрытием артиллерийского огня начали успешно переправляться и зацепились за противоположный берег, расширяя плацдарм. Враг тоже не дремал. Он стал подбрасывать резервы и перешел в контратаку. Но все контратаки были отражены доблестными артиллеристами.

Вот что писала в эти дни армейская газета «За Родину»: «На Западной Двине разгоралась ожесточенная битва. Гвардейская дивизия, сломив сопротивление врага, уже приближалась к обрывистому берегу реки. Немцы, заранее укрепившись на ее противоположном берегу (левом), открыли ураганный огонь из всех видов оружия по узкой полосе берега, куда прорвались батальоны наступающей гвардии.

— Артиллеристов бы нам на подмогу, — говорили озабоченные пехотинцы. И вдруг сзади раздался артиллерийский залп, за ним последовал второй, третий.

Били батареи артиллеристов майора Макарычева, вовремя пришедшие на помощь гвардейской пехоте».

По четким командам майора Макарычева, находящегося в боевых порядках пехоты на правом берегу реки, одна за другой уничтожались огневые точки противника. Но враг огрызался, и форсирование реки задерживалось. Тогда майор Макарычев выдвинул две батареи на прямую наводку. Искусно замаскировавшись в прибрежных кустах, истребители открыли меткий огонь по наблюдательным пунктам и дзотам. Огневые точки врага были подавлены. И тогда наши пехотинцы бросились к реке и почти без потерь форсировали ее, прочно закрепившись на левом берегу.

За проявленный героизм при форсировании, захвате и расширении плацдарма на левом берегу Западной Двины майору Макарычеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июля 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза.

Советские войска успешно преследовали немецко-фашистские полчища на левом берегу Западной Двины. В боевых порядках передовых соединений Первого Прибалтийского фронта двигались артиллеристы майора Макарычева. 496-й истребительно-противотанковый полк занозой застрял в горле у фашистских захватчиков. Однажды в лесу у дороги фашисты устроили засаду. До батальона гитлеровцев внезапно атаковали 6-ю батарею. Михаил Иванович, находясь в этой батарее, приказал командиру батареи занять круговую оборону и, оценив обстановку, решил перехитрить фашистов, устроить им ловушку. Для этого майор Макарычев скрытно успел развернуть вторую батарею за боевыми порядками шестой батареи.

Гитлеровцы после предпринятых шести безуспешных ожесточенных атак на головную батарею начали, как и предполагал Макарычев, обтекать высоту, на которой сражалась шестая батарея. Немцы намеревались внезапно атаковать артиллеристов с тыла и уничтожить их. Но как только фашисты стали обходить высоту, их встретил неожиданный губительный огонь орудий второй батареи. Вражеская засада была полностью разгромлена. На поле боя осталось более ста пятидесяти трупов солдат и офицеров противника, а шестьдесят гитлеровцев сдались в плен отважным артиллеристам.

* * *

Отгремели пушки, закончилась война. Но Михаил Иванович Макарычев остался в рядах Советской Армии. В 1950 году он с отличием окончил Высшую офицерскую артиллерийскую школу, и ему было присвоено воинское звание полковника. В 1951 году полковнику Макарычеву командование оказало высокое доверие, направив его на учебу в Военную академию имени М. В. Фрунзе.

В настоящее время наш земляк, уроженец села Гулеевки Сурского района, Герой Советского Союза генерал-майор Макарычев отдает все свои силы и знания воспитанию офицерских кадров. Его боевая жизнь является для них ярким, живым примером доблести и отваги в защите священных завоеваний советского народа.

А. Шарипов

НА МИННОМ ПОЛЕ

В 1944 году февраль выдался холодным. Михаил Хватков третий час лежал на мерзлой земле. Ветер пронизывал его насквозь. До полной расчистки прохода во вражеском минном поле оставалось извлечь только одну мину. Но как это сделать? Она установлена не как остальные, в ней есть что-то секретное. От сапера требовалась большая осторожность.

А между тем срок выполнения задания подходил к концу. Хватков то и дело посматривал на часы. До рассвета оставалось минут тридцать. С рассветом должна начаться наша артиллерийская подготовка.

В распоряжении Хваткова оставалось не более двадцати минут. Он спешил. Сапер отогревал руки и вновь начинал окровавленными ногтями осторожно отгребать мерзлую землю от мины. Пальцы нащупали взрыватель. Вот уже несколько минут Хватков пытается разгадать тайну вражеской мины. Каждую секунду она может взорваться, каждое неосторожное движение несет смерть. Его усталые от чрезмерного напряжения глаза обнаружили отсутствие чеки. Это означало: при малейшем не-

осторожном движении он мог взлететь на воздух. Еще несколько секунд прошло в тревожных поисках секрета взрывателя. Хватков решается взамен чеки вставить предохранительную проволочку. От сильного перенапряжения его охватила дрожь. Нельзя прикасаться к взрывателю дрожащими пальцами: малейший неточный толчок может привести к взрыву.

Наконец-то он овладел собой. Дрожь прошла. Хватков пытался направить гвоздь в отверстие, но тот не входил. Что делать?

Кроме перочинного ножа, у сапера ничего не было. Этим ножом он принялся скоблить гвоздь. От мороза пальцы начали терять чувствительность, а с лица градом лился пот. Наконец-то гвоздь вошел в отверстие. Часы показывали начало артиллерийской подготовки...

Где-то сзади заговорили пушки. Над головой с шелестом пронеслись снаряды. Земля заходила ходуном, и огневой вал стал передвигаться от противника в сторону Хваткова.

Убедившись, что гвоздь прочно засел в отверстии, сапер спокойно продолжал работу. Хватков потихоньку начал поворачивать головку предохранителя так, чтобы красная точка стала против белой полоски. Сапер знает, что там написано «зихер», что означает «безопасно». Сделав это, Хватков облегченно вздохнул.

Для верности Хватков еще раз осмотрел мину: нет ли боковых взрывателей. Их не оказалось. «А что, если фашисты поставили дополнительно донный взрыватель?» — подумал Хватков. Неопределенность не давала ему покоя, и он не мог уходить с поля, не выполнив приказа до конца. Ведь если остался донный взрыватель, то именно это может стать причиной гибели советского танка.

И окоченевшие пальцы вновь начали выгребать мерзлую землю из-под мины. Вдруг под миной пальцы нащупали проволоку. Так и есть: от донного взрывателя тянется чуть ослабленная проволока. Снова начинается головоломка: перерезать проволоку или еще раз посмотреть? Может быть, она была натянута и держит на пружине ударник? А отрежь ее — и громыхнет страшный взрыв. У Хваткова нет больше времени на раздумье. Он подносит кусачки к проволоке, хочет перерезать ее, но в последнюю минуту останавливается.

Хватков еще раз посмотрел на проволочку под миной и, твердо убедившись, что она рассчитана на натяжку, смело перерезал ее, взял мину и отбросил в сторону.

Давно наступил рассвет. Наша артиллерия перенесла огонь в глубину обороны противника. Гитлеровцы не замечали Хваткова, пока он работал в лощине, скрытой от вражеских взоров. Теперь он полз в свою сторону. Фашисты увидели сапера, сделавшего проход в их минном поле, и открыли по нему огонь.

Хватков благополучно вернулся в расположение своей части. Командир танкового батальона тепло встретил храброго сапера.

* * *

...Советские войска летом 1944 года, освобождая Советскую Прибалтику, вышли к Западной Двине. Перед гвардейским саперным батальоном, в котором служил Михаил Хватков, была поставлена боевая задача: обеспечить частям дивизии форсирование реки без какой-либо подготовки, прямо с ходу.

В воздухе висели фашистские самолеты, от взрывов бомб вокруг переправы поднимались огромные фонтаны воды. Во все стороны с визгом разлетались осколки. Не успел затихнуть грохот первых разрывов, как над переправой показались новые бомбардировщики. Но гвардеец Хватков продолжал переправлять солдат, вооружение и боевую технику на противоположный берег.

Вражеская артиллерия выводила из строя лодку за лодкой, паром за паромом. Гитлеровцы любой ценой стремились опрокинуть советские передовые подразделения на противоположном берегу и ликвидировать наш плацдарм.

Плот Михаила Хваткова под ураганным огнем противника, словно невидимка, достигал противоположного берега, высаживал бойцов и возвращался снова. Хватков уже переправил шестьдесят человек, восемь станковых пулеметов, тридцать ящиков с боеприпасами и с плацдарма переправил семь раненых.

Но вот снова налетели вражеские самолеты. На этот раз один стервятник спикировал прямо на плот Хваткова. Прямым попаданием бомбы плот был разбит. Отваж-

ный сапер Михаил Петрович Хватков геройски погиб на своем боевом посту. Но воины, которых он успел переправить, удержали плацдарм и обеспечили переправу главных сил. Противник был разгромлен. Советские войска продолжали успешно развивать наступление.

Советская Родина высоко оценила подвиг молодого сапера. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 марта 1945 года за образцовое выполнение боевых заданий командования по форсированию реки Западная Двина и проявленные при этом отвагу и геройство ефрейтору Хваткову Михаилу Петровичу, уроженцу села Луговая Ульяновского района, посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В. Радыльчук

ПОСЛАНЕЦ С ВОЛГИ

Обнажив голову, человек давно стоял перед памятником, точно в забытьи. Дежурный милиционер Чернов уже второй раз обходил большой парк, а незнакомец был все на том же месте.

Вот он поднял голову, медленно обошел памятник, молча читая фамилии, высеченные на боковых гранях: X. Ахметгалин, П. Сыроежкин, Ф. Ашмаров, Ч. Уразов, Т. Тайгараев, Т. Карабаев, М. Шкураков, М. Чернов, Я. Шакуров, У. Абдулаев.

Этот монумент воздвигли трудящиеся латвийского города Лудза. Десять имен. Десять Героев Советского Союза.

Милиционер подошел к незнакомцу и с участием спросил:

— Видно, похоронен здесь кто-то из ваших родных?

Незнакомец повернул голову. В глазах этого поседевшего человека сверкали слезы.

— Да, родные. Все — родные!

Потом добавил:

— Я — десятый: Урун Абдулаев, — и показал строчку, высеченную на камне.

Постовой даже отступил на шаг. На его лице отразились одновременно и удивление, и любопытство, и недоверие. Как так!?

— Вы не удивляйтесь, я — Урун Абдулаев, из далекой Кара-Калпакской автономной республики.

И «воскресший» Герой Советского Союза поведал милиционеру о своей жизни.

После двух лет страданий в фашистских лагерях смерти и в американских лагерях «для перемещенных лиц» он всего второй день на родной советской земле. Вчера их на корабле привезли, наконец, в Ригу.

Сегодня он поездом выехал на восток.

Случайно узнал в вагоне о памятнике в Лудзе, услышал одну знакомую фамилию, решил сделать остановку. Да, это памятник его взводу, в составе которого он воевал с гитлеровцами.

Но не здесь, не в этом красивом парке, сражались они! Постовой объяснил, что это верно, герои погибли на высотке у деревни Сунуплява Зилуппского района. Позже их останки были перенесены в Лудзу и похоронены с воинскими почестями.

Милиционер несказанно обрадовался этой необыкновенной встрече. Он увел Абдулаева к себе домой, принял как самого дорогого гостя. Заодно поинтересовался и тем, хорошо ли он знал Чернова. Дело в том, что у постового во время войны без вести пропал брат Михаил Чернов. Родом он из Саратовской области. Не его ли брат здесь похоронен?

Абдулаев задумался, потом отрицательно покачал головой. Младшего сержанта звали Матвеем Степановичем. Правда, он тоже из Поволжья. Но не Саратовской, а, кажется, Ульяновской области. Точно! Он вспомнил, как Матвей Чернов рассказывал о посещении Дома-музея В. И. Ленина в Ульяновске, о своем родном селе Малой Якушке.

...Абдулаев неторопливо рассказывал.

— Нас было одиннадцать. Почему нет на камне Андронова? Может быть, живой? Командовал нами старший сержант Ахметгалин — молодой, но храбрый командир. Кавалер ордена Славы и нескольких медалей. Хорошие, смелые люди были в нашем взводе. Храбро дрались под Орлом, брали Белгород, Смоленск, Невель. У Матвея Чернова тоже был орден Славы.

Гнали мы фашистов уже с латвийской земли. Леса здесь густые, много топких болот и озер, среди которых петляют дороги. Гитлеровцы перекрыли дороги артиллерией и танками. Они торопились вывести свои части и технику из окружения.

Наше командование подтянуло дальнобойные орудия. Но ведь за тридцать километров стрелять — надо видеть, куда бьешь. Глаза нужны! Вот мы, одиннадцать человек, и были этими «глазами».

В тыл врага пошел весь наш взвод, одиннадцать человек. Матвей Чернов пулеметчик был лихой. И по радио мог передавать. Переправились мы ночью через озеро, а по болоту — ползком. Выбрались в лесок. Идем гуськом. Время близилось к полудню. Оглянулся наш командир, выбрал высотку покрупнее, такую, чтоб над другими возвышалась. Мы — туда. На склоне, видим, четыре домика прилепились. Мы на самую макушку горы забрались. Голая она — ни деревца, ни кустика. Зато видно отсюда все, как на ладони.

Дорога. Вот она! И выползают на нее из леса тягачи, огромные тяжелые пушки тащат.

Матвей Чернов, радист-любитель, быстренько по радио связался с нашими, объяснил, где мы, куда надо стрелять. Ну и вдарили наши дальнобойные.

Опустела дорога.

Потом приехали фрицы на машинах, тягачи пригнали, начали дорогу подправлять. Мы эту мелочь не трогаем, ждем что покрупнее попадется.

Прошло часа три, и фашисты пустили по дороге колонну машин. Мы — сигнал. Два залпа — и нет колонны.

Тут-то, похоже, сообразили они, что это не случайный артналет. Подбросили пехоту. Начинают по холмикам шарить, меж кустиков шнырять. Добираются и до нашей высоты. Нас им в траве не видно, подпустили их шагов на сорок и ударили. Изо всех пулеметов. Они бежать!

Теперь мы обнаружены. Окопались, как могли, круговую оборону заняли. А они на всех ближних холмах поставили тяжелые пулеметы и строчат. Наш командир приказал на восток проделать выход. На это дело пошли Чернов, Андронов и я. Не пошли — поползли, конечно. Ударили из двух пулеметов — расчистили дорогу. Вернулись к своим окопам, а фашисты, как саранча, лезут.

У нас раненые появились. Ошмарова ранило осколком, Сыроежкина — пулей в ногу. А Матвею Чернову вражеская пуля угодила в плечо. Рацию его тоже вдребезги разбило.

Но фашисты не знали, что связь у нас прекратилась. Ну и боялись они технику по дороге гнать (а обходов нет). И пока мы держались — ни одна машина не прошла по дороге.

Наступила ночь. Атаки не прекращаются. Ракеты небо освещают, пулеметы строчат, мины рвутся. Шакуров убит, командир — без сознания. Перевязал его Сыроежкин, принял командование. У меня рука прострелена, Шкуракову осколками спину посекло, а у Матвея Чернова еще одно ранение — в ноге осколок. Но не унимается Матвей: даст две-три очереди и на другую позицию перебирается.

Страшной смертью умер Чатан Уразов. Раненый уже забрался он с пулеметом на сарай, на сеновал. Загорелся сарай, а Уразов все стрелял. Так и погиб в пламени.

А тут новая беда — патроны на исходе. Посылает меня Тайгараев. Ползи, говорит, вон к той куче дохлых фашистов, забери их автоматы да гранат побольше прихвати. Я ползу. Но враги заметили меня на полдороге. Небо ракетами обвешали — весь я на виду. И отрезали меня от своих. Из пулеметов бьют выше меня, а мины плотно кладут, одну к другой. Враги наседают, я отстреливаюсь. Одна мина совсем близко ухнула. И я больше ничего не помню...

* * *

Абдулаев не знал о последних часах боя. Он не знал, что на выручку к нему пополз раненый Шкураков, которого он, Абдулаев, под Орлом вынес с поля боя. Но друг не пробился через огненную стену. Еще одним защитником стало меньше.

И все же ни одна фашистская машина не прошла по дороге. На застрявшую в лесах технику противника вскоре обрушились залпы родной корпусной артиллерии, огневые смерчи «катюш». Советские войска сломили сопротивление врага.

Когда 375-й стрелковый полк подошел на выручку своим разведчикам, на высоте оставался в живых один человек — бывший московский слесарь, пулеметчик Ва-

силий Андронов. Раненный осколками, истекающий кровью, он один отстаивал круговую оборону, переползая с пулеметом от одной ячейки к другой.

От него и узнали однополчане о героическом подвиге одиннадцати отважных советских солдат.

* * *

Никогда не увядают цветы у подножия памятника Героям Советского Союза. Под золотой звездой ярко горят скорбные и гордые слова: «Вечная слава героям!»

Под тяжелым камнем в братской могиле спят вечным сном освободители советской земли — представители семи национальностей, пришедшие на помощь братскому латышскому народу. Среди них покоится и посланец с Волги, сын чувашского народа колхозник из Малой Якушки Матвей Степанович Чернов.

А. Ермолаев

ЗАСАДА

Наступила весна. Прошел теплый дождь. Почки на деревьях набухли, и из-под бурой оболочки их уже проступали зеленые язычки будущих листочков. Над городскими садами с громким криком суетились грачи, поправляя старые и строя новые гнезда.

На Южной улице Ульяновска, около школы, собрались восьмиклассники. Они только что вернулись с экскурсии — побывали в Доме-музее В. И. Ленина. Расходиться по домам не хотелось. Как-то сам собой возник разговор о будущем, о том, кем быть, какую дорогу выбрать в жизни. Было высказано много различных мнений, поделились самыми заветными мыслями. Нелегкая эта задача: выбрать из многих интересных, увлекательных дел такое, которое было бы для тебя самым интересным...

Этот день крепко запал в душу Александра Пильникова, худощавого черноволосого юноши...

А через два месяца вспыхнула война. Впоследствии Пильников вспоминал об этих днях: «Мы, восьмиклассники, видели, как уходили на фронт наши отцы и братья.

Среди нас уже не было разговоров о том, какая работа интересней. Было ясно: наиболее важной для страны в те дни стала профессия солдата».

Через месяц после начала войны Александр Пильников простился со своей школой и ушел добровольцем в армию. Его направили во 2-е Ульяновское танковое училище. В 1943 году он уже вел свой танковый взвод на запад по полям и дорогам Смоленщины и Белоруссии.

«Врага бьют не числом, а умением». Пильникову хорошо запомнились эти суворовские слова.

В одном из боев на Рижском направлении летом 1944 года взвод Пильникова поддерживал действия стрелкового батальона, наступавшего на высоту 76,8. Сильный пулеметный огонь с этой высоты прижимал нашу пехоту к земле. Произошла заминка.

Танки Пильникова пошли вперед. Ведя огонь с ходу, они ворвались на высоту и начали «утюжить» вражеские позиции. Шесть фашистских пулеметов раздавлено. Высота взята!

Танки помчались дальше, вперед. Немцы начали артиллерийский обстрел. Один танк подбили. Пильников отвел оставшиеся два танка в укрытие и оттуда стал наблюдать за полем боя.

Впереди на расстоянии 800—900 метров из-за кустарника выкатились два противотанковых орудия, а немного подальше, на опушке леса, показались три «тигра» и около батальона пехоты. Немцы готовились к контратаке — отбить высоту обратно.

Пильников быстро нанес появившиеся цели на карту и сообщил по радио их координаты нашим артиллеристам. Через несколько минут над танкистами просвистали снаряды и разорвались на опушке леса. Пехота залегла. Но орудия оставались невредимыми.

«Нужно точнее дать их координаты. — И Пильников продолжает наблюдение. — Ага, они недалеко от кургана — южнее на 150 метров».

В эфир полетело новое, более точное целеуказание. Вскоре сосредоточенный огонь артиллерийского дивизиона накрыл цель: противотанковые орудия были подавлены. Затем над полем боя появились наши самолеты. Они нанесли бомбовый удар по фашистской пехоте и «тиграм». Как оказалось впоследствии, артиллеристы

хорошо принимали целеуказания Пильникова, а потом они вызвали авиацию.

За умелые действия Пильников был назначен командиром роты. Рота Пильникова нанесла врагу немалый урон.

Передо мной краткая заметка из фронтовой газеты, рассказывающая о боевых делах танкистов.

«Эх, и дали мы немцу жару, долго будет помнить!»— говорили танкисты роты лейтенанта Александра Пильникова после боя. В этот день рота Пильникова подбила и сожгла восемь вражеских танков. А недавно, в последних схватках, танкисты Пильникова вновь показали себя. Они подбили два «тигра», уничтожили четыре пушки, двадцать пулеметов с расчетами и истребили до роты гитлеровцев.

— Добьем фашистов здесь, в Прибалтике, и пойдем на Берлин, выкуривать Гитлера из его берлоги, — улыбаясь, говорит лейтенант Пильников...

В те дни советские войска, развивая наступление в Прибалтике, прижимали немецкие армии все ближе к берегу моря. Для немцев возникла угроза, что их прибалтийская группировка будет отрезана от Восточной Пруссии.

Чувствуя начало своего окружения, враг предпринял отчаянные попытки разорвать сжавшие его железные тиски. Его яростные атаки не прекращались ни днем, ни ночью.

Часть, в которой служил лейтенант Пильников, действовала в районе литовского города Шауляй. Вечером 21 августа Пильников получил приказ срочно явиться в штаб.

За большим столом над разостланной картой склонился начальник штаба. Рядом с ним стоял капитан с артиллерийскими значками на погонах.

— Товарищ майор, командир роты лейтенант Пильников прибыл по вашему приказанию.

Начштаба подозвал его к карте.

— Обстановка такова: по данным разведки, на участке нашей бригады противник концентрирует танки и пехоту. Вероятно, намерен контратаковать нас и прорвать линию фронта где-то в этом районе.— Карандаш начштаба описал в воздухе над картой круг. — Вам вместе с противотанковой батареей капитана Кирмано-

вича встать в засаду и перекрыть шоссе вот здесь. — Начштаба показал на перекресток дорог. — Вы должны отстоять эту дорогу и не пропустить по ней врага.

Уточнив по карте район засады и свою задачу, Пильников возвратился в роту.

Под покровом августовской ночи танкисты с батарейцами двинулись в заданный район. Пильников, находясь в головной машине, вел колонну. Сверяясь по карте и спидометру, он следил за маршрутом. Дорога шла лесом. Из низин тянуло сыростью: чувствовалась близость болот. Потом немного посветлело — вышли на открытое место. Во мгле промелькнули силуэты телефонных столбов.

— Стой! — Пильников вглядывался в темноту. — Вон он, перекресток...

Здесь на опушке леса, справа от шоссе, Пильников расставил свои четыре танка. По другую сторону дороги заняли позиции противотанковые орудия.

Серело. Начинался рассвет... Вскоре до слуха донесся гул моторов, который все нарастал: вдоль дороги шла вражеская колонна.

Впереди показался танк. Он медленно выполз из-за высотки и, остановившись в полутора километрах, стал обшаривать перископом опушку. Но надежно замаскированные среди деревьев и кустарников советские орудия и танки ничем не выдали себя. Не обнаружив ничего подозрительного, передний танк подал остальным сигнал продолжать движение.

В это время наблюдатель доложил командиру роты:

— Тридцать шесть танков и самоходок! За ними — бронетранспортеры с пехотой!

«Тридцать шесть танков против четырех и одной батареи!.. Ну, что ж. Будем стоять до последнего!» — думал лейтенант, разглядывая в бинокль поле предстоящего боя.

— Подпустить немцев на близкое расстояние. Огонь открывать только по моей команде! — приказал он.

Через несколько минут уже хорошо были видны вражеские машины. Поднимая густую пыль, шли по обочине дороги «тигры» и тяжелые «фердинанды». Следом двигались средние танки. Колонна шла прямо на засаду.

Вот до нее уже осталось меньше километра... Семьсот метров... Пятьсот...

— Огонь!

И опушка леса внезапно заговорила. Залпом ударили противотанковые пушки и, как эхо, орудия «тридцатьчетверок».

Лощину между холмами и лесной опушкой заволокло дымом. Немецкие машины, разойдясь по полю, обрушили на засаду шквал ответного огня. Несколько их машин уже дымилось, но бой продолжался с нарастающей силой. Озверевший враг напрягал все усилия, чтобы прорваться вперед по шоссе.

Снаряд «фердинанда» угодил в машину коммуниста Логинова. Танк загорелся, но из него еще продолжали вести огонь...

— Сокол-три, Сокол-три! — кричал в микрофон Пильников. — Логинов, жив ли ты, слышишь меня?

Ответа не было. Теперь пламя из горевшего танка все сильней вырывалось наружу. Он уже не стрелял...

Обращаясь к остальным экипажам, Пильников крикнул:

— Отомстим за Логинова и его экипаж! Огонь!

Но вот тяжелый снаряд хлестнул по башне командирского танка. Пильников сделал еще два выстрела, а потом почувствовал острую боль в бедре. Силы оставили его. Тут он увидел, что к нему уже подбирался огонь. Загорелась одежда. Нестерпимо жгло лицо, руки... Далее он уже ничего не чувствовал.

Механик-водитель и заряжающий с трудом вытащили своего командира из горящего танка.

А бой продолжался. Два уцелевших танка и батарея продолжали вести по противнику смертоносный огонь... И немцы не выдержали. Оставив на поле боя половину своих машин (десять подбили танкисты и восемь — батарейцы), они стали отходить.

Враг не прошел!..

Раненый и обожженный Пильников вскоре поправился и продолжал громить врага.

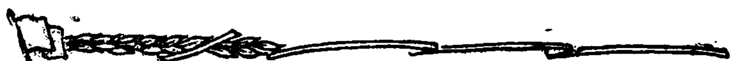
* * *

После окончания войны Герой Советского Союза Александр Пильников был направлен на учебу в Выс-

шую офицерскую бронетанковую школу, а впоследствии, в 1955 году, окончил Академию бронетанковых войск.

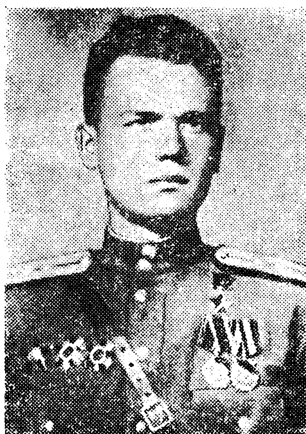
Сейчас гвардии полковник Пильников продолжает службу в рядах Советской Армии.

П. Фролов

НА УЛИЦАХ ВИЛЬНЮСА

На третьем этаже средней школы № 27 Вильнюса имеется большой красиво украшенный зал. Учащиеся называют его залом славы. Здесь помещены портреты воинов, которые являются героями боев за литовскую столицу в июле 1944 года.

...Капитан Курин командовал артиллерийской батареей.

Уже в первых числах июля 1944 года начались бои на литовской земле.

Появление советских войск в пригороде Вильнюса — Найя—Вильня—вызвало панику среди гитлеровцев. Слаженно действовали советские артиллеристы под командой капитана Курина. В этом бою они уничтожили три самоходных орудия и до роты фашистов. Остатки немецких войск бежали по направлению центра города или рассеялись по холмам и лесам, которых так много у Вильнюса...

— По машинам! — отдал приказание капитан.

Из всех артиллеристов, сражавшихся за литовскую столицу, батарея капитана Курина оказалась первой на улицах города. Утром 9 июля советские воины были на холмах Лиепкальниса, откуда открывался вид на весь

город. Видны были клубы дыма и копоти. Это гитлеровцы подожгли отдельные кварталы и здания, в которых находились компрометирующие их документы. Все же изуродовать город фашистам не удалось. Этому помешали наши войска.

Днем начались бои в районе вокзала.

— Наша батарея находилась в боевых порядках пехоты, — рассказывает Курин. — Прямой наводкой мы уничтожали огневые точки противника на привокзальных улицах.

Гитлеровский гарнизон был окружен полностью. Фашисты делали попытки прорвать окружение в районе Вилкпеде и в районе моста имени Адама Мицкевича через реку Нерис, где заняла боевую позицию батарея капитана Курина.

С отчаянием обреченных, не считаясь с потерями, фашисты наступали на мост. Батарея, стреляя прямой наводкой, уничтожила двадцать пять автомашин, нанесла урон живой силе противника.

Командир артполка гвардии подполковник Ларионов, представляя капитана Курина к награде, писал, что, «твердо удерживая плацдарм, ведя уличные бои в Вильнюсе, батарея тов. Курина была контратакована противником. Командир батареи был тяжело ранен. Но он не бросил своих артиллеристов и продолжал командовать. В этом неравном бою капитан получил семь ранений. Потерявшего сознание офицера вынес с поля битвы санитар...»

А дело было так. У моста началась рукопашная схватка. Патроны в автомате капитана кончились, и он стрелял по врагу из пистолета. Несколько гитлеровских солдат бросилось на советского офицера. Одного он убил из пистолета, но другой фашист успел бросить гранату под ноги капитану. Герой очнулся в госпитале в Молодечно.

Вот почему в зале славы Вильнюсской школы среди портретов двадцати шести Героев Советского Союза, которым это звание было присвоено за подвиги при освобождении города, имеется и портрет Героя Советского Союза Курина Алексея Васильевича.

Отважный артиллерист родился на Волге в городе Ульяновске. В мае 1941 года комсомолец Курин ушел на фронт. К моменту боев в Литве был награжден двумя

орденами Отечественной войны и орденом Красной Звезды.

После лечения Герой Советского Союза Алексей Васильевич Курин был демобилизован и возвратился к мирному труду. Ныне он живет и работает в Москве.

П. Слесарев

ЕДИНОБОРСТВО

Уходя в армию, тракторист комсомолец Закария Хусаинов на прощание сказал своим односельчанам:

— Постараюсь не посрамить чести хлебороба!

Великую Отечественную войну Закария Хусаинов начал командиром танка. И уже в 1942 году в одном из тяжелых оборонительных боев он доказал, что его слово твердое.

...Гитлеровцы яростно атаковали рубеж, занятый советскими войсками. Перед танкистами была поставлена задача: отразить натиск врага, не дать ему просочиться в тыл наших боевых порядков.

Подразделение советских танков смело ринулось навстречу гитлеровцам, вклинившимся тут и там в расположение пехоты.

— Огонь по фашистским танкам! — командовал Хусаинов. И, как бы еще раз напоминая испытанный тактический прием, добавил: — Точней прицел, бить только наверняка и по бортам, по гусеницам!..

Наши танкисты действовали дерзко и расчетливо. Они показали отличную тактическую выучку, высокую

маневренность, умелое использование рельефа местности. Благодаря этому им удалось уничтожить несколько немецких боевых машин и до роты гитлеровских автоматчиков. В числе самых отважных, чей огонь нанес врагу наибольший урон, был Закария Хусаинов. За этот подвиг он был награжден орденом Красной Звезды.

Вскоре разгорелась великая битва у стен волжской твердыни — Волгограда.

Среди его защитников был и Закария Хусаинов. Его экипаж отражал яростные атаки врага, вел меткий огонь из засад...

Близился час освобождения Волгограда от гитлеровской нечисти. Еще в предутренней темноте на юге и севере многострадального города гулко и мощно заговорила наша артиллерия. Небо разграфили огненные хвосты «катюш».

Полк, в котором служил Закария Хусаинов, пошел в атаку. Танк отважного командира мчался сквозь разрывы снарядов и мин, сокрушая на своем пути орудийные расчеты и живую силу врага. Немецкая армия фельдмаршала Паулюса была окружена и капитулировала.

В начале октября 1944 года конно-механизированная группа, которой командовал гвардии лейтенант Плиев, была брошена в рейд по глубоким тылам врага, старавшегося из последних сил удержать ключевые позиции в Румынии и Венгрии. В составе этого соединения действовал и прославленный танковый полк, в котором служил старшина Закария Хусаинов. Его танк прошел к этому времени по дорогам войны уже свыше 1200 километров.

Конно-механизированная группа успешно громила фашистские полчища, сея панику в его тылу, уничтожая живую силу, боевую технику и важные оборонные объекты. Танкисты собирались выступить в очередной поход, сделать новый смелый бросок в тыл врага с целью занять важный узел дорог. И, как всегда, перед маршем Красное знамя части вручалось на хранение самому надежному и отважному экипажу. На этот раз честь хранить самую дорогую реликвию полка поручили экипажу Хусаинова.

Грозно выстроились в ряд могучие танки. Недвижно замерли в строю танкисты. Командир части полковник

Огнев, вручая Красное знамя Закарию Хусаинову, сказал:

— Товарищ старшина! Мы доверяем вам хранить это знамя. Берегите его, как зеницу ока!

Принимая боевое Красное знамя из рук полковника, Хусаинов сказал взволнованно:

— Буду беречь, пуще жизни своей!

И, сделав четкий поворот, чеканя строевой шаг, понес боевое знамя к танку.

Это было перед рассветом 11 октября 1944 года. Танковый полк стал тараном соединения и ринулся к населенному пункту Хайду-Соват. Огнем и гусеницами он сметал со своего пути резервы немцев, спешившие к фронту, чтобы закрыть образовавшиеся в нем бреши. Вместе с остальными экипажами в этом памятном рейде участвовал и танк старшины Хусаинова.

Неожиданно мотор танка стал давать перебои, готовый вот-вот совсем захлебнуться.

«Что с ним такое? — подумал Хусаинов. — Надо осмотреть его». И он приказал механику-водителю остановить машину. На регулировку зажигания ушло с полчаса времени. Мотор теперь работал по-прежнему мерно и мощно.

— Вперед, крейсерскую скорость! — приказал Хусаинов. Уже совсем рассвело, и местность просматривалась четко и далеко. Танк летел по шоссе так, что ветер свистел в ушах. Да и как же иначе! Требовалось быстрее догнать свою часть. Как знать, может быть, она где-нибудь ведет тяжелый встречный бой.

Вдруг километрах в трех впереди Хусаинов увидел колонну боевых машин, двигавшихся навстречу.

«Свои или немцы?» — задумался старшина и припал к танковому прицелу.

Но за встречной колонной уже следил башенный стрелок Родин. Спустя секунду-другую он крикнул:

— Немцы, товарищ старшина!

Теперь и Хусаинов разглядел, что за танками двигались бронетранспортеры с пехотой. А впереди них шла, словно на параде, легковая автомашина с штабными офицерами. Хусаинов приказал механику быстро свернуть с дороги и замаскироваться в кустарнике.

— Приготовиться к бою! — резко бросил Хусаинов и еще раз посмотрел в прицел.

Сомнений не оставалось. Приближалась моторизованная вражеская колонна, в голове которой двигалось восемнадцать тяжелых танков типа «тигр» и «пантера». На повороте шоссе были ясно видны на их бортовой броне черные кресты свастики в белых квадратах.

Силы были явно неравными. Но, вспомнив, что в танке боевое знамя части, Хусаинов приказал:

— Бронебойным, заряжай! Первый снаряд по легковой машине! Мотор не глушить!

Вот до легковой машины, сверкавшей никелем фар и отделки, осталось пятьсот—четыреста—триста метров. Родин, державший ее уже давно в перекрестии прицела, нетерпеливо покосился на командира. Неужели он сомневается в точности выстрела?

— Огонь! — крикнул Хусаинов.

Танк вздрогнул от толчка. В башне запахло кисловатым запахом пороховых газов. Значит, и второй снаряд наготове. Легковая машина перевернулась на обочину, окутанная дымом.

— По колонне танков огонь, огонь, огонь! — продолжал рубить рукой воздух Хусаинов.

Загорелся один «тигр», завертелась на месте окутанная черным облаком «пантера», взлетел на воздух бронетранспортер.

— Сменить позицию! — приказал Хусаинов водителю Таранухе.

Танк одним броском переместился на восемьдесят шагов в сторону. И вовремя. Немцы уже засекли, откуда велся по ним огонь. Танки врага расползались по шоссе в сторону и с ходу открыли огонь по засеченному месту. Но их снаряды ложились мимо цели.

— Огонь! — скомандовал Хусаинов. — Пусть думают немцы, что перед ними не один, а несколько танков. Это заставит их быть более осторожными.

Но гитлеровцы, несколько отступив и перестроившись, снова ринулись в атаку. Их мотопехота, спешившись, цепочкой двигалась за танками. В кустарнике густо рвались вражеские снаряды. Осколки их то и дело барабанили по броне.

Один из снарядов попал в башню, оглушив танкистов и заклинив поворотный механизм.

— Из пушки и пулемета — по врагу! — скомандовал Хусаинов и тут же увидел, что с фланга вплотную

подходят два «тигра». Загорелась еще одна «пантера». Танк мог вести огонь теперь, только поворачиваясь всем корпусом. Это до предела осложнило оборону.

Требовалось какое-то новое, дерзкое решение, которое бы ошеломило немцев, внесло в их ряды панику.

— Не прекращая огня и маневра, попробуйте устранить неисправность, — приказал Хусаинов наводчику.— А я пока встречу тех, что зашли во фланг.

Он выпрыгнул из башенного люка и, маскируясь за кустарником, выбежал на его опушку. «Тигры» были уже в пятидесяти шагах. Вот до них осталось двадцать, затем десять шагов.

Фашистские экипажи еще не видели советский танк. И тут Хусаинов, поднявшись во весь свой богатырский рост, метнул под гусеницы ближайшего «тигра» связку гранат.

Раздался взрыв. Другой «тигр» резко развернулся и бросился наутек. Со связкой новых гранат Хусаинов сделал еще несколько неверных шагов и рухнул на землю.

Спустя немного времени трусливо откатились назад немецкие танки и прятавшаяся за ней мотопехота. Десятки трупов гитлеровцев валялись на поле боя, горело шесть машин, поднимая к небу черные столбы дыма.

Что подумали, как оценили обстановку гитлеровцы? Вероятно, они решили, что в перелеске не только танки русских, но и русская, беззаветно храбрая пехота. Пробиваться сквозь такой бронированный заслон, потеряв треть танков, они сочли, видимо, рискованным предприятием. Чтобы сберечь боевую технику и живую силу, они решили обойти, обтечь неожиданную засаду. Вскоре их колонна сошла на соседнюю дорогу и скрылась из глаз. Не нашли нужным они выставить на шоссе и встречную засаду.

В сумерки израненный, но по-прежнему грозный советский танк догнал свою часть. При подходе к ней знаменосец, башенный стрелок Родин развернул Красное знамя. А на броне танка лежало тело старшины Хусаинова.

И когда тело старшины Хусаинова бережно положили на землю, все танкисты сняли ребристые кожаные шлемы, склонив головы в скорбном молчании. Прах героя был похоронен на венгерской земле.

В родном селе на центральной площади стоит скромный бронзовый бюст Хусаинова. Свято чтут ульяновцы светлую память своего бесстрашного земляка, которому посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

В. Фридман

ПОЕДИНОК

Рокот моторов нарастал. Теперь уже сомнения быть не могло: двигались танки. Только чьи— свои или чужие? Гадать было некогда. Вскинув карабин, Николай выстрелил вверх — «тревога». Но не успело еще утихнуть эхо выстрела, как землю потряс артиллерийский залп: танки с ходу открыли огонь. В деревне запылали дома.

Николай быстро оттащил в сторону доски и ветки, которыми было замаскировано орудие, дослал в ствол первый снаряд, приготовился открыть огонь.

Восемь «фердинандов», стреляя с ходу, шли прямо на орудие, за которым стоял гвардии сержант Николай Чиженков. Поединок восьми стальных чудовищ с одним русским парнем начался...

...Гудят, гудят в поле тракторы. Один, второй, третий. Ночь спустилась на землю. Тишина. Но по-прежнему урчат тракторы, а лучи их фар нет-нет да и выхватят из темноты одинокий куст или насторожившегося суслика. Бригада Сержантова, тезки Чиженкова, ведет весеннюю пахоту. На передней машине — Николай Чиженков.

Как хорошо сидеть вот так за штурвалом трактора, вдыхать запах свежевспаханной земли, наслаждаться прохладой апрельской ночи, вспоминать прошлое и думать о будущем!

Уже более пятнадцати лет прошло с тех пор, как отгремели над землей залпы орудий. Миллионы людей вновь возвратились к мирному труду. И среди них кавалер Золотой Звезды Николай Чиженков. Уже растут у него три дочурки с такими, как у отца, серыми глазами. Хорошо, когда нет войны, когда после работы можно спокойно идти по родной земле, где тебе знаком каждый кустик, каждая тропинка. Идти домой, где тебя так ждут...

— Стой! Стой! Да ты что, оглох совсем?

Только теперь в свете фар Николай заметил тракториста Дьерова. Его машина стояла справа.

Чиженков притормозил машину.

— Стой, говорю. Помоги, браток.

Николай выключил зажигание, остановил трактор и легко спрыгнул на землю.

— Кричу, кричу, а ты не слышишь. Замечтался что ли? — улыбаясь, заговорил Дьеров. — Помоги, встал что-то.

Николай, загребая сапогами землю, направился к машине. Он свободно разбирался в тонкостях трактора и без труда обнаружил неисправность: у скоростной коробки вывернулся болт, поэтому отказал блокирующий механизм. Минут через десять машина Дьерова вновь шла своим курсом, а Николай направился к будке; его сменщик Хасан Хайрулин, заступивший на смену, уже завел трактор.

В будке никого не было. Наскоро перекусив, Николай вышел из вагончика. Положив под голову телогрейку, он прилег на солому и задумался...

Тогда была такая же темная ночь. Апрельская ночь 1945 года. Артиллерийский противотанковый полк, в котором Николай служил наводчиком орудия, только что выбил фашистов из небольшой немецкой деревушки. Советская Армия, громя захватчиков, перешла границу Польши, вступила на территорию фашистской Германии.

Уставшие, измотанные непрерывными боями бойцы расположились на отдых. Орудие, которым командовал

старший сержант Александр Байбут, стояло у края асфальтированного шоссе, метрах в тридцати от крайнего дома деревушки. Оставив у орудия Чиженкова, расчет ушел на отдых.

Николай притащил с ближайшего огорода несколько охапок сухих веток, замаскировал ими орудие.

Теперь можно бы и отдохнуть.

После утомительного перехода ныли ноги, болела спина. Сон смежал глаза. Большим усилием воли Николай заставлял себя держаться на ногах. Вглядываясь в темноту весенней ночи, он ходил вокруг орудия. Двенадцать шагов в одну сторону, двенадцать — в другую. Николай ходил и думал о том, что скоро конец войне, что скоро увидит родных стариков — отца, мать; вновь, как и до войны, сядет за руль трактора.

Мысли его неожиданно оборвались. От леса, что находился в полукилометре от деревушки, послышался рокот моторов. Николай знал, что еще днем в сторону фронта ушел батальон советских танков, механизированные подразделения. Поэтому вначале он не придал этому особого значения. Рев моторов танков и лязг гусениц быстро нарастали. Земля гудела. Танки шли по полю один за другим. Покачиваясь на выбоинах, они медленно расползались по желтому полю.

За сотню метров впереди орудия Николая громыхнули выстрелы. В деревне запылали дома.

...Видели вы когда-нибудь, как вскрываются реки? С грохотом лопаются льдины, но до настоящего половодья еще далеко. Дни проходят за днями, а ледяной панцирь еще крепок, и нет у реки сил сбросить его. По кусочку обламывает она лед, и не заметишь, когда дрогнет ледяной покров, затрещит и затем стремительно понесется, наползая на берега. Это уже настоящее половодье...

Так и в жизни. Трудно иногда определить, когда родилась та сила, те чувства, которые повели человека на подвиг...

Первый танк остановился от орудия метрах в пятидесяти, продолжая вести огонь. Спрыгнувшие с танка фашисты уже бежали по шоссе к деревне. И вдруг безмолвное шоссе «заговорило». Чиженков прямой наводкой открыл огонь.

Первый снаряд скользнул по покатой башне, а другой тут же ударил в борт, и танк, выскочив из дыма, с лязгом круто развернулся, расстилая по земле широкий и тяжелый пласт гусениц. Дергаясь всем своим неуклюжим корпусом, он повернулся задом к пушке. В этот момент в него попал еще снаряд — раздался такой грохот, что тряхнуло все поле, высоко взмахнуло густое пламя, и черный дым, клубясь, поднялся, как от огромного костра.

Следующим снарядом Чиженков зажег еще один «фердинанд». Танк заметался. Делая крутые развороты, бросился назад, стряхивая огонь. Но огонь держался на нем цепко...

Три танка уже горели, как факелы. А Николай все стрелял, стрелял. «Фердинанды» отступили. Бросив пехоту, они развернулись и торопливо ушли в сторону леса.

Всего двадцать минут продолжался этот неравный бой советского солдата Николая Чиженкова с бронированными чудовищами и ротой фашистов. Догорали подбитые «фердинанды», на дороге и в поле валялись фашистские солдаты и офицеры.

Так закончился этот поединок советского сержанта Николая Чиженкова с восьмеркой фашистских танков. А через некоторое время в Кремле Николаю Чиженкову были вручены Звезда Героя Советского Союза и орден Ленина.

* * *

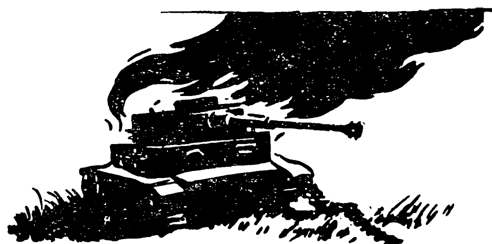
Давно отгремела война. Советские люди успешно строят мирную счастливую жизнь. Николай Чиженков снова в строю на трудовом фронте.

На праздник передовиков сельского хозяйства съехались трактористы и комбайнеры, животноводы и кукурузоводы. Один за другим подходят они к столу, где их сердечно приветствуют руководители областных организаций, вручают подарки.

— Ульяновский исполком областного Совета, — читает председательствующий, — награждает Почетной грамотой Чиженкова Николая Николаевича, тракторн-

ста колхоза «Победа» Ульяновского района, за высокопроизводительное использование техники...

К столу подходит высокий худощавый человек. На лацкане его пиджака горят Звезда Героя и орден Ленина. Зал аплодирует гвардейцу колхозных полей.

П. Слесарев

НАД ТИССОЙ РЕКОЙ

Шесть лет назад Григорий Федорович Васянин вышел на пенсию. Поседели некогда темные и красивые волосы. Морщины наложили на лицо свою неизгладимую печать. Но все еще задорно и молодо сверкают его глаза. А когда он вспоминает минувшие боевые дни, то как-то сразу весь преображается. А вспомнить ему есть что...

Еще совсем юношей стал Григорий Федорович бойцом 24-й Железной дивизии, в составе которой он дрался с белогвардейцами на Урале, освобождал Оренбург, Орск. Будучи рядовым 2-го отдельного гаубичного дивизиона, громил Врангеля.

И когда началась Великая Отечественная война, Григорий Федорович пришел одним из первых в Кузоватовский райвоенкомат и сказал:

— Прошу послать меня на фронт. Имею боевой опыт двух войн.

— Ваш год еще не призывается, — ответили Васянину.

— Не по повестке, а по зову сердца хочу идти на фронт, — спокойно и твердо ответил Григорий Федорович. Это было сказано так искренне, так убедительно,

что в райвоенкомате сделали для пожилого человека исключение.

Так рядовой запаса Григорий Федорович Васянин попал на фронт и был зачислен сапером в 337-й отдельный саперный батальон.

В дни, когда немецкая армия катилась на запад, и отличился Григорий Федорович. Наши войска вышли к реке Тиссе. Противоположный, обрывистый берег немцы превратили в неприступный бастион, стремясь преградить продвижение советских войск на столицу Венгрии — Будапешт.

Командир саперного батальона капитан Тибаев, собрав личный состав части, сказал:

— Перед нами поставлена задача: форсировать Тиссу, закрепиться на правом берегу реки с тем, чтобы, накопив силы, отбросить немцев дальше, на запад.

Тут же капитан рассказал, что представляет собой река Тисса. Режим ее очень капризен. Уровень воды в реке непостоянен и порой за сутки меняется несколько раз.

Под конец капитан добавил:

— Табельные средства ввиду быстрого продвижения наших войск вперед остались где-то в глубоком тылу, и когда прибудут, — неизвестно. Поэтому надо использовать для переправы все, что можно.

Десантную группу возглавил сапер лейтенант Ивакин. Двенадцать бойцов с двумя станковыми пулеметами разместились в двух лодках. Было за полдень, когда первая лодка, в которой находился рядовой Васянин, вышла из кустов и быстро направилась поперек бурного течения.

Гитлеровцы заметили их и открыли шквальный огонь из автоматов и минометов. Вода вокруг десантников словно закипела.

Наметанный глаз бывалого солдата Васянина точно определил, откуда стреляют по лодке. Как только наш пулеметчик накрыл основную цель, огонь со стороны противника стал реже. Видно было, что его ведут одиночные автоматчики и то откуда-то с флангов, издалека.

Лодки между тем быстро приближались к другому берегу, по которому открыла огонь советская артиллерия.

— Приготовить гранаты! — крикнул со второй лодки лейтенант Ивакин, но тотчас охнул, как-то обмяк и повалился набок. Пуля попала офицеру в живот, и десант лишился своего командира. Это внесло некоторое замешательство. Но тут поднялся Григорий Федорович и крикнул:

— Ребята, круши гадов! — и метнул гранату в траншею. В ту же минуту лодки уткнулись в песок. Васянин первым выскочил на берег, а за ним и остальные бойцы.

Рукопашная схватка длилась несколько минут. Оставив четверых убитыми, немцы бежали на верхнюю террасу берега. Расставив пулеметы по концам траншеи, Григорий Федорович наказал пулеметчикам, указывая на гребень берега, за которым засели немцы:

— Этот гребень держать под особым прицелом!

Лейтенант Ивакин лежал в лодке и стонал.

— Что, худо? — участливо спросил Васянин.

— Жжет все внутри! — скрипя зубами, ответил офицер.

— Потерпи, пройдет, — утешал Григорий Федорович и, посадив в лодку еще двух бойцов, приказал им плыть в обратный путь.

Немцы, ошеломленные первой неудачей, вели редкий и беспорядочный огонь. Но, когда высадилась вторая группа десанта, они усилили натиск. Обстановка осложнилась.

С высоты верхней террасы берега немцы, осмелев, с близкого расстояния стали бить по занятой советскими бойцами траншее. Усилен был огонь и по реке. Из-за этого одна из лодок с бойцами была вынуждена возвратиться обратно.

«Так дело не пойдет, — подумал Васянин. — Без пополнения нас здесь перебьют, как цыплят, и все пойдет насмарку».

Среди советских солдат было ранено еще несколько человек.

— Неужто ждать будем? — сказал кто-то из бойцов с тревогой.

— Товарищи бойцы! — посуровевшим, решительным голосом сказал Васянин.

Солдаты с уважением взглянули на непокрытую

седую голову старика. Все с нетерпением ожидали, что скажет Васянин.

— Я так смекаю, — продолжал Григорий Федорович. — Сидеть на одном месте нам нет никакого смысла. Надо непременно занять вот этот гребешок, — и показал на возвышавшийся над ними выступ берега.

Через несколько минут Васянин разделил бойцов на две группы, и они кустами по-пластунски двинулись в обход гребня берега с флангов. Пулеметчикам же Васянин приказал усилить огонь по гребню, чтобы отвлечь внимание фашистов на себя.

Тактический замысел рядового сапера Васянина оправдался полностью. Внезапной атакой с флангов советские солдаты через полчаса заняли ключевую позицию немцев, многих из них, спасавшихся бегством, пригвоздили к земле пулеметными очередями и минами. Фашисты были отброшены метров на восемьсот, до строений ближайшего населенного пункта.

Теперь впереди расстилалась ровная, хорошо просматриваемая местность. А главное — река Тисса на этом участке уже вышла из зоны прицельного огня немцев. Теперь можно было спокойно подбрасывать новые силы на занятый плацдарм.

— Зорче смотрите, ребятки, перед собой, — распорядился Васянин.

Выбрав для пулеметов удобный обстрел, Васянин побежал по обрывистому берегу к реке. Он ни на минуту не забывал, что главная его задача сейчас, как сапера, — обеспечить переброску живой силы и техники на захваченный клочок берега.

Подбежав к воде, Григорий Федорович взглянул вперед и тут же широко и радостно улыбнулся: Тиссу пересекло уже несколько лодок с бойцами, пулеметами и минометами. Из одной лодки вышел командир батальона капитан Тибаев, из другой—командир роты капитан Ковалев. Они недолго посовещались между собой, и командир роты окликнул Васянина:

— Будешь здесь за старшего. Надо немедленно перебросить трос через Тиссу и навести паромную переправу.

С большим трудом удалось на утлой лодчонке доставить стальной трос на захваченный берег реки и там закрепить его.

— Молодцы! Быстро управились с делом, — похвалил саперов командир батальона капитан Тибаев.

Однако немцы не смирились со своим поражением. Выше переправы они бросали в Тиссу бревна, дрова, обломки деревянных построек и другие плавучие предметы. Цель одна — сорвать трос, вывести нашу переправу из строя. Саперы днем и ночью вылавливали эти предметы, а где можно, пропускали их под трос. Крупные бревна ловили на подходе и отводили к берегу.

Видя бесполезность своих попыток сорвать переправу советских войск таким путем, немцы сбросили в реку крупные обломки деревянного моста и сколоченные бревна. Хитрость их была раскрыта не сразу. Когда Васянин увидел приближающиеся бревна и секции моста, он с товарищами на лодках бросился им навстречу. Тросы для буксировки были в каждой лодке.

— Отвести на буксире эту штуковину к берегу, — приказал Васянин и умело захлестнул трос мертвым узлом за одну из переводин. Так же был закреплен и второй трос. Но когда они натянулись, раздался взрыв. Воздушной волной выбило Васянина из лодки, а осколками мины ранило в руку. Контуженого товарища саперы быстро извлекли из воды.

Придя в сознание, Васянин сказал:

— Бывает и хуже. Быстрее гребите, ребятки...

Обломки моста отбуксировали к берегу и здесь разминировали их. Но еще не окончили саперы это опасное дело, как прибежал автоматчик и, увидев Васянина, крикнул:

— Скорее, вас генерал требует!..

И вот рядовой сапер, раненый и контуженый, стоит перед командиром дивизии.

— Это он самый? — обратился генерал-лейтенант к группе уже знакомых Васянину солдат, с которыми он переправлялся через реку, брал первую и верхнюю траншеи.

— Так точно! — ответил один из пулеметчиков.

— Вы руководили атакой? — спросил генерал-лейтенант теперь уже самого Васянина.

В голове еще шумело от контузии, а в глазах временами рябило.

— Мы... все атаковали! — ответил старик-сапер.

Командир дивизии что-то спросил у командира са-

перного батальона Тибаева, затем подошел к рядовому саперу и, крепко пожав ему руку, сказал:

— Благодарю! Спасибо!

Это было 9 ноября 1944 года над бурной Тиссой. А 24 марта 1945 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил Григорию Федоровичу Васянину звание Героя Советского Союза.

Н. Малинин

ИСПЫТАНИЕ ОГНЕМ

Егор полюбил землю с детства, когда, бывало, увязавшись за отцом, выезжал еще до солнышка в поля, встречая там росные рассветы и провожая вечерние зори.

Он уже много знал и многое умел, двенадцатилетний крестьянский парнишка, когда его отец Терентий Воробьев вместе с другими тимерсянскими мужиками проголосовал за колхоз.

Как и многие из его деревенских сверстников, Егор Воробьев не задумывался над своим будущим. Здесь, в чувашском селе Средние Тимерсяны, на этой неласковой земле жили и трудились, добывая свой нелегкий хлеб, его отец, деды и прадеды. Изменять вековой традиции не было у него ни резона, ни интереса. Тем более теперь, когда жизнь села пошла по новой, еще не изведанной колее.

Егор не думал, что первый колхозный трактор, перепахав межи на полях, оставит такую заметную борозду в его собственной судьбе. Обыкновенный колесный «путиловец» показался ему чудом, этаким железным грохочущим богатырем, наделенным неукротимой и неизбывной силой. А управлял этой силой, казалось, легко

и весело обыкновенный человек. «Значит, и я смогу. Вот закончу школу и выучусь на тракториста».

И как раз, когда Егор окончил сельскую семилетку, в МТС открылись курсы трактористов. Тогда его еще не взяли: шестнадцати не было. Вот на плуг, прицепщиком, — пожалуйста.

Ой, так это же просто замечательно! Прицепщик — почти что тракторист. Ну, не вовсе, конечно, а, можно сказать, его первый помощник.

Проработал Егор сезона два — и без курсов трактор изучил. Бывало, что и за руль садился, с позволения, конечно. Ну, а уж когда на курсы пошел, — легко было. Через пять месяцев — пожалуйста: тракторист с полными правами.

Когда Егор вел трактор по таким милым сердцу полям, чувствуя всем существом трепетный пульс двигателя, ему хотелось петь. Петь или кричать: глядите, люди, как мы живем теперь! Это наши поля, это наша земля! Живи, человек, трудись, человек!

Иногда он пел. В ту пору была популярной песня из кинофильма:

Мы с железным конем
Все поля обойдем,
Соберем и посеем и вспашем.
И врагу никогда, никогда, никогда
Не гулять по республикам нашим.

Егор Воробьев был не просто хорошим трактористом. Люди заметили, что есть в нем что-то особенное, выделявшее его среди других, — этакая явная жилка организатора, рассудительного и хозяйственного человека. Его выдвинули сначала помощником бригадира, а вскоре и бригадиром тракторной бригады.

Отсюда, из бригадиров, и пошел он в армию, на действительную. Была осень 1938 года. И мог ли тогда предполагать Егор Воробьев, что он вернется к облюбованной им мирной профессии хлебороба лишь через долгие семь лет! И тем более не мог думать, что вернется в родные Тимерсяны со Звездой Героя Советского Союза.

Случилось так, что первое боевое крещение Егор получил на Халхин-Голе. Он служил шофером в автобатальоне, обеспечивая боевое питание частей, громивших

японских захватчиков. Не успели отгреметь орудия на Дальнем Востоке, как заговорили они на Западе — на советско-финской границе.

На финский фронт Егор попал уже как «обстрелянный Воробьев». Здесь, в карельских снегах, под разрывами снарядов его приняли в партию.

Весной 1941 года Егор демобилизовался. Родное село встретило его буйной зеленью полей, запахом полевых трав и цветов. Мирная земля, благоухающая природа и покойная тишина казались незыблемыми и вечными, как само мироздание. Верилось: «врагу никогда не гулять по республикам нашим».

Но не успел солдат сменить военное обмундирование на гражданскую одежду, как грянула новая беда.

Теперь Егор пришел в армию уже не тем неуклюжим штатским деревенским парнем, а зрелым воином, знающим, что такое война.

И все-таки эта война оказалась необычной. Не такой, как Халхин-Гол, и не такой, как финская.

Это была война на испытание всех сил и возможностей человека.

* * *

Егор мог считать, что ему не повезло. Он мотался в подразделениях обеспечения — в санитарной роте, в саперном батальоне, в дорожно-эксплуатационном батальоне. А у него кипела в душе такая злость, такая ненависть к вероломному врагу, что хотелось сразу в бой, на передний край.

Но на фронте воюет не только тот, кто в первом эшелоне. Действующая армия — сложный организм, где все важно, где каждый боец нужен. И, может быть, бойцы дорожно-эксплуатационного батальона и не ходили ни в атаку, ни в разведку, может, они и не получали наград, но они делают свое дело, очень нужное, без которого нельзя обойтись.

Чем только не приходилось заниматься Егору Воробьеву! В его личном деле среди документов сохранился послужной список. Только на одной страничке этого списка, отражающей всего один год службы Воробьева в 26-м отдельном дорожно-эксплуатационном батальоне, записано восемь благодарностей.

Когда читаешь эти записи, замечаешь в Егоре Воробьеве черты бывалого русского солдата Василия Теркина, который, не гоняясь за чинами и наградами, все умеет делать и делает, как надо...

За первые годы войны Егор Воробьев испытал все: горечь отступления, окружение, ранение, госпиталь. В душе копились и росли злость и ненависть к врагу. На танк бы, в бой, крушить и мять врага — вот о чем мечтал в то время тракторист Воробьев.

Он написал командиру батальона рапорт с просьбой отправить на передовые позиции. Никакого ответа. Тогда — второй рапорт.

И вот он, коммунист Егор Воробьев, отправляется в штаб фронта с пакетом. А в пакете — документ.

«Тов. Воробьев Е. Т. в 26-м ОДЭБ с марта 1943 года. За это время показал себя высокодисциплинированным, энергичным, настойчивым. Начатое дело доводит до конца. Проявляет разумную инициативу. Тов. Воробьев — высококвалифицированный шофер, хорошо знает все типы машин, машины любит... За отличное выполнение приказаний командования имеет восемь поощрений. Добровольно изъявил согласие служить в танковых частях. Ходатайствую об удовлетворении желания тов. Воробьева. Командир 26-го ОДЭБ подполковник Розовский».

Воробьеву всегда казалось, что он невезучий. Ну, так и есть: в танковую часть Егор не попал.

— Коммунист! — сказали ему в политотделе штаба фронта. — Очень хорошо. Нужен парторг роты в 23-й гвардейский воздушно-десантный полк. Вот назначение. Выполняйте!

— Есть!..

Дивизия, в которую входил полк, действовала на территории Польши. Наступала зима 1944 года. Немцы, отступая, дрались жестоко, с отчаянностью обреченных.

И вот тут-то, на последнем этапе войны, и пришлось Егору Воробьеву пройти испытание огнем. Тут-то и раскрылась в полной мере душа воина-коммуниста.

* * *

В разведку были назначены двое: лейтенант Болдовский и парторг роты автоматчиков младший сержант Воробьев. Задание: проникнуть в расположение сильно ук-

репленных позиций врага, уточнить его силы и огневые точки...

Лейтенант Болдовский, веселый, немного озорной, смелый до дерзости москвич, и осторожный, по-крестьянски расчетливый Воробьев взаимно дополняли друг друга. Они незаметно пробрались в укрепленное гитлеровцами местечко. Была глухая ночь и настороженная тишина. Разведчики уже сделали свое дело. Оставалось определить месторасположение штаба. Они двигались задворками от дома к дому и у одного из них по едва заметным, только для разведчиков понятным приметам поняли, что это и есть штаб.

У лейтенанта Болдовского мелькнула дерзкая мысль. Он дал знак Егору. Прыжок в сторону часового — и тот без звука рухнул на землю. Разведчики молниеносно юркнули в обнесенный оградой двор. Там стоял танк. Прильнув к нему, они услышали густой пьяный храп гитлеровских танкистов. Болдовский жестами дал понять, что надо захватить танк. Сам он полез в верхний открытый люк, Егор — в передний люк водителя. Немецкие танкисты дрыхли. Покончить с фашистами было делом одной минуты. Егор быстро окинул взглядом незнакомую систему вождения, сориентировался и нажал на стартер. Мотор бешено взревел, и танк рванулся... но рванулся не вперед, а назад. Значит, Егор дал не ту скорость. Он переключил рычаги — и машина сразу вымахнула на улицу.

Лейтенант Болдовский тем временем развернул орудийную башню и прямой наводкой ударил по штабу. В смотровую щель он увидел, как взлетели к небу кирпичи и доски, полыхнуло пламя, ошалело заметались гитлеровцы. Еще выстрел, еще... А танк уже за пределами местечка.

...Шел январь 1945 года. Лавина советских войск катилась все дальше и дальше, к сердцу гитлеровской Германии. 23-й гвардейский воздушно-десантный полк действовал как стрелковый. Он был всегда на прорыве, на штурме, а в составе полка на самых трудных участках была рота, которую парторг Егор Воробьев поднимал и увлекал личным примером отваги и мужества.

В районе села Стопница при прорыве вражеской обороны роте Воробьева сильно мешали немецкие автомат-

чики, хорошо замаскировавшиеся в бурьяне. Воробьев быстро выполз во фланг немцам, уложил их огнем автомата и расчистил путь своим стрелкам. На западной окраине этого села снова создалась опасная ситуация. Воробьев повторил маневр. Зайдя вместе с санинструктором Мустяца немцам в тыл, они убили четырех автоматчиков, захватили в плен пулеметный расчет, открыли огонь по немцам и обеспечили выполнение боевой задачи роте и батальону в целом.

Жаркими были бои при расширении плацдарма на западном берегу реки Одер. 27 января 1945 года противник атаковал и несколько потеснил к берегу первый стрелковый батальон дивизии. Создалась угроза, что немцы сбросят батальон в реку. И тут пришла на выручку рота Воробьева. Он на этот раз был не только парторгом, но и заменил выбывшего из строя командира. Егор поднял роту в атаку. Он лично уничтожил восемнадцать гитлеровцев и захватил тяжелый пулемет противника. Плацдарм был удержан.

Такое в то время случалось каждодневно. Егор Воробьев, как указывалось в представлении его к награде, за месяц лично уничтожил девяносто семь гитлеровцев и шесть пулеметов противника, девять немцев взял в плен.

Описание двух последних эпизодов хочется передать скупыми словами донесения:

«4 февраля 1945 года немцы, выбитые нашими танками, стали отходить из с. Лаугвитц. Тов. Воробьев взял два автомата и ручной пулемет, выдвинулся от роты на четыреста метров вперед, вброд перешел ручей, невзирая на холодную воду, пересек немцам путь отступления, подпустил на расстояние пятидесяти метров и расстрелял вместе с рядовым Кваблюком сорок четыре гитлеровца и четверых взял в плен.

10 февраля 1945 года при отражении контратаки противника на с. Эрлебуш лег за станковый пулемет и остановил противника. Был тяжело ранен миной, но продолжал вести огонь, пока не была отражена контратака».

На этом для Воробьева война закончилась. Мир встретил его в госпитале. Однажды медицинская сестра читала раненым вслух газету. И вдруг вскрикнула:

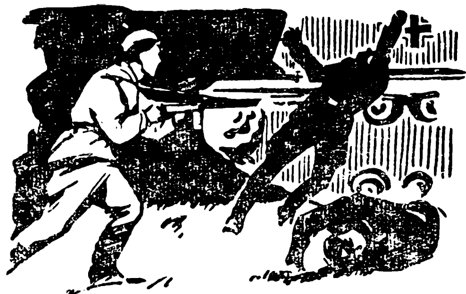
— Воробьев! Это, наверное, про вас!

В газете был опубликован Указ Президиума Верхов-

ного Совета СССР от 27 июня 1945 года о присвоении Воробьеву Егору Терентьевичу звания Героя Советского Союза.

Сейчас Егор Терентьевич живет в родном селе Средние Тимерсяны Ульяновской области. Это большое чувашское село. Собственно, есть три села: Нижние, Средние и Верхние Тимерсяны. Они почти слились воедино, растянувшись километров на двенадцать. Но спросите здесь любого, где живет Егор Терентьевич Воробьев, вам скажут:

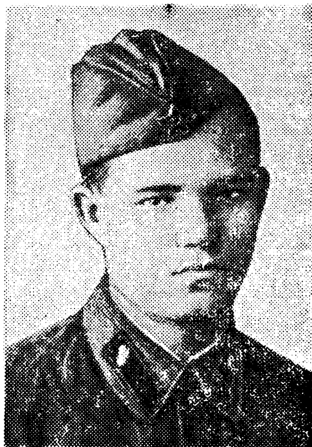
— Герой Советского Союза? Тот, что плотником в колхозной строительной бригаде? Как только кончатся Нижние Тимерсяны, перейдите по мостику овражек — третий дом направо.

П. Мельников
Генерал-майор танковых войск, Герой Советского Союза

БАТАЛЬОН ИДЕТ ВПЕРЕД...

С фотографии на меня смотрит худощавый юноша в форме курсанта-танкиста. Хотя подписи не видно, но я сразу узнаю его. Да, это он — Алеша Карабанов!

Вот и выписка из его учетной карточки: Алексей Алексеевич Карабанов, окончил в 1940 году с отличием Ульяновское танковое училище, уроженец села Годяйкино Инзенского района Ульяновской области.

...Впервые я познакомился с ним в июле 1944 года на Сандомирском плацдарме. Это был уже не тот худощавый юнец, что запечатлен на фотографии в комнате боевой славы училища. Мне жал руку возмужалый, сосредоточенный, со смелым взглядом офицер.

— Командир батальона майор Карабанов, — представился он.

В бою под местечком Лопата самоходному артиллерийскому полку, которым тогда я командовал, пришлось взаимодействовать с его батальоном. Во время боя слышу по радио распоряжение Карабанова:

— Снарядов осталось мало. Танки противника унич-

тожать из-за укрытия наверняка, с одного снаряда. Ни одного лишнего выстрела!

И сам подавал в этом пример: умело используя в качестве укрытия кустарники, он подпускал немецкие танки на двести-триста метров и расстреливал их в упор.

После успешных боев на Сандомирском плацдарме наши части вышли на короткий отдых в район Львова. Здесь мы часто встречались с Алешей Карабановым: его батальон стоял по соседству с нами. Но и в этой обстановке ему не сиделось без дела. Каждый день в батальоне шли учения: танкисты «штурмовали» высоты, укрепления, ходили в разведку. Уставшим бойцам он всегда говорил: «Победа куется в учебе. Здесь мы учимся побеждать врага «малой кровью».

А вечером, когда заканчивались занятия, Алеша обычно подсаживался к бойцам и запевал с ними песни. Особенно любил он волжские и украинские песни. Строгий и требовательный по службе, майор Карабанов в то же время проявлял постоянную заботу о подчиненных. Среди офицеров и солдат он пользовался большим уважением, хотя по возрасту был моложе многих. Солдаты ласково называли его «батей».

Еще ближе мы с Алексеем познакомились во время Висло-Одерской операции. Батальон Карабанова действовал в составе прославленной гвардейской танковой бригады под командованием дважды Героя Советского Союза полковника Гусаковского.

В середине января 1945 года бригаде была поставлена задача: действуя в передовом отряде, войти в прорыв, сделать бросок по тылам врага, выйти на реку Пилица в районе Новое Място, форсировать ее и, заняв плацдарм, преградить отход на запад частям 25-й немецкой танковой дивизии. Задача была сложной. В авангард комбриг поставил батальон Карабанова, усилив его ротой самоходок, ротой автоматчиков и артиллерийской батареей. Гусаковский хорошо знал своего Алешу — горячего, самолюбивого, смелого. Комбриг никогда не говорил ему: «Добейся любой ценой». Для Алексея у него были другие слова: «Береги танки и людей».

Помню, как перед операцией Алеша подошел ко мне и попросил, чтобы я ему выделил роту самоходок Николая Поливады.

— Мы с Николаем понимаем друг друга с полуслова, — сказал он, — и мне легче с ним будет действовать.

Авангардный батальон должен был проложить путь главным силам бригады. Карабанов хорошо понимал, что от действия его батальона во многом зависит успех операции. С выходом на реку Пилица наши войска отрезают всю главную группировку немцев на Висле южнее Варшавы, не давая им отойти на запад и закрепиться на новых рубежах.

Действовать в тылу врага — это стихия Карабанова. Его батальон хорошо сколочен, легко управляем. Делая смелые броски, он появлялся там, где противник его не ожидал. Как ураган, налетал он на врага, сметая мощным огнем и гусеницами все со своего пути. Там, где прошел Алексей со своим батальоном, не нужно было ставить указки и регулировщиков — дорога была хорошо заметна: повсюду валялись разбитые фашистские танки, автомашины, бронетранспортеры.

Пройдя с боями восемьдесят километров, батальон в ночь вышел в назначенный район на реку Пилица и приступил к форсированию ее. Под прикрытием огня танков и самоходок автоматчики перешли по льду на другой берег и захватили небольшой плацдарм. Теперь главное заключалось в том, чтобы, сдерживая натиск врага, взорвать лед и преодолеть вброд реку глубиной в полтора метра.

Но вот саперы сделали свое дело, и танки Карабанова с самоходками Николая Поливады опустились в холодную воду. Глыбы льда затирали машины, экипажи находились в воде, обстановка была чрезвычайно сложная. Задача казалась невыполнимой, да и опыта такого не было, чтобы форсировать реку зимой по глубокому броду. Но Карабанов своей неукротимой энергией показывал пример. Вот его машина первой выбралась на твердый грунт, за ней другая, третья, и так весь батальон. Немцы, взорвав мост, и не думали, что советские танки смогут перейти через реку. Батальон Карабанова с ходу вступил в бой к утру уничтожил десять танков, артиллерийскую батарею и большое количество пехоты.

Задача выполнена. Главные силы вслед за авангардом преодолели водный рубеж. Части 25-й танковой дивизии немцев были разгромлены...

Помню ночной бой за рекой Пилицей. Комбриг уехал в штаб соединения. Танки и самоходки стояли в колонне, впереди — батальон Карабанова. Вдалеке послышался лязг гусениц. Алексей подбежал ко мне и докладывает: «Колонна немецких танков с бронетранспортерами подошла с востока к флангу батальона». Надо было действовать мгновенно и взять инициативу в свои руки, пока немцы не разобрались. И батальон Карабанова под прикрытием самоходок, развернувшись по его команде на девяносто градусов, быстро охватил фланги немецкой колонны. Лишь небольшой части немцев удалось под покровом темноты вырваться из этих клещей.

Когда рассвело, подвели итог боя: уничтожено пятнадцать танков, двенадцать бронетранспортеров, девять зенитных пушек, много убитых. С нашей стороны потерь не было. Когда возвратился комбриг, бой уже кончился. Гусаковский по-отечески обнял Алексея.

Бригада стремительно двигалась дальше на запад. За сутки с боями пройдено сто километров. Обходя с запада столицу Польши — Варшаву, авангардный батальон ворвался в город Лович. Немцы никак не ожидали здесь наших танкистов. Они преспокойно сидели и слушали по радио сводки гитлеровской ставки о том, что русские войска истекают кровью на Висле. А в это время танкисты Карабанова уже захватили коменданта города, и тот, дрожа с перепугу, повел их показывать, где находятся опорные пункты. Скоро с немецким гарнизоном в городе было все покончено.

Новые бои, новые рейды. И опять — впереди Карабанов. За пятнадцать суток — пятьсот пятьдесят километров с боями. Это был сплошной подвиг! И описать все в коротком очерке невозможно.

Расскажу еще лишь о последнем героическом бое Алексея Карабанова при штурме Мезеритцкого УРа*. Загоняя врага в его собственное логово, советские танкисты вышли к границе фашистской Германии.

Здесь, в районе границы, находился Мезеритцкий УР — сильно укрепленный оборонительный вал, который немцы создавали десятками лет и считали его непреодолимым. Полоса стальных «ежей», полоса железобетонных надолбов, противотанковый ров. Все заминировано.

* УР — укрепленный район.

Потом несколько полос тяжелых дотов. А перед укрепленным районом вдоль границы — река Обра с цепью озер и каналами.

Бригаде Гусаковского предстояло первой штурмовать этот укрепрайон в местечке Мезеритц. И вот перед боем в штабе комбриг наставляет Карабанова, подробно, до мелочей рассказывая ему, как нужно действовать при штурме УРа.

Алексей должен был первым форсировать канал и нанести удар всей мощью своего батальона. За ним вплотную — два остальных батальона бригады и полк самоходно-артиллерийских установок. Штурмовать УР решено было ночью, без артподготовки и авиационной поддержки. Это казалось фантастикой, но такова была задача, и ее нужно было выполнить.

После беседы с комбригом Карабанов обстоятельно изучил приказ, все до мелочей проверил, рассчитал силы. И в условленный час его танки, совершенно неожиданно для немцев, засевших в УРе, с ходу открыли ураганный огонь. Горят строения, трансформаторные будки, высоковольтные провода. Саперы под прикрытием огня танков делают проходы, взрывают надолбы, «ежи», самоходки бьют по амбразурам дотов.

Через полтора часа Карабанов доложил, что мост взят, батальон вступил на территорию Германии и ведет бой в укрепрайоне.

Вслед за ним двинулась вся танковая бригада.

Бой шел тяжелый и неравный. Никогда еще танкистам не приходилось вести такого боя.

Запросив по радио, где находится танк Карабанова, мы с командиром бригады поехали к нему. На месте боя был ад кромешный. Слышим по радио, как Карабанов отдает приказания ротам. Когда мы подъехали, он стоял в открытом люке, наблюдая за полем боя.

Заметив нас, Карабанов хотел выйти из танка. Но воздух прорезал свист фаустпатрона. Прямое попадание в башню... Мы подбежали к Алексею. Глазами он еще пытался что-то сказать, но не смог. Жизнь героя оборвалась...

Всего три месяца отделяло нас от победы над коварным врагом. Как ждал Алексей этого дня! Он часто говорил своим людям: «Каждый убитый фашист, каждый метр вперед на запад — это шаг к победе».

Трудно передать горе и гнев бойцов, когда они узнали о гибели любимого командира. С каким ожесточением они снова ринулись в бой! Карабановцы с лихвой отомстили фашистам за смерть своего командира.

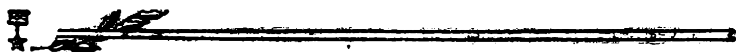
К утру бой был закончен. Майора Карабанова похоронили в сосновой роще, и его могила посреди Мезеритцкого УРа осталась как памятник беспримерной храбрости советских танкистов.

А батальон по-прежнему шел вперед. Войска устремились к Одеру. Пересекая германскую границу по одной из дорог, на стене полуразрушенного здания советские пехотинцы читали:

«Батальон Карабанова вступил на землю проклятого врага 28 января, 21.00.

Даешь Берлин!»

Н. Кузминский

ПЕРЕПРАВА НА ВАРТЕ

Широкоплечий, коренастый сержант Семенов лежал на охапке соломы и сосредоточенно о чем-то думал. В его глазах отражался огонек походного костра. В уголке рта притулилась давно потухшая, недокуренная самокрутка. Он только было собрался вздремнуть, как тут же прозвучал сигнал построения.

Бойцы потушили костер. На ходу расправляя лямки вещевых мешков, с автоматами на груди они выравнялись в строю. На фланге взвода замер в ожидании командир пулеметного расчета сержант Дмитрий Семенов. Рядом — наводчик Рожков и остальные бойцы расчета. У их ног тускло поблескивал под скупым январским солнцем «максим».

К взводу подошел комбат.

— Сегодня, — заговорил он, обращаясь к бойцам,— вам выпала большая честь: первыми форсировать реку Варту, захватить плацдарм на противоположном берегу. Командование решило, что такое трудное задание лучше других может выполнить именно ваш взвод.

Бойцы приступили к выполнению задания.

Под прикрытием наступившей темноты солдаты вышли к берегу Варты. Неподалеку расплывчатым контуром тонула в темноте взорванная отступившими немцами железная ферма моста. Под нею, натыкаясь на опору, шуршали льдины. Чтобы помешать переправе, гитлеровцы взорвали не только мост, но и лед на реке. На противоположном берегу то и дело взлетали ракеты, захлебывался длинной очередью пулемет. Пули, злобно вгрызаясь в мерзлую почву нашего берега, взметали небольшие фонтанчики пыли. Советские воины в перестрелку не ввязывались. Они знали: враг убежден в невозможности форсировать Варту на этом участке.

Словно тени, скользили под обрывом бойцы. Одни торопливо носили сюда охапки соломы. Другие туго набивали ею шинели, перетягивая их, словно снопы, ремнями. Из набитых соломой шинелей получались легкие поплавки, способные удержать на воде человека. Третьи где-то раздобыли пустые бочонки. Их связывали попарно и грузили на них боеприпасы. Перед отступлением за реку немцы тщательно уничтожали все, что могло быть использовано для переправы. Советским бойцам приходилось теперь проявлять неистощимую солдатскую находчивость.

— Скорее, ребята, скорее! — торопил бойцов командир взвода. — Вдруг луна появится! Все дело испортит.

Наконец все готово. У самой воды притаились черные тени: ждут команду броситься в Варту. Осталось одно: уничтожить пулеметное гнездо на полузатонувшей ферме моста. Там засели фашистские молодчики. Прикрываясь железными балками фермы, они держат под метким огнем и берег и речку, сами же остаются неуязвимыми для винтовочного и пулеметного огня с нашей стороны.

На уничтожение вражеского пулемета отправляется командир отделения Беленький. Короткая, жестокая схватка где-то там, в темноте, и до берега долетел сигнал: вражеские пулеметчики сбиты. Теперь на мосту сержант Беленький. Он поддержит переправу друзей огнем из трофейного пулемета.

— Хорошо! — радостно шепчут бойцы. Отвага сержанта, его успех ободряют солдат.

— Ну, молодцы, в путь! — послышался голос комбата.

Взвод бесшумно спускается в воду, и вот уже один за другим исчезают в темноте поплавки, за которые держатся, плывя в ледяной воде, бойцы. От холода перехватывает горло, а сердце готово остановиться. Тянет вниз отяжелевшее обмундирование.

Дно уходит все глубже и глубже. Течением сносит бойцов куда-то влево. Они молча сражаются со стихией. Они рады, что враг не заметил, что вот уже и берег — рукой подать... Скорее... Скорее...

Над Вартой повисли ракеты, откуда-то из-за моста взметнулись лучи прожекторов. Плывущих солдат заметили. Мощным залпом ударили вражеские минометы, и свинцовая гладь реки превратилась в кипящий котел. В ответ заговорила наша артиллерия.

«Пулемет сохранить бы, — тревожно стучало в висках у Семенова. — Без него пропадем»...

Такого же мнения, видимо, были и остальные бойцы взвода. Под шквальным огнем они держались вблизи пулемета, готовые каждую секунду подплыть на помощь Семенову.

Но враг опоздал. Слишком поздно заметил он приближение советских десантников. Последнее усилие — и бойцы ощутили ногами твердое дно...

— Ура-а-а! — прокатилось над вражеским берегом.

После короткой, но ожесточенной схватки гитлеровцы были выбиты из траншеи.

— Приготовиться к обороне! Раненых — в блиндаж, — распорядился командир взвода.

— Тут черт ногу сломает, — ворчали бойцы, спотыкаясь в темноте о винтовки, брошенные гитлеровцами.— Зажечь бы солому, что днем была видна позади немецких окопов.

— Точно, ребята. Кто подожжет?

— Я!..

Кто-то метнулся в темноту. Через полчаса блеснул вдалеке огонек. Он быстро увеличивался, и вскоре большая скирда на помещичьем поле пылала ярко-оранжевым пламенем.

— Теперь хорошо! — суетился в окопе Рожков, устраивая станковый пулемет, еще не остывший после недавнего боя. — Нас немцам не видно, а их, если полезут, будет видно как на ладони.

— И на речку огонь мешает смотреть, — добавил Семенов.

— Словом, иллюминация что надо!

Немцы недолго молчали. Придя в себя, они перешли в контратаку. Но горсточка советских воинов уже подготовилась к встрече врага. Огнем автоматов, двух станковых и ручного пулеметов они отразили атаку, за нею — другую. И немцы до утра притихли.

Пользуясь этим, советские бойцы разыскали в блиндажах сухое немецкое белье, кое-что из одежды и обуви. По очереди переодевались, сушили гимнастерки и брюки.

А тем временем на немецкой стороне надрывались полевые телефоны. «Полк русских переправился через Варту! Немедленно перебрасывайте свои подразделения к месту прорыва!» — летели приказания в разные концы вражеской обороны. Немецкие части по тревоге снимались с других участков обороны и форсированным маршем направлялись к взорванному мосту, туда, где на крошечном прибрежном участке занял круговую оборону не полк, как казалось перепуганным немцам, а всего лишь единственный взвод советских храбрецов.

Немцы начали стягивать силы к мосту, оголяя свои фланги. Этим воспользовались наши войска и начали массовое форсирование реки на оголенных участках фронта.

Не забыли и о взводе лейтенанта Максимова. Командир дивизии отдал приказ:

— До утра окружить группу противника, направленную против взвода лейтенанта Максимова. Приложите все силы, чтобы выручить взвод.

А в это время сержант Семенов, наливая в кожух пулемета воду, говорил своим товарищам:

— Сейчас, братцы, наши вовсю переправляются по реке выше и ниже нас. Они — с флангов и с тыла, мы — отсюда, от реки. Здорово!..

Забрезжил рассвет, и опушка чернеющего неподалеку леса зашевелилась. Это немцы, сосредоточив здесь свежие силы, решили окончательно расквитаться с советскими воинами за свое ночное поражение.

Гитлеровцы шли в полный рост, чеканя шаг по мерзлой земле.

— Психическая! — удивились бойцы.

— Спокойно, — раздался голос командира взвода.— Семенов, сюда! С ручным пулеметом — на фланг! Стрелять по команде!

А немцы все ближе и ближе. Уже различимы их лица. И когда от окопов до передовой цепи врага осталось не больше ста метров, голос командира разорвал напряженную тишину:

— Огонь!

Ливень свинца обрушился на вражеские цепи. Два станковых пулемета, ручной пулемет, автоматы, гранаты — все заговорило, заухало сразу, земля фонтанами взметнулась в воздух. Еще за секунду до этого, грозные и внушающие страх цепи гитлеровцев заколебались. Теряя убитых и раненых, они по инерции продвинулись еще на несколько шагов вперед и, не выдержав огненного шквала, повалились на землю. Задние ряды в панике бросились под защиту лесной опушки. Напрасно офицеры, размахивая пистолетами, пытались остановить отступавших. Гитлеровцы бежали и ползли назад, оставляя на поле убитых и раненых...

— Молодцы, пулеметчики! — отирая вспотевшее лицо, сказал лейтенант Максимов. — Дали фашистам прикурить!

Вскоре немцы опять показались на поле. Теперь они, прижимаясь к земле, подползали с большой осторожностью. По окопам советских бойцов начали бить минометы. Их огонь становился все нестерпимее. Прямым попаданием мины разбит ручной пулемет. Вслед за ним оказался разбитым и станковый пулемет сержанта Беленького.

— Семенов, береги своего «максимку», — шептали бойцы. — Иначе не продержимся до прихода подмоги...

Один взвод против сотен озверевших врагов! Да и взвода-то не было к этому времени, всего-навсего девятнадцать бойцов... Немцы, наконец, догадались, что перед ними не полк, а горсточка русских. Фашисты осмелели. Однако их цепи не могли продвинуться вперед ни на шаг: мешал меткий пулеметный огонь...

Немцы спешно стали зарываться в землю. В польскую землю, которая, словно сговорившись с русскими, не хотела их прятать. Она, словно камень, промерзшая, твердая, неподатливая. И число безжизненных тел в грязно-серых шинелях покрывает поле все гуще и гуще.

Гитлеровские минометчики довели огонь до предела. Однако Семенов, умело меняя позиции, продолжал разить врага. Ему помогали товарищи. Их автоматы без передышки строчили по вражеским цепям.

— Убит лейтенант! — пронеслось по окопам.

Ярость охватила Семенова, и он еще с большей ожесточенностью и удивительной меткостью стал бить по фашистам.

И когда из-за мелколесья, справа, слева и сзади, ударили по немцам подоспевшие русские батальоны, фашистская пуля сразила Семенова.

24 марта 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР нашему земляку уроженцу села Красная Сосна Инзенского района Д. И. Семенову за битву на реке Варте, где он уничтожил более трехсот вражеских солдат и офицеров, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Н. Кузминский

НА ЗЕЕЛОВСКИХ ВЫСОТАХ

В пятидесяти километрах к востоку от Берлина вдоль края широкой равнины тянется гряда возвышенностей — Зееловские высоты. Когда-то здесь проходило русло Одера, и возвышенности эти являлись левым высоким берегом реки. Потом река отошла километров на пятнадцать к востоку. Возвышенности остались среди равнины. С них отлично видна вся окрестность.

Начиная с февраля 1945 года, в течение двух месяцев на склонах этих высот ни днем, ни ночью не затихали земляные работы. Гитлеровцы возводили здесь укрепленную полосу, которая должна была преградить пути наступления советским войскам на Берлин.

Вдоль крутых скатов, среди кустарников зловеще чернели траншеи, окопы, ходы сообщения. Под прикрытием кустарника затаились дзоты. Всю систему укреплений опутывала сеть проволочных заграждений, а подходы к ней были заминированы.

16 апреля войска Первого Белорусского фронта перешли в наступление по левобережью Одера. В этот день они прорвали первую полосу обороны в долине реки и вышли на подступы к Зееловским высотам.

Рота автоматчиков гвардейского стрелкового полка, в которой служил младший лейтенант Михаил Чапанов, овладела железнодорожной станцией Перельцит. В бою получил ранение и вышел из строя командир роты. Принять командование ротой было приказано Чапанову.

В течение ночи войска тщательно готовились к штурму Зееловских высот. Подтягивали танки, артиллерию.

Еще накануне внимание наступавших бойцов привлекли спущенные нашими летчиками какие-то необычные предметы. Это были большие медные ключи — копии тех исторических ключей от Берлина, которые были захвачены русскими войсками в 1760 году во время Семилетней войны. Ключи сопровождались надписью: «Гвардейцы-друзья, к победе — вперед! Шлем вам ключи от берлинских ворот!..»

Призыв боевых товарищей усилил воодушевление, царившее среди бойцов. Все горели желанием скорее вступить в бой. Ведь там, за этими высотами, логово фашистского зверя — Берлин.

И вот наступило утро 17 апреля. В воздух поднялись сотни краснозвездных бомбардировщиков и штурмовиков. Тысячи орудий, минометов обрушили свой смертоносный огонь на вражеские позиции.

Грозная боевая техника расчищала дорогу пехоте и танкам. Когда огневой вал артиллерии был перенесен в глубь обороны противника, гвардейцы приготовились к атаке. И в это время из-за кустарника багрово-серое небо прорезали красные огоньки ракет. Это и был давно ожидаемый сигнал штурма.

— Вперед! — раздалась команда. И хотя в грохоте канонады ее многие не услышали, но вся рота дружно поднялась и устремилась вперед. Обгоняя автоматчиков, расчищая дорогу, двигались танки.

Используя каждую неровность местности, каждый кустик, бойцы упорно продвигались вперед за своим командиром. Но вот и край чахлых зарослей. Впереди — открытая полоса. За ней серые пирамиды железобетонных надолб и противотанковый ров. Танки остановились перед препятствиями.

Противник резко усилил огонь. Оба танка были подбиты. Сквозь аварийные люки танкисты покидали машины, выносили раненых и обожженных товарищей.

Преодолев стремительным броском открытое место,

автоматчики залегли перед надолбами. Вокруг то и дело рвались фашистские снаряды, мины; пулеметные очереди высекали из надолб искры. Долго находиться здесь было нельзя. Огонь противника становился все более губительным. Рота несла тяжелые потери.

Рискуя попасть под струю пулеметной очереди, Чапанов приподнялся и начал осматривать поле боя. Весь полк прижался к земле. Младший лейтенант понял: чтобы исправить создавшееся положение, нужно сделать что-то особенное, такое, что вызвало бы в стане врага замешательство, а наших бойцов ободрило, воодушевило на новые героические подвиги.

Чапанов пригнулся к земле и пополз.

— Где комбат? — спросил он.

— Вон в той воронке, — ответили ему бойцы.

Через минуту Чапанов ввалился в воронку, из которой комбат наблюдал за противником, и сказал:

— Товарищ комбат! Разрешите мне и моей роте штурмовать оборону врага. Мы начнем, а вы нас поддержите.

Комбат повернул обожженное, серое от усталости лицо к Чапанову, помолчал, а в глазах его сверкнул огонек одобрения.

— Правильно понял ситуацию, — ответил комбат. — Верю, что справишься. Действуй. Флаг захвати.

— Спасибо! — нарушая военные правила, сказал Чапанов.

И два командира крепко пожали друг другу руки.

Через десять минут Чапанов знакомил своих автоматчиков с тем, как решать поставленную им задачу. А задача была непростая. Предстояло прорвать оборону противника под губительным огнем, преодолеть линию сложных укреплений — противотанковый ров, проволочные заграждения, минные поля.

И рота во главе с Чапановым устремилась вперед. Вот бойцы скатываются, прыгают в противотанковый ров, вылезают из него, с помощью саперов преодолевают колючую проволоку, минное поле. Стиснув зубы, они, как одержимые, упорно ползут все дальше и дальше...

Когда до первой линии траншей оставалось не больше ста метров, Чапанов скомандовал:

— Вперед!

Враг не выдержал, побежал!

— Очистить траншеи! — радостно звенел голос Чапанова. Держа наготове автомат, он шел впереди по изгибам траншеи. Поворот. Еще поворот. Под ногами — шинели, ранцы, оружие. Котелок с недоеденной пищей. А там что? Блиндаж?.. Чапанов шагнул к распахнутой двери. Из нее появился высокий обер-лейтенант.

— Так ты еще здесь? — Чапанов нажал на спусковой крючок автомата. Но выстрела не последовало.

«Песок в затворе!» — мелькнула догадка. Рука метнулась к карману, где лежал пистолет. Но фашист опередил и выстрелил первым.

— С трех шагов не попал, гад! — сквозь зубы сказал Чапанов и выстрелил прямо в веснушчатый лоб офицера.

В тот же миг из блиндажа кто-то выстрелил по Чапанову. Пуля пробила левую руку. Из рукава гимнастерки хлынула кровь. Михаил отскочил в сторону. В блиндаж одна за другой полетели две «лимонки». Грохнул взрыв, и все затихло.

На полу Чапанов увидел трупы двух солдат и одного офицера. Младший лейтенант прихватил офицерские сумки с документами и картами и вышел из блиндажа. К нему подбежали автоматчики.

— Тридцать пленных! — коротко доложил Чапанову сержант.

«Вот не вовремя, — сокрушенно подумал Чапанов.— Что тут сейчас с ними делать?»

А вслух произнес:

— Пленных бери на себя. Закрой в блиндаже и охраняй до прихода наших...

В это время автоматчики готовились к атаке второй траншеи.

Но как сообщить артиллеристам, чтобы они перенесли огонь в глубину? Ракетницу Чапанов где-то выронил.

— А флаг-то! — осенило одного из бойцов. — Выставим его, и артиллеристы сразу поймут, куда нужно будет вести огонь.

Чапанов расстегнул гимнастерку и вытащил красное полотнище, которым была обвернута его грудь. Через минуту, прикрепленное к шесту, оно гордо развевалось около опустевшей траншеи.

Увидев огненно-красный прямоугольник флага, бой

цы залегшего внизу второго эшелона полка поднялись и пошли в атаку.

— Пошли! Наши пошли! — торжествовали автоматчики.

Но и враг не дремал. Огонь его батарей и стрелкового оружия стал таким, что наступающим подразделениям опять пришлось залечь и окопаться.

— Нас осталось немного, — обратился Чапанов к боевым товарищам. — Но нам нужно выйти наверх, чтобы открыть путь наступающему полку... Товарищи, только вперед!

И, схватив флаг, Чапанов устремился вверх по ходу сообщения. За ним бежали его солдаты...

Гвардейцы ворвались во вторую траншею. Короткая схватка — и враг выбит из своих окопов. Уничтожены его огневые точки. Но победа досталась нелегко. Бойцов осталось лишь пять. И все раненые. Сам Чапанов получил тяжелое ранение в обе ноги, грудь была изранена многочисленными осколками гранаты. От потери крови кружилась голова, темнело в глазах, каждый шаг отдавался неимоверной болью во всем теле. Казалось, еще мгновение — и он упадет, потеряет сознание.

Огромным напряжением воли младший лейтенант превозмог охватившую его слабость. Нужно было приготовиться к отражению контратак. Здесь, около вершины высоты, они заняли во вражеских окопах круговую оборону. Двух человек Чапанов оставил за собой на месте, а двух других послал по траншее на фланги.

Под прикрытием огня тяжелого пулемета и минометов враг приближался к тому месту, где засели в окопах гвардейцы. Гитлеровцы подходили все ближе. Ободренные молчанием русских, они осмелели и шли в полный рост.

И вот, когда до фашистов оставалось не больше пятнадцати-двадцати шагов, гвардейцы открыли огонь «карманной артиллерии», навстречу врагу полетели гранаты. А тут еще с флангов застрочили по немцам автоматы. И опять фашисты откатились назад, оставив пулемет и более двух десятков убитых.

А на самой вершине реял красный флаг, который теперь был виден далеко отовсюду. По нему и горстке советских солдат вела огонь целая вражеская батарея и минометы. Флаг падал. Высоко взлетали комья земли.

Но только обстрел прекращался, чьи-то невидимые руки опять поднимали упавшее древко, а навстречу фашистам летели трофейные гранаты, длинными очередями строчил пулемет. И атаки фашистов снова и снова захлебывались.

Но силы бойцов таяли. Вырывая зубами предохранительные чеки гранат, нечеловеческим усилием воли они заставляли себя подниматься на ноги, чтобы метнуть гранату.

Теперь их оставалось уже четверо. У Чапанова перебита правая рука. Бойцы видели, как тяжело командиру. Его пример мужества и бесстрашия был образцом для остальных.

Солнце клонилось к закату, когда гитлеровцы предприняли еще одну контратаку. Чапанов поднялся, взял гранату, но даже зубами выдернуть чеку уже не смог. Граната выпала из горящих от боли рук. «Неужели конец? — мелькнуло в мозгу. — Нет, брат, рано!» Упираясь спиной о стенку траншеи, Михаил опять поднялся на ноги, прижал щекой автоматный приклад к плечу и с огромным трудом нажал спусковой крючок. Рядом с ним продолжал работать трофейный пулемет и автоматы друзей. А гитлеровцы падали, поднимались и снова бежали все ближе и ближе... Как их много!.. Бегут с перекошенными в злобе ртами...

Но что это?..

Перед цепью бегущих вдруг выросло несколько фонтанов взрыва. Вот еще, еще взметнулись в середине цепи. Справа, слева, опять впереди! Заговорили «катюши»! Над высотами уже проносятся краснозвездные «илы». Немцы падают, уползают, бегут назад...

— Наши! Наши пошли в наступление!

Помогая друг другу, четверо советских солдат подползли к тому месту, откуда хорошо был виден склон высоты, противотанковый ров, надолбы, которые они преодолели сегодня утром. Скаты высоты ожили. По ним шли в наступление советские солдаты.

Да, гвардейский полк шел в решительный бой. Его бойцов звал на подвиг алый стяг — обожженный, пробитый, но гордо стоящий на самой вершине высоты там, где четверка славных советских воинов мужественно отбивала атаки врага.

Наступающие бойцы устремились к красному флагу.

И когда подбежали ближе, то увидели, что рядом с флагом, держась друг за друга, стояли четыре воина — окровавленные, в лохмотьях, но прекрасные и гордые от исполненного солдатского долга.

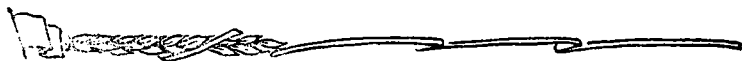
Первым бросился к ним, крепко обнимая, командир полка Вишняков.

— Товарищ гвардии подполковник, — доложил пересохшими губами Чапанов, — рота автоматчиков... задачу выполнила!..

Чапанов и его боевые товарищи находились на лечении в госпитале, когда пришел Указ Президиума Верховного Совета СССР об их награждении. Три гвардейца-автоматчика награждались орденами Красного Знамени, а их командир был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Так сражался с врагами Родины наш земляк, уроженец села Араповки Майнского района коммунист Михаил Чапанов.

А. Шарипов

ГЕНЕРАЛ ДАВЫДОВ

Когда началась Великая Отечественная война, наш земляк И. В. Давыдов был начальником Львовского пехотного училища. Под его командованием училище подготовило не одну сотню способных офицеров, отличившихся впоследствии в боях за Родину. В те дни многие офицеры приходили к нему с просьбой направить их на фронт. Он сочувствовал им, потому что и сам написал до десятка рапортов с такой же просьбой. Наконец, просьба генерала Давыдова была удовлетворена. В ноябре 1944 года его откомандировали в распоряжение Военного Совета Первого Белорусского фронта, и он был назначен заместителем командира 125-го стрелкового корпуса.

В январе 1945 года перед корпусом была поставлена сложная задача: прорвать оборону противника в районе междуречья Нарев — Буг — Висла, с ходу форсировать реку Вислу и ударом в западном и юго-западном направлениях во взаимодействии с частями, наступающими с юга, окружить и уничтожить варшавскую группировку противника. Войска корпуса должны были в зимних

условиях форсировать Вислу. Река в это время едва покрылась тонким льдом.

Для генерала Давыдова не прошел даром многолетний опыт подготовки офицерских кадров и обучения войск по форсированию водных преград в зимних условиях. Он предложил свой вариант форсирования Вислы. По его плану пехота и легкая артиллерия должны были молниеносно ударить по всему фронту прорыва. Такую массу войск трудно обеспечить обычными переправочными средствами. Переправа же войск по частям позволила бы противнику вести эффективную борьбу с наступающими войсками. Поэтому все согласились с предложением генерала Давыдова — давить противника превосходством живой силы и техники. Важно было решить, как лучше обеспечить одновременную переправу большой массы войск.

Генерал практически показал, как нужно укрепить тонкий лед, чтобы по нему могли пройти легкая артиллерия и пехота. Когда все приготовления были закончены, огромная масса советских войск пришла в движение и лавиной обрушилась на противника. Враг не ожидал массированного удара и не смог выдержать натиска. 125-й стрелковый корпус преследовал разгромленного противника на протяжении сотен километров. Задача была полностью выполнена.

Успехи окрылили Ивана Васильевича. В феврале 1945 года он лично руководил частями корпуса во время прорыва Померанской долговременной оборонительной полосы врага. Части корпуса под командованием генерала Давыдова не только прорвали оборону противника, но и окружили его войска в районе Шнайдемюль, а затем ликвидировали их.

125-й стрелковый корпус в апреле 1945 года должен был во взаимодействии с соединениями 47-й армии крупными механизированными частями фронтальным ударом прорвать глубоко эшелонированную оборону противника на западном берегу реки Одер и ударом в направлении Бернау (северная окраина Берлина) — Шпандау овладеть районом Потсдам. Здесь в результате соединения с подвижными частями правого крыла Первого Украинского фронта должно было замкнуться кольцо окружения берлинской группировки противника.

Грандиозная задача воодушевила на новые подвиги

войска 125-го стрелкового корпуса. Иван Васильевич в этой операции проявил свой организаторский талант и умение осуществлять взаимодействие пехоты с крупными механизированными войсками.

В своем представлении на присвоение звания Героя Советского Союза генерал-майору Давыдову командир 125-го стрелкового корпуса писал: «Генерал-майор Давыдов за весь период наступательных действий корпуса находился в подчиненных частях, где непосредственно, на месте, руководил боевыми действиями. Части, которыми руководил Давыдов, всегда имели успех.

В период прорыва обороны немцев на плацдарме реки Одер товарищ Давыдов находился на самых ответственных участках боя. Он не раз оказывался непосредственно в боевых порядках частей, лично оценивал обстановку и на месте принимал решение. Благодаря правильно и своевременно принятому генералом Давыдовым решению части корпуса имели успех.

При взятии города Потсдам генерал Давыдов, проявив мужество и отвагу, лично руководил частями корпуса на самых важных и опасных участках. В этом бою 26 апреля 1945 года он героически погиб. Генерал-майор Давыдов достоин присвоения звания Героя Советского Союза посмертно».

Светлая память о нашем земляке уроженце села Русская Темрязань Барышского района Герое Советского Союза генерал-майоре Давыдове будет вечно жить в сердцах советских людей.

А. Макаров

МУЖЕСТВО СОЛДАТА

Это будет рассказ об одном дне жизни простого человека.

Бывает так: живет человек двадцать, тридцать лет и ничем особенным не проявляет себя. Звезд с неба не хватает. Словом, живет скромно, просто, не обращая на себя внимания.

Постепенно зреют его духовные силы, и человек порой сам не знает, на что он способен.

Но вот наступает день или даже час, когда вдруг человек поворачивается к вам своей неожиданной стороной, раскрывается полностью, до конца, до самых сердечных глубин.

...Это был самый обычный день. Правда, дома бы в этот день женщинам дарили подарки, поздравляли бы их с праздником, шутили. А здесь, на фронте, он ничем не отличался от таких же неуютных дней ранней весны когда то припекает солнце, и хоть шинель снимай, то полетит снег, мокрый, тяжелый. Таким же капризным был и ветер, прилетавший откуда-то с озера Балатон: то он теплый, ласковый, мягкий, то острый, колючий, пронизывающий.

Под ногами с утра, словно железная, гудела земля, а уже в полдень смачно чавкала грязь.

Бои в этот день шли с переменным успехом. С утра танки 110-й танковой бригады пошли на прорыв, а к вечеру уже стояли в обороне, замаскировавшись в садиках вдоль дороги.

Метрах в семидесяти впереди танков десантники-автоматчики отрыли линию окопов. В одном из таких окопчиков, приготовясь к бою, стоял Городецкий.

Случилось так, что это был первый его бой. И, конечно, он не мог знать, что это последний его бой. О чем он думал в ту решающую минуту? Конечно, трудно через восемнадцать лет вспомнить все подробности, но, как ни странно, почему-то запомнились такие мелочи: зябли ноги, и он переминался по чмокающей грязи, чтобы немножко согреться; досадовал, что старые будылья кукурузы будут мешать прицеливаться.

— А боялись? — спорсил я.

— Не помню. Наверно, боялся, — просто ответил Василий и, помолчав, добавил: — Самое главное — суметь ее в руки взять, боязнь-то...

Итак, десантник Василий Городецкий ждал своего первого в жизни боя. Он, конечно, не знал, как сложится бой и как он поведет себя в этом бою. Он даже не думал об этом. А просто стоял и ждал.

Из притихших садов выползал вечер. Холодный закат охватил полнеба.

Вдруг этот багровый закат сгорел, расплавился на белом огне ракет. Городецкий зажмурился. А когда он открыл глаза, перед ним и вокруг него густо-густо поднимались черные столбы земли, дыма и пламени, перемешанные с оглушительным грохотом. И казалось, все это обрушено на него одного.

«Куда же стрелять? В кого стрелять?» — недоумевал солдат. Ему стало не по себе. Хоть он и знал, что и справа и слева товарищи, а за спиной — танки, но он не видел врага, он не видел тех, кто нес ему смерть. Он не мог защищаться, потому что не от кого было защищаться. И это было страшно. Но что это? Вроде стонет кто-то? Городецкий обрадовался даже. Не один, значит. Так и есть: к нему справа подползал сосед по окопу.

— Ранен я, Романыч.

— Прыгай сюда.

И пока раненый спускался в окоп, поддерживая простреляннную руку, Городецкий дал длинную очередь туда: в грохот, в дым, в закат. Ему стало легче. Он отложил автомат, как мог перевязал рану и, подсаживая товарища, наказывал:

— Ниже наклони голову, убьют.

Заметил ли противник движение у окопа Городецкого или случайно так получилось, но разрывы падали все ближе и ближе.

...И вот кто-то большой и сильный толкнул Городецкого в грудь, ударил о другую стенку окопа и придавил к земле. Автоматчику показалось, что он вместе с окопом взлетел на воздух, тогда как он лежал на дне окопа, засыпанный землей.

— Романыч! Дядя Вася! — очнувшись, услышал Городецкий глухой голос. — Жив? Давай сюда!

Выплевывая изо рта землю, Городецкий начал выбираться из ямы, но только он занес ногу на бруствер...

— Тут какой-то штукой как даст — и ногу напрочь до колена, словно топором. — Василий Романович рассказывает не спеша, спокойно, пересыпая порой рассказ шуткой: — Кровь течет в грязь. Малахай с меня слетел. И ногу не найду. Товарищ кричит: «Ну, что ты?» А я отвечаю: «Я, кажется, испекся». Подполз он ко мне, увидал рану и затрясся. «Ну, что ты, говорю, успокойся». Лег я на него, а он говорит: «Не могу. Давай как-нибудь сам». Я сам на брюхе пополз в его окоп. Кое-как добрались. Заставляю его перевязать рану, а он все дрожит, никак у меня в кармане бинт не найдет. Насилу нашел. Перевязал.

Вдруг слышим гудит мотор. «Ну, вот и хорошо, — говорит товарищ, — танк наш подходит. Сейчас положим тебя (это меня, значит) и отвезем». Но танк остановился метрах в пятидесяти, в кукурузе. Товарищ выглянул и обомлел: «Немка»! Ну, и мне любопытно. Глянул, а там из верхнего люка высунулся офицер, почти до пояса: такой усатый, с тремя нашивками. Я товарищу говорю: «Давай, бей его!» А у него в автомате осечка. «Дай, — говорит, — мне свой». Отвечаю ему: «Ты не знаешь капризов моего». Взял сам автомат, как дал очередь, так и пересек усатого. Потом, немного погодя, открылся передний люк, показался водитель. Я дал еще раз по нему остаток очереди...

— Вот так дело было, — повернулся на стуле Василий Романович, и деревяжка, пристегнутая ремнями к колену, глухо стукнула о пол. — Так что, как видите, ничего особенного.

— А танк? — спрашиваю я.

— Что танк?

— Ну что дальше было?

— А? Слушайте. Посылаю я напарника. «Ты теперь лезь, подшибай танк, я тебя буду караулить». Положил около себя две противотанковые гранаты, две ручные, заложил свежий диск. «Ну, отправляйся», — говорю. Он пополз, но все не может успокоиться. Бросил одну гранату — не попал. Вторую ахнул — лапу танку подбил. Танк остановился...

Приполз он обратно. Весь в грязи. Ну, я его похвалил: «Вот молодец. Теперь он к нам не подойдет». Потом послал его за подмогой, а сам остался. Нога болит — спасу нет. Еле сижу. Но сижу, держусь, на танк поглядываю: а вдруг кто еще вылезет...

Не знал тогда Василий Романович, что он совершил подвиг. Ему казалось, что он просто выполнял свой солдатский долг. Истекая кровью, Городецкий вставлял диск в автомат, прицеливался, стрелял, подбадривал растерявшегося товарища. Смертельно раненный, он грозно стал на пути немецкого танка.

И только потом, в госпитале, очнувшись от обморока, Василий Романович узнал, что за танк он остановил.

— Ну, как он? — шепотом спрашивал командир подразделения, кивая на Городецкого. — Кабы не он, прорвались бы фрицы к нам с левого фланга... Лечите. Он один десятерых стоит. С такими не пропадешь.

Но это было после. А пока Городецкий не слышал, как подошли к нему четверо, как положили его на плащпалатку и ползком потащили по земле, по грязи.

...Очнулся он от холода. Было совсем темно. В холодном чужом небе льдинками поблескивали звезды.

— Ванюшка, — тихо позвал товарища Городецкий. Никто не отозвался. «Неужели бросил?» — с горечью подумал он.

...Неожиданно над ним склонилось лицо жены Прасковьи Михайловны. «Что, больно?» — участливо спросила она. «Больно», — ответил Василий Романович. — «Ну, ничего, потерпи». «Ладно». Рядом стояла и пла-

кала дочка Маша. «Не плачь, — сказал ей Василий Романович, — я не умру».

— Ванюшка, — опять позвал раненый и приподнялся на локтях. Ветер шевелил его волосы. Городецкий еще не знал, что они поседели. Мертвый ослепительный свет лился откуда-то с неба, освещая черную дорогу да обледенелые стебли кукурузы. И больше ничего. И никого. Только он посреди дороги. Один. Раненый.

Вдруг небо погасло, словно кто-то выключил свет. Стало очень темно. «Еще задавят, — подумал Городецкий. — Свои в темноте задавят». И он, сжав зубы, пополз в кукурузу.

Сколько он так пролежал, один, глядя в чужое небо, трудно сказать. Но вот он услышал шаги и голоса:

— Кажется, здесь. Вот. Палатка тут, а его нет. Василий Романович!

— Здесь я, — откликнулся Городецкий. — Пришел?

— А как же. Сам умирай, а товарища выручай. За сменой бегал.

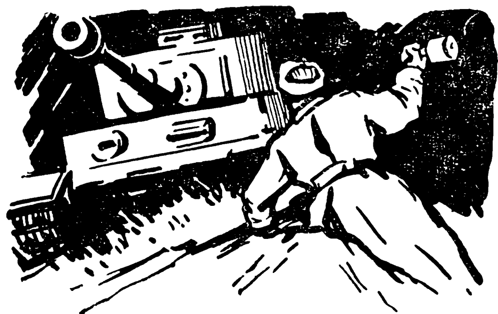
— Спасибо, Ваня.

— Ладно, ладно. Ложись вот.

Танкисты положили раненого на плащ-палатку, взялись за концы и подняли его на плечи.

* * *

Всего в одном бою побывал Василий Романович Городецкий. И не важно, что подбит был всего лишь один танк. Важно то величие духа, которое проявил Василий Городецкий в тот момент, когда своим подвигом он предотвратил прорыв немецких танков на одном из важных участков. Вот за этот подвиг он и был удостоен высокой награды — ордена Ленина и Золотой Звезды Героя.

В. Помещиков

НЕУЯЗВИМАЯ ПУШКА

Апрель 1945 года...

Отступая, немецкие войска зацепились за сильные оборонительные позиции в районе Кенигсберга.

Командование наших войск, тщательно изучив оборону врага, решило немедленно прорвать ее в районе местечка Варген. В назначенное время началась атака. Немцы преградили путь нашей пехоте губительным пулеметным огнем.

Командир орудийного расчета старший сержант Барыков, которому поручено было прикрывать наступление советских войск артиллерийским огнем, увидел, как сильно мешают вражеские пулеметы продвижению нашей пехоты. Не долго думая, коммунист Барыков приказал выкатить пушку на открытую позицию. Прямой наводкой с первого же выстрела был уничтожен немецкий пулемет. Действуя слаженно и четко со своими подчиненными, Барыков быстро подавил еще три обычных пулемета, один крупнокалиберный и одну зенитную пушку.

Это окрылило наших пехотинцев, и они успешно стали продвигаться в глубь немецкой обороны.

Старший сержант внимательно наблюдал, как под на-

тиском наших пехотинцев беспорядочно отступали немцы. И вдруг... Что это? На правом фланге наших войск в небольших зарослях сосредоточилась большая группа немцев с орудиями и пулеметами. Геннадий разгадал их замысел. Пропустив наши атакующие части в глубь обороны, они, видимо, хотели ударить по ним с тыла, а затем зажать в кольцо и уничтожить.

— Расчет, к бою! — крикнул Барыков.

Два выстрела — и две пушки противника вышли из строя. Немцы открыли сильную, но беспорядочную стрельбу по орудию Барыкова. Вокруг рвались снаряды. Но советские артиллеристы продолжали вести меткий, уничтожающий огонь. И еще один вражеский пулемет замолчал, а за ним второй, третий. Перепуганные немцы начали отходить. Преследуя их метким огнем, расчет Барыкова уничтожил еще двадцать гитлеровцев, а остальные рассеялись.

Наступали сумерки. Бой откатывался все дальше на запад. Советские войска развивали наступление. Перед рассветом путь наступавшим преградил водный канал. Немцы, укрепившись на том берегу, сильным огнем не давали с ходу форсировать преграду. Но группе наших солдат все же удалось занять в обороне врага небольшой плацдарм.

— Разрешите я на тот берег переправлюсь с орудием, — обратился Барыков к командиру.

— Рискованно. Но действуйте!

Чтобы обезопасить переправу расчета Барыкова, наши артиллеристы открыли сильный огонь по врагу.

Плот с орудием уже был на середине канала, когда немцы его заметили и открыли бешеный огонь. И тем не менее Барыкову удалось благополучно переправиться и сразу, заняв удобную позицию, открыть огонь по противнику. Несколько немецких огневых точек вскоре замолчало. Началась массовая переправа наших войск.

Между тем немцы решили во что бы то ни стало уничтожить неуязвимое орудие Барыкова. При поддержке девяти танков они перешли в контратаку.

Старший сержант хорошо видел, что прямо на них шли четыре танка и на ходу вели огонь. Осколками ранило наводчика и заряжающего. Барыков остался один. Но он не растерялся. Выбрав удобный момент, выстрелил по головной машине и перебил ей гусеницу. От вто-

рого снаряда машина вспыхнула. На помощь поспешил королевский «тигр». Но точно посланный Барыковым снаряд заставил его поспешно покинуть поле боя. Остальные танки последовали за ним.

Барыков перенес огонь на фашистские позиции, с которых немцы вели огонь по нашей пехоте.

Через некоторое время немцы вновь перешли в контратаку. На орудие Барыкова двигалась большая группа немцев. «Что делать? — думал Геннадий. — Снаряды все кончились... Отступать?.. А два раненых товарища? Нет! Биться до последней возможности». Он, приготовив две гранаты, стал терпеливо ожидать. И когда фашисты подошли совсем вплотную, Барыков одну за другой метнул гранаты и, не давая опомниться немцам, выбежал из укрытия, держа в одной руке противотанковую гранату, а в другой — автомат.

Через месяц после окончания войны Барыков узнал, что ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Кто же этот герой? Геннадий Иванович Барыков — наш земляк. Его хорошо помнят многие учителя Барышской средней школы № 2, где он окончил 7 классов до призыва в ряды Советской Армии. Затем его родители переехали в рабочий поселок Базарный Сызган, где и сейчас живет его мать. После демобилизации из рядов Советской Армии Геннадий Иванович окончил Московский университет, успешно защитил диссертацию и получил ученую степень кандидата физико-математических наук. В настоящее время он работает старшим научным сотрудником одного из научно-исследовательских институтов гор. Москвы.

П. Слесарев

НА ПОДСТУПАХ К РЕЙХСТАГУ

Шли жестокие бои за овладение городом Познань. Командир батальона капитан Горелик вызвал к себе младшего лейтенанта Климушкина и приказал его взводу зацепиться за окраину города.

Стоял январь. Ветер гнал по полю поземку. Этим и воспользовались советские воины. Рассредоточившись, в белых халатах, они ползком стали подбираться к окраине города.

Но погода недолго была союзницей. Небо вскоре прояснилось, стих и ветер. Немцы обнаружили храбрецов и открыли по ним огонь.

— Окопаться! — передал Климушкин по редкой цепочке своих бойцов. Одновременно он приказал пулеметчику подавить ближайшие огневые точки врага.

Огневая дуэль длилась около часу. Неожиданно погода снова переменилась — пошел мелкий дождь со снегом. Одежда намокла и обледенела. Трое бойцов оказались ранеными, но оставались в строю.

Капитан Горелик выслал на подмогу Климушкину две самоходные установки.

Самоходки двинулись вперед и с ходу открыли меткий огонь по фашистским пулеметным гнездам, располо-

женным в подвалах каменных домов. Под защитой самоходных орудий бойцы Климушкина ворвались в окраинные здания. Рукопашная схватка длилась лишь несколько минут. Немцы бежали, оставив четверых убитых. Три фашиста были взяты в плен.

Это был первый успех. Командир батальона требовал очистить от врага первый квартал улицы.

— Есть, — ответил Климушкин.

Бой за окраину Познани не прекращался целые сутки. В жестоких схватках взвод нес потери. Раненых отправляли в тыл. К вечеру следующего дня под командованием младшего лейтенанта осталось шесть человек. Если бы об этом знали немцы!

В этот момент командир батальона передал по телефону: Немедленно захватить следующий квартал и выйти к железнодорожной насыпи.

Командир взвода Климушкин с тремя бойцами скрытно обошел соседний, занятый фашистами квартал. В окна домов полетели гранаты.

— Ура-а-а! — грозно разнеслось в предутреннем мглистом тумане.

Немцы, предполагая, что они обойдены крупными силами, поспешно бежали к центру города...

...В последние дни апреля 1945 года железное кольцо советских войск вокруг Берлина сомкнулось еще уже.

Медленно, но настойчиво продвигался к центру Берлина и батальон капитана Горелика. Путь ему преградил широкий канал, мост через который был взорван.

— Зацепиться за другой берег, — приказал командир батальона Климушкину. — Создать плацдарм для последнего броска к рейхстагу.

— Есть, зацепиться за другой берег!

Апрельские ночи короткие. В предрассветный час пробираясь ползком вдоль парапета набережной, Климушкин стал метр за метром осматривать канал.

Оставив сержанта Дмитриева с пулеметом в хорошо защищенном месте для прикрытия своего маневра, он с шестью автоматчиками двинулся ползком по канализационной трубе. Вскоре показалось сероватое пятно. Оно становилось все ближе и светлее. Наконец все выползли на свежий воздух, облегченно и жадно вздохнули. Фашистов вблизи трубы не было.

— За мной! — приказал Климушкин и, прячась

в тени, пополз к ближайшему дому. Условный сигнал — и гранаты полетели в оконные проемы. Немцы открыли бешеный огонь из автоматов по набережной и каналу. Климушкин с остальными автоматчиками успел ворваться в одну из комнат и быстро превратил ее в крепость.

Однако осколками от «фауст-патрона» был ранен один, а спустя немного и другой советский солдат. Они не могли даже держать в руках оружие. Их перевязали. Под вечер пулей ранило ногу и младшему лейтенанту Климушкину. Он охнул не столько от боли, сколько от злости.

— Что с вами? — с тревогой спросили бойцы.

— Да ничего, царапнуло немного, но зарубцуется, — ответил он, перевязывая рану.

Превозмогая боль, волоча ногу, Климушкин руководил боем. Наконец, наступили сумерки.

— Теперь особенно следите за трубой, — предостерег Климушкин своих бойцов, — чтобы и близко к ней ни один немец не подошел.

Около полуночи Климушкин вздрогнул от радостного возгласа одного из солдат:

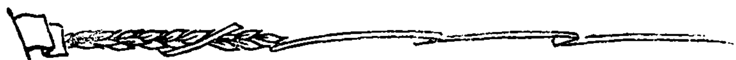
— Наши!

Младший лейтенант Климушкин снял пилотку и обтер уставшее, в известковой пыли и копоти лицо, которое широко и радостно улыбалось. А через час перед ним появился и капитан Горелик.

— Разрешите доложить... — начал было Климушкин.

— Все ясно и без доклада, — перебил его капитан Горелик и крепко обнял отважного воина. За этот подвиг младшему лейтенанту было присвоено звание Героя Советского Союза.

В. Радыльчук

ОТ МОСКВЫ ДО БЕРЛИНА

Это было тяжелое время для нашей Родины. Зима 1941 года уже хозяйничала на подмосковной земле.

Там, где еще несколько дней назад трудно было действовать танкам и автомашинам из-за грязи, теперь было раздолье.

Это благоприятное обстоятельство и пыталось использовать фашистское командование. Оно начало новое наступление на Москву.

В начале декабря 1941 года 106-я пехотная и 2-я танковая дивизии противника овладели рубежом Кузяево, Красная Поляна, Владычино. До Москвы оставалось не более двадцати пяти километров. Нужно было преградить врагу дорогу на Москву, а затем разбить его.

В выполнении этой задачи приняла участие и часть, в которой служил Максим Яковлевич Денисов.

Уроженец села Малое Станичное Карсунского района Ульяновской области Максим Денисов рано познал трудовую жизнь. Скромный и спокойный по натуре, он всегда был горяч в работе. Трудом своим в колхозе снискал всеобщее уважение. И когда в 1935 году его при

звали в Красную Армию, почти все колхозники пришли провожать своего земляка в далекую дорогу.

Через неделю он был уже в Забайкалье.

Попав в полковую школу и успешно окончив ее, Денисов в звании помощника командира взвода прослужил в Забайкалье до 1939 года.

Его мечта стать командиром Красной Армии наконец-то сбылась. Он стал курсантом Хабаровского пехотного училища.

Пролетели незаметно два года напряженной учебы.

Всегда подтянутый, с безукоризненной строевой выправкой, полный энергии молодой командир взвода Денисов много трудился, чтобы вывести свое подразделение в передовое. Он строго придерживался правила: «Учить войска тому, что необходимо на войне».

Летний лагерный период был в разгаре, когда пришла страшная весть: фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз.

* * *

Вечерело. На дворе крепчал декабрьский мороз, ловко заползавший под солдатскую телогрейку. Денисов, осторожно открыв дверь, быстро вскочил в землянку. Здесь было жарко и душно. Бледный свет от лампы, сделанной из гильзы снаряда, тяжело падал на бревенчатые серые стены и потолок. Сквозь табачный дым Денисов разглядел за столом Клещева. Он, слегка склонившись, внимательно рассматривал что-то на лежащей перед ним карте. Заметив вошедшего, он обратился к Денисову:

— Нужно добыть «языка». Это поручается вам. Тщательно обдумайте план и доложите мне. Учтите: много смельчаков заходило в глухую полночь в тыл противника, но никому из них не удавалось захватить живого фашиста.

...По плану штаба части за несколько дней до поиска был избран объект захвата, за которым в течение этого времени велось тщательное наблюдение. Были изучены пути подхода и огневая система противника, определено время для проведения поиска.

Денисов начал готовить своих разведчиков. Разбил взвод на две группы: группу захвата и поддерживающую.

В группу захвата вошли сержанты Кудрявцев и Никифоров. Возглавил ее сам командир взвода Денисов. Старшим поддерживающей группы назначен был помощник командира взвода Зайцев.

Взглянув на часы, Денисов задумался. Стрелки часов показывали, что скоро наступит время поиска.

Стояла морозная, безлунная ночь. Падал легкий снежок. Ветер подхватывал его, кружил и будто по заказу густой дымкой закрывал едва заметные очертания переднего края противника.

Разведгруппа под покровом ночи с 5 на 6 декабря вышла на свой передний край, откуда в 00 часов двинулась по намеченному маршруту. Пользуясь снежными заносами, разведчики легко преодолели минное поле, проволочное заграждение и бесшумно подползли к первой траншее противника. Поддерживающая группа была остановлена, а группа захвата поползла дальше. Заметив за траншеей справа вражеский расчет у пулемета, затаилась. Пулеметное гнездо оказалось между Денисовым и Никифоровым. Подпустив патруль противника вплотную, они набросились на него. На шею накинули веревку, завернули в плащ-палатку, потащили...

Фашист через некоторое время, придя в себя, закричал. Поднялась стрельба. Стреляли и наши, и немцы. Все бойцы группы захвата оказались легко ранеными, но «языка» взяли. Командование получило ценные сведения.

На следующий день завязались упорные бои с противником.

Взвод Денисова дал клятву: стоять насмерть. Свою клятву бойцы сдержали.

В этом бою Максим Денисов был ранен в руку, но продолжал оставаться на своем боевом посту, хотя ему и было предложено пойти в тыл.

На второй день Денисов был снова ранен и контужен и в бессознательном состоянии вынесен с поля боя.

Как ни трудно было покидать свою боевую семью, но руководить боем он больше не мог, и его отправили в глубокий тыл на излечение.

* * *

В ходе войны по инициативе трудящихся, советских и партийных организаций с разрешения Верховного

Главнокомандующего был сформирован Уральский добровольческий танковый корпус.

В этом прославившемся потом в боях с фашизмом танковом корпусе в составе 29-й гвардейской мотострелковой бригады и начал свою службу после выздоровления Максим Яковлевич Денисов.

Бригада готовилась к отправке на фронт. Денисов, уже с боевым опытом командир, днем и ночью готовил свое подразделение к предстоящим боям. Сражения под Москвой закалили его волю, сделали еще более решительным.

Июль был уже на исходе, когда бригада под командованием полковника Смирнова в составе 10-го уральского добровольческого танкового корпуса сосредоточилась в исходном районе для ввода в прорыв.

Противник, сильно укрепившись западнее Болхов, непрерывными атаками с воздуха стремился задержать наступление наших войск и дать возможность отойти своей группировке. Особенно тяжелые ночные бои были на водных рубежах рек Орс и Нугрь.

Бригада, взаимодействуя с танковыми частями, за пятнадцать суток прошла с боями свыше семидесяти километров, преодолела двенадцать водных преград и освободила от врага до пятидесяти населенных пунктов.

Смело и дерзко дрались автоматчики Денисова. Они наводили страх на врага.

За мужество и героизм, проявленные в боях, четыреста девяносто один человек — рядовые, сержанты и офицер бригады — был награжден орденами и медалями Советского Союза. На груди бесстрашного командира автоматчиков Денисова засверкал орден Красной Звезды.

* * *

...Шли дни. Позади остались Унеча, Новозыбков, Каменец-Подольск и ряд других советских городов, с боями освобожденных 10-м гвардейским Уральским добровольческим танковым корпусом.

29-я гвардейская мотострелковая бригада 27 июля 1944 года сосредоточилась в исходном районе Бзовица для ввода в прорыв на Львовском направлении. Перед ней стояла задача: прорвать вместе с другими частями сильно укрепленную, глубоко эшелонированную оборону немцев и штурмом овладеть Львовом.

Рота автоматчиков под командой старшего лейтенанта Денисова получила задачу: пройти в тыл противника, произвести разведку, выяснить наличие воинских частей в городе. Потом выйти на восточную окраину Львова и установить связь с нашими передовыми частями, которые должны были подойти к городу.

Подразделение гвардии старшего лейтенанта Денисова шло форсированным маршем, скрытно, лесами, днем и ночью. И, опередив отходящие на Львов части противника, вышло на восточную окраину города, заняв подготовленные противником оборонительные сооружения.

Разведчики обнаружили, что в ближайшем к городу селе находятся войска противника, количеством до батальона. Они намереваются отходить к восточной окраине города — на оборонительные сооружения, занятые подразделением Денисова.

Создалась критическая обстановка. Рота Денисова заняла огневые позиции, приготовилась к бою. Фашисты подходили все ближе и ближе. Денисов через переводчика и местных жителей предложил им сдать оружие, но фашистское командование не приняло предложения. Тогда рота Денисова открыла огонь. Гитлеровцы не ожидали такого внезапного огневого удара. Большинство здесь же нашло свою могилу, а оставшиеся в живых, около ста восьмидесяти человек, были взяты в плен.

Такие умелые и решительные действия Денисова способствовали тому, что поздно вечером основные силы 10-го гвардейского танкового корпуса штурмом овладели древним городом Украины Львовом.

Ведя бой за каждый квартал города, бойцы Денисова установили, что фашисты при отступлении заминировали городскую электростанцию и хлебозавод, подготовили их к взрыву.

Денисов быстро организовал охрану заминированных объектов, а саперы батальона обезвредили мины. Хлебозавод и электростанция не были уничтожены.

В это же время к Денисову подбежал его автоматчик и доложил, что пришел неизвестный гражданин и хочет что-то важное сказать советскому офицеру.

— Быстро доставить его ко мне, — распорядился Денисов.

Подошедший представился:

FIS

— Я местный учитель из украинских партизан. — Затем он рассказал, что на железнодорожных путях стоят два эшелона с награбленным фашистами добром. Эти эшелоны вот-вот должны отправить в Германию.

Денисов приказал местным партизанам разобрать железнодорожное полотно, а сам со взводом уничтожили охрану эшелонов.

Продвигаясь с боями от квартала к кварталу, автоматчики Денисова обнаружили немецкую комендатуру. Рядом с ней, на дороге стояло восемь тяжело груженных автомобилей с заведенными моторами. Завязался бой. Комендатуру разгромили, а машины доставили в штаб части.

* * *

Раннее январское утро 1945 года потонуло в белом тумане. Дул резкий восточный ветер, как бы подгоняя отставших. 29-я гвардейская бригада, уничтожая разрозненные группы противника, стремительным маршем вышла на реку Одер.

Подразделение Денисова получает приказ: первым из частей бригады форсировать реку Одер, занять плацдарм на его западном берегу и обеспечить переправу остальным частям бригады и корпуса.

Немцы возлагали большие надежды на мощные оборонительные сооружения, построенные на Одере. Здесь у врага были три линии траншей с густо развитой сетью ходов сообщений. На близком расстоянии друг от друга сооружены были доты, построены открытые площадки для пулеметов и минометов. Каждый метр восточного побережья реки простреливался многослойным огнем.

Немцы считали Одер непреодолимой преградой.

Денисов собрал коммунистов и комсомольцев своей роты. Разъяснил кратко обстановку, нацелив каждого на выполнение поставленной перед подразделением задачи.

Потом он дал слово парторгу роты. Тот достал из полевой сумки измятый листок корпусной красноармейской газеты и прочитал: «Вот он и Одер. Были мы на Висле, мы вышли на Одер. Наши знамена реют над Померанией, Бранденбургом. Советские «тридцатьчетверки», ведомые гвардецами, беспощадно истребляют врага. Дорога от Вислы до Одера — дорога нашей славы...»

Кончив читать, он воскликнул:

— Гвардейцы, вперед на западный берег! Недалеко Берлин!

Исключительный порыв овладел бойцами. Каждый из них рвался на ту сторону реки.

Денисов доложил командованию о готовности подразделения к выполнению задачи. Вскоре последовал сигнал по радио: начать переправу.

Противник яростно сопротивлялся. Но это было уже бесполезно. Наших бойцов ничто не в состоянии было остановить. На подручных средствах, по ломающемуся льду, обходя полыни и воронки, они ползли на правый берег реки. Уничтожая сопротивляющегося противника, ворвались в село Дибан, полностью разгромив находившийся там гарнизон.

С рассветом еще до подхода наших частей противник, подтянув свежие силы, не раз бросался в контратаку, но гвардейцы отбили ее, расширив захваченный плацдарм.

В наградном листе командира 10-го гвардейского Уральского добровольческого танкового корпуса было сказано:

«...Гвардии старший лейтенант Денисов Максим Яковлевич, командуя ротой, первый по ломаному льду переправился на западный берег реки Одер. Штурмуя сильно укрепленную полосу противника, он со своей ротой уничтожил сто двенадцать немцев и пятьдесят восемь взял в плен. Захватил две пушки, шесть пулеметов, сорок три винтовки и две автомашины. После этого он смело отражал контратаки противника, нанося ему большие потери в живой силе и технике.

За проявленное мужество и геройство тов. Денисов достоен высшей правительственной награды — присвоения звания Героя Советского Союза».

* * *

Темнело. Бой утихал. Все реже появлялись немецкие танки. Вдали на правом фланге сквозь опускавшиеся дымные сумерки прорывались отдельные автоматные очереди.

Бойцы подразделения Денисова собрались в полуразрушенном блиндаже. Появился чай и, конечно, долгожданный солдатский перекур. Задымили цигарки. А ря-

дом из соседней землянки уже доносилась неведомо кем сочиненная песенка:

Приказ выступать — и в походе мы снова,
Не сдержит нас вражий заслон.
И танки, и пушки, и люди готовы
Последний пройти перегон.

Только один перегон и... Берлин. Кончился вечер, обычный фронтовой вечер. Тот, кто свободен, спит в блиндаже, а кто заступил на боевую вахту, зорче всматривается в темноту ночи и крепче сжимает в руках автомат...

С восходом солнца в окошко блиндажа упал весенний луч и коснулся груди Максима Яковлевича Денисова, осветил орден Ленина и медаль «Золотая Звезда». Так Родина оценила героический подвиг своего верного сына.

* * *

Берлин... Серая, невзрачная казематная столица. Советские солдаты грезили о тебе в коротких неспокойных снах еще на выжженом волжском берегу. Они знали, что придут сюда, на берег Шпрее, что под их ногами будет берлинская земля. И гвардейцы пришли в Берлин.

«Нас вера в жизнь с боями привела
Сквозь сто смертей на подступы к Берлину».

Так писала красноармейская газета 1 апреля 1945 года.

А на рассвете в один из апрельских дней бригада прорвала сильно укрепленную оборону немцев на реке Нейссе, форсировала реку Шпрее, вышла на канал Тельтов. Этим она завершила вместе с другими частями Советской Армии окружение берлинской группировки с юга. А затем приняла участие в штурме Берлина.

В этих завершающих боях отличилась рота автоматчиков Денисова.

* * *

Третий день шел ожесточенный неравный бой на улицах Праги. Восставший город, истекая кровью, упорно сопротивлялся. Древней Праге грозило полное разруше-

ние. Нужна была немедленная помощь. И эта помощь пришла.

Бригада, в которой служил Денисов, в составе танкового корпуса с исходного рубежа Борниц стремительно двинулась на Прагу.

Одна только ночь — и стокилометровый бросок. Под утро гвардии старший лейтенант Денисов с автоматчиками на броне танков вошел в освобожденную Прагу. Цветами забрасывали жители Праги советских воинов, своих братьев-освободителей.

В этом последнем бою вместе с Денисовым принимала участие и его боевая подруга, медсестра Евдокия Петровна Денисова.

В последнем бою за Прагу супруги Денисовы были тяжело ранены и вывезены в Советский Союз. Лечились в одном госпитале.

После выздоровления Денисовы, демобилизовавшись по состоянию здоровья, вернулись на родину, в рабочий поселок Карсун.

Максим Яковлевич сейчас работает токарем столярного цеха райпромкомбината. Сто пятьдесят — двести процентов за смену — вот показатели его труда!

Именной указатель и краткие биографические справки о Героях Советского Союза — ульяновцах

1. **АБРАМОВ Петр Александрович.** Родился в 1923 г. в с. Еделеве Ульяновского района. В годы войны — командир орудия, гвардии сержант. Отличился в ряде боев за освобождение Украины. Спас штаб дивизиона, окруженный вражеской пехотой. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 февраля 1945 г. Сейчас живет в Ульяновске.

2. **АКИМОВ Александр Васильевич.** Родился в 1924 г. в поселке им. Ленина Барышского района. В Советской Армии с 1942 г. Учился в Моршанском пулеметном училище. Участвовал в боях за города Коростень и Луцк. Командуя взводом разведчиков, первым переправился через реку Одер и боем обеспечил форсирование реки остальным подразделениям батальона. 10 апреля 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время живет на родине.

3. **АЛАШЕЕВ Юрий Тимофеевич.** Родился в 1923 г. в г. Инзе. Летчик-испытатель. Установил пятнадцать различных мировых рекордов на скоростных самолетах. Погиб во время одного из полетов в 1959 г. Посмертно 5 мая 1960 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

4. **АНОШИН Михаил Степанович.** Родился в г. Ульяновске в 1915 г. С 1933 г. до призыва работал слесарем-механиком на хлебозаводе. Призван в Советскую Армию в 1936 г. Был механиком-водителем танка. В боях на р. Халхин-Гол в 1939 г., умело маневрируя танком, уничтожил пять орудий и шесть пулеметов вместе с расчетами. Более полутора суток отражал атаки японцев, находясь в осажденном танке. Погиб во время атаки 9 июля 1939 г. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 29 августа 1939 г.

5. **БАРЫШЕВ Аркадий Федорович.** Родился в 1925 г. в с. Выходцева Слобода Мелекесского района. В Советскую Армию при-

зван в 1943 г. В числе двенадцати комсомольцев в июле 1944 г. форсировал реку Свирь, вызвав на себя огонь противника и этим заставив его вскрыть систему своего огня. 21 июля 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Умер в 1956 г.

6. **БАРЫКОВ Геннадий Иванович.** Родился в 1921 г. в поселке при ст. Базарная Инзенского района. Окончив 7 классов Барышской школы, был призван в Советскую Армию. В боях под Кенигсбергом, командуя орудийным расчетом, подавил четыре пулемета, три пушки, подбил два танка и уничтожил до двадцати гитлеровцев. Сорвал замысел противника контратаковать наши подразделения. Звание Героя Советского Союза присвоено 29 июня 1945 г. В настоящее время живет в Москве.

7. **БЕЛОВ Григорий Андреевич.** Родился в 1901 г. в с. Сара Сурского района. Член КПСС с 1919 г. Рабочий-водник. В Советской Армии с 1918 г., доброволец. Участник гражданской и Великой Отечественной войн. Прошел боевой путь от матроса Волжской военной флотилии до генерала — командира кавалерийской дивизии. Звание Героя Советского Союза присвоено 13 января 1944 г. за успешное проведение операции по освобождению г. Чернигова. В настоящее время живет в Москве.

8. **БЕРКУТОВ Ибрагим Белялович.** Родился в 1918 г. в с. Калде Барышского района. В Советской Армии с 1939 г. Член КПСС. При форсировании Днепра, руководя взводом саперов, под огнем противника обеспечил быструю переброску личного состава и военной техники на правый берег. В тылу противника подорвал пятидесятиметровую дамбу и тридцатисемиметровый мост через р. Сула. 13 ноября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб 14 декабря 1943 г.

9. **БОГАТОВ Петр Антонович.** Родился в 1921 г. в с. Старое Никулино Майнского района. В боях на Висле в августе 1944 г. батарея лейтенанта Богатова, отражая натиск врага, нанесла ему большие потери. Когда все орудия вышли из строя, Богатов с уцелевшими бойцами продолжал оборонять огневые позиции, отбил все атаки врага, сохранив орудия. 23 сентября 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время живет в Москве.

10. **БОРИСОВ Борис Степанович.** Родился в 1917 г. в с. Большая Бекетовка Карсунского района. После окончания семилетней школы работал избачом, секретарем Астрадамовского райкома ВЛКСМ. В Советской Армии с 1940 г. Учился в военно-политическом училище и на курсах «Выстрел». Командовал стрелковым батальоном. За успешное форсирование Днепра и захват плацдарма на его левом берегу, 20 декабря 1943 г. гвардии капитану Борисову присвоено зва-

ние Героя Советского Союза. После войны работал райвоенкомом. Живет в г. Барыше.

11. **БОРИСОВ Михаил Павлович.** Родился в 1924 г. в с. Качкарлей Николаевского района. Командир отделения понтонеров, ефрейтор. Награжден медалями «За отвагу», «За оборону Ленинграда» и орденом Красной Звезды. В июле 1944 г. понтонеры Борисова под ожесточенным огнем противника построили паромы и шестидесятитонный мост для переправы войск через Вислу. 10 апреля 1945 г. Борисову присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб в 1945 г.

12. **БУДИЛИН Иван Михайлович.** Родился в 1924 г. в с. Головкино Чердаклинского района. Призван в армию в 1942 г. Будучи командиром отделения связи, первым переправился со своим отделением через Днепр, ворвался в немецкую траншею и выбил фашистов. Под артиллерийским огнем противника на небольшом плоту навел связь через Днепр и устойчиво поддерживал ее. Звание Героя Советского Союза присвоено 30 октября 1943 г. Живет в Целинном крае.

13. **БУРМИСТРОВ Иван Николаевич.** Родился в 1920 г. в с. Норовке Ульяновского района. Окончив курсы слесарей, работал на заводе. В армию призван в 1940 г. Во время войны при форсировании Днепра обеспечил боевую связь правого берега с левым. Звание Героя Советского Союза присвоено 26 октября 1943 г. Живет в Ульяновске.

14. **ВАРАКИН Николай Григорьевич.** Родился в 1912 г. в с. Усть-Урень Карсунского района. В Советской Армии с 1937 г. Член КПСС. Во время Отечественной войны — командир саперного взвода. В районе ст. Черемха и Вайноде подорвал три немецких танка, обезвредил более шестисот мин, сделал десять проходов в проволочных заграждениях. Находясь впереди боевых порядков пехоты, построил шесть штурмовых мостиков и уничтожил пятьдесят одну мину. Звание Героя Советского Союза посмертно присвоено 31 мая 1945 г. Погиб 16 марта 1945 г.

15. **ВАСИН Василий Иванович.** Родился в 1923 г. в с. Вороновке Инзенского района. В 1941 г. ушел добровольцем в армию и был направлен в Ульяновское пехотное училище. Член КПСС. Во время боев за Днепр старший лейтенант Васин командовал стрелковой ротой. За подвиги, совершенные в этих боях, 29 октября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Умер в 1949 году.

16. **ВАСЯНИН Григорий Федорович.** Родился в 1896 г. в с. Генеевке Барышского района. Участник трех войн. В составе 24-й Железной дивизии воевал против белогвардейцев на Урале и в Крыму. В 1941 г. пошел добровольцем на фронт. Был сапером. Отличился при форсировании Тиссы, за что 24 марта 1945 г. ему было при-

своено звание Героя Советского Союза. Сейчас живет в пос. Кузоватово.

17. **ВАХРАМЕЕВ Михаил Федорович.** Родился в 1923 г. в с. Кайбелы Чердаклинского района. В 1941 г. поступил добровольцем в армию, окончил Пензенское артиллерийское училище. В 1943 г. — командир взвода противотанковой артиллерии. Участвовал в штурме Мелитополя. Уничтожил восемь танков, большое количество солдат и офицеров. С оставшейся в живых горсточкой бойцов отбил немецкие контратаки, в схватке убил десять фашистов. Звание Героя Советского Союза присвоено 1 ноября 1943 г. Служит в Советской Армии.

18. **ВИКУЛОВ Павел Иванович.** Родился в 1920 г. в с. Андреевке Николаевского района. Гвардии младший лейтенант. Погиб 23 января 1945 г. За образцовое выполнение боевого задания и проявленные при этом отвагу и геройство 27 февраля 1945 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

19. **ВИТВИНСКИЙ Валентин Федорович.** Родился в 1924 г. в г. Алатыре. Призван Сурским райвоенкоматом в 1942 г. Член ВЛКСМ. Командир орудия, гвардии старший сержант. Звание Героя Советского Союза присвоено за подвиги, совершенные при форсировании Днепра 13 ноября 1943 г. Погиб 2 апреля 1944 г.

20. **ВОЛЫНЦЕВ Василий Михайлович.** Родился в 1921 г. в с. Белый Ключ Карсунского района. Член ВЛКСМ. Призван в армию в 1941 г. В боях при форсировании Днепра под огнем противника, находясь часами в воде и устраняя повреждения в боевой линии связи, обеспечил огонь нашей артиллерии и минометов. Звание Героя Советского Союза присвоено 20 декабря 1943 г. Погиб в бою в 1943 г.

21. **ВОРОБЬЕВ Егор Терентьевич.** Родился в 1918 г. в с. Средние Тимерсяны Ульяновского района. В армии с 1938 г., был автомехаником и шофером. Член КПСС. На фронте — парторг роты. За месяц наступательных боев в январе—феврале 1945 г. уничтожил девяносто пять гитлеровцев и девятерых взял в плен. В боях на Одере поднял роту в атаку и помог батальону отстоять захваченный рубеж. Звание Героя Советского Союза присвоено 27 июня 1945 г. Живет на родине.

22. **ВОСТРИКОВ Василий Дмитриевич.** Родился в 1910 г. Призван Николаевским райвоенкоматом в 1943 г. Механик-водитель танка. Звание Героя Советского Союза присвоено 10 апреля 1945 г. за подвиги, совершенные им в боях при форсировании Одера. Погиб в 1945 г.

23. **ГЕРАСИМОВ Николай Семенович.** Родился в 1911 г. в Ульяновске в семье рабочего. Работал ткачом на Языковской и Ишеев-

ской фабриках. Окончил Ульяновский аэроклуб и курсы старших инструкторов, а позднее — авиаучилище. Член КПСС. В 1938 г. участвовал в воздушных боях в республиканской Испании. В первом же бою сбил два фашистских самолета, за что 23 февраля 1939 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Участвовал в боевых действиях на р. Халхин-Гол, в Финляндии и в Великой Отечественной войне в качестве инструктора, командира авиаполка, дивизии. За боевые отличия награжден многими орденами и медалями. Умер в 1960 г.

24. **ГОЛИЧЕНКОВ Петр Иванович.** Родился в 1921 г. в с. Должниково Инзенского района. Снайпер отдельной разведывательной роты. Отлично владея снайперским мастерством, один из первых в 8-й армии открыл счет уничтоженным фашистам. На Ленинградском фронте огнем из своей винтовки и в рукопашных схватках истребил двести двадцать пять гитлеровцев. 6 февраля 1942 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Живет на родине.

25. **ГОРБУНОВ Александр Матвеевич.** Родился в с. Араповке Майнского района. Летчик бомбардировочной авиации. За отличное выполнение боевых заданий командования на Северном Кавказе старшему лейтенанту Горбунову 1 мая 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза. В 1946 г. окончил Военно-воздушную академию, а в 1958 г. — академию Генерального штаба. В настоящее время полковник Горбунов продолжает службу в Советской Армии.

26. **ГОРЕЛОВ Александр Петрович.** Родился в 1923 г. в с. Барановке Николаевского района. В 1942 г. призван в армию и направлен в Ташкентское военное училище. За боевые отличия награжден орденами Красной Звезды, Красного Знамени и орденом Кутузова 3-й степени. Командуя стрелковым батальоном, при форсировании Одера и в боях за Берлин образцово выполнял задание командования. Его батальон захватил более сорока городских кварталов и взял в плен две тысячи триста восемьдесят гитлеровцев. 15 мая 1946 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В 1953 г. умер.

27. **ГОРОДЕЦКИЙ Василий Романович.** Родился в 1904 г. в с. Крестниково Ульяновского района. В марте 1945 г. — рядовой автоматчик. Отличился в бою у озера Балатон при отражении атаки вражеских танков. 29 июня 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Живет в Ульяновске.

28. **ГРИШИН Александр Сергеевич.** Родился в 1920 г. в с. Стемас Майнского района. Призван в армию в 1940 г. Кавалер ордена Славы 3-й степени. Командир отделения. Под огнем противника, на одном бревне, при полной боевой выкладке переплыл Западную

Двину и прикрывал огнем переправу своих товарищей. Уничтожил огневую точку с ее расчетом, захватил два пулемета и несколько винтовок. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 июля 1944 г. Сейчас живет в Куйбышеве.

29. **ГУСЕВ Дмитрий Николаевич.** Родился в 1894 г. в пос. Карсун в семье адвоката. Окончил школу прапорщиков. В Советской Армии с 1920 г. Командовал полком, дивизией. С 1938 г. — преподаватель тактики в академии им. Фрунзе. В 1941—1943 гг. — начальник штаба Ленинградского фронта. Позднее — командующий 21-й армией, командующий округом. За разработку и проведение в жизнь плана операций по прорыву блокады Ленинграда и проявленные при этом мужество и отвагу 6 апреля 1945 г. генерал-полковнику Гусеву присвоено звание Героя Советского Союза. За боевые заслуги награжден многими орденами и медалями. Умер в 1957 г.

30. **ГУСЛЕВ Георгий Данилович.** Родился в Ульяновске в 1916 г. в семье рабочего. Работал в железнодорожном депо слесарем, токарем, бригадиром. Член КПСС. В 1937 г. призван в армию. Был стрелком-радистом. В 1940 г в воздушном бою с белофиннами, будучи трижды ранен, сбил три финских истребителя, а четвертого отогнал огнем, за что 7 апреля 1940 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас живет в Ленинграде.

31. **ДАВЫДОВ Иван Васильевич.** Родился в 1893 г. в с. Русская Темрязань Барышского района. Служил рядовым и унтер-офицером в старой армии. В 1917 г. был выборным командиром роты. В 1918 г. — председатель комитета бедноты. В Советской Армии с 1919 г. Окончил командные курсы в Казани и курсы «Выстрел». Участник ликвидации кронштадтского мятежа в 1921 г. Член КПСС с 1919 г. В 1941—1944 гг. — начальник Львовского пехотного училища, затем — заместитель командира 125-го стрелкового корпуса, генерал-майор. В боях под Берлином лично руководил частями корпуса на самых ответственных и опасных участках. Героически погиб 26 апреля 1945 г. Похоронен в г. Бернау. 31 мая 1945 г. посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

32. **ДЕЕВ Владимир Николаевич.** Родился в 1925 г. в Ульяновске. В июле 1944 г. красноармеец Деев одним из первых форсировал р. Нарву и завязал бой в траншее. В бою у деревни Водова первым ворвался в траншею, уничтожил несколько гитлеровцев, затем вместе с двумя бойцами подбил танк, поджег семь автомашин, убил командира гитлеровского полка и доставил в штаб семь пленных. Погиб 29 октября 1944 г. на о. Сарема при штурме дзота. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 24 марта 1944 г.

33. **ДЕНИСОВ Максим Яковлевич.** Родился в 1913 г. в с. Малое Станичное Карсунского района. Член КПСС. Командуя ротой автоматчиков, первый переправился на западный берег Одера, овладел сильно укрепленной полосой и обеспечил форсирование реки мотострелковой бригадой. 10 апреля 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Живет в поселке Карсун.

34. **ДМИТРИЕВ Алексей Петрович.** Родился в 1913 г. в с. Каранино Тереньгульского района. С 1930 г. работал в Москве штукатуром и слесарем-сборщиком. В 1932 г. ушел добровольцем в армию. Окончил военно-инженерную школу и академию им. Фрунзе. С 1941 г. на фронте — командир полка, позднее — начальник штаба дивизии. Член КПСС. За успешное форсирование Днепра, прочное закрепление и расширение плацдарма на западном берегу реки гвардии майору Дмитриеву 23 октября 1943 г. присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время — полковник запаса, живет в Омске.

35. **ЕЖОВ Константин Андреевич.** Родился в 1917 г. в с. Красная Река Чердаклинского района. Окончив Ульяновский пединститут, работал учителем. Призван в армию в 1939 г. Окончил танковое училище. Звание Героя Советского Союза присвоено 13 сентября 1944 г. Служит в Советской Армии.

36. **ЕМЕЛЬЯНОВ Петр Николаевич.** Родился в 1920 г. в с. Рязановке Новоспасского района. В армии с 1939 г. Командуя танковой ротой, атакуя противника, первым ворвался в г. Любомль и, преследуя гитлеровцев, вышел к государственной границе. Форсировал р. Западный Буг в районе с. Опалин и своими действиями обеспечил продвижение наших войск. Звание Героя Советского Союза присвоено 22 августа 1944 г. Умер в 1947 г.

37. **ЕРМИНЕЕВ Виктор Иванович.** Родился в 1925 г. в с. Аврали Мелекесского района. Командир зенитного орудия, младший сержант. В бою под Выборгом отразил налет двадцати четырех фашистских «Юнкерсов», сбил два самолета. 18 ноября 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденом Красная Звезда, медалями «За оборону Ленинграда» и «За взятие Берлина». Сейчас живет на родине.

38. **ЖИГАРИН Федор Александрович.** Родился в 1920 г. в с. Елховке Карсунского района. В 1938 г. окончил с отличием Балашовскую авиашколу. Член КПСС. За высокое мастерство в боевом и летном искусстве, героизм и отвагу в боях с немецким фашизмом 8 сентября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Живет в пос. Сурское.

39. **ЖУКОВ Иван Федорович.** Родился в 1917 г. в селе Старое Томышево Новоспасского района. В боях на Курской дуге

командир противотанкового орудия, старший сержант. Будучи со своим орудием окружен фашистами, метким огнем подбил несколько танков и расстрелял в упор окруживших его автоматчиков. 21 сентября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб под г. Ровно 8 февраля 1944 г.

40. **ЗЕМЛЯКОВ Василий Иванович.** Родился в 1913 г. в с. Мостовая Ульяновского района. В 1931 г. призван в армию и направлен в Ульяновскую бронетанковую школу. Член КПСС с 1942 г. Участвовал в боях на р. Халхин-Гол в 1939 г. В годы Отечественной войны — командир роты, батальона, бригады. В марте 1945 г. бригада полковника Землякова форсировала с ходу р. Леба и канал Бренкенхоф, захватила четырехкилометровую дамбу с пятью мостами и плацдарм в районе г. Лауенбург. За эти действия 29 июня 1945 г. полковнику Землякову присвоено звание Героя Советского Союза. После войны окончил курсы усовершенствования, и заочно — Бронетанковую академию. Живет в Симферополе.

41. **ЗИМИН Виктор Петрович.** Родился в 1917 г. в с. Загоскино Майнского района. Командир отделения разведки инженерно-саперного батальона, старшина. Имеет несколько правительственных наград. Смелыми и решительными действиями спас мост через р. Шешупе (Литовская ССР). 24 марта 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб в Восточной Пруссии в 1945 г.

42. **ЗИНИН Андрей Филиппович.** Родился в 1915 г. в пос. Глотовке Инзенского района. В 1938 г. призван в армию. В бою с белофиннами в 1940 г., командуя танковым взводом, уничтожил несколько дзотов. Когда его танки попали в противотанковый ров, поочередно вытащил их своей машиной и, продолжая вести бой, выполнил поставленную задачу. 7 апреля 1940 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Участвовал в боях с немецкими фашистами. В настоящее время живет в г. Ново-Троицке Оренбургской области.

43. **ИЛЬГАЧЕВ Иван Васильевич.** Родился в 1902 г. в с. Чувашская Кулатка Старо-Кулаткинского района. В Советской Армии с 1941 г. Был сапером. В 1943 г. во время форсирования Днепра под сильным огнем противника навел переправу через реку. 30 октября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время живет на родине.

44. **КАРАБАНОВ Алексей Алексеевич.** Родился в 1919 г. в с. Годяйкино Инзенского района. В Советской Армии с 1938 г. В 1940 г. окончил с отличием Ульяновское танковое училище. На Первом Белорусском фронте — командир танкового батальона. В боях за освобождение Польши, находясь в авангарде, смелыми и решительными дйствиями своего батальона прокладывал путь главным

силам бригады. Героически погиб при штурме Мезеритцкого УРа в январе 1945 г. 27 февраля 1945 г. посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

45. **КАРПОВ Николай Филиппович.** Родился в 1914 г. в с. Репьевке Ново-Спасского района. Был командиром взвода штурмового инженерно-саперного батальона. Проникнув в тыл противника, взорвал несколько железобетонных дотов. 24 марта 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас живет в Куйбышеве.

46. **КАРЮКИН Геннадий Петрович.** Родился в 1924 г. в Ульяновске. В конце 1941 г. ушел добровольцем в армию и поступил во 2-е Ульяновское танковое училище. Сражался на Калининском, Воронежском и Первом Украинском фронтах в качестве командира танкового взвода, а затем — роты. Совершил смелый рейд по тылам врага в Черновицкой операции, за что 26 апреля 1944 г. ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Погиб в бою на р. Сан 23 июля 1944 г.

47. **КАШТАНКИН Виктор Николаевич.** Родился в 1910 г. в с. Большие Ключищи Ульяновского района. Летчик штурмовой авиации. За подвиги в боях с белофиннами в 1940 г. награжден орденом Красного Знамени. В 1944 г. за двадцать три дня совершил тридцать шесть боевых вылетов. На его счету — десятки разрушенных дзотов, батарей, несколько потопленных кораблей. 24 марта 1944 г. совершил бессмертный подвиг, направив горящий самолет на вражеский сторожевой корабль. Посмертно 31 мая 1944 г. гвардии майору Каштанкину присвоено звание Героя Советского Союза.

48. **КЛИМУШКИН Александр Степанович.** Родился в 1924 г. в с. Беркулейке Барышского района. Член КПСС. В Советской Армии с 1942 г. Окончил Владимирское пехотное училище и курсы «Выстрел» Командир взвода тяжелого оружия. Участник штурма Берлина и рейхстага. Награжден многими орденами и медалями. Звание Героя Советского Союза присвоено 15 мая 1946 г. В настоящее время живет в пос. Кузоватово.

49. **КНЯЗЬКИН Николай Григорьевич.** Родился в 1919 г. в с. Старые Алгаши Ульяновского района. В 1939 г. призван в Советскую Армию. Механик-водитель танка. В боях за село Хотив под Киевом уничтожил две пушки, пять огневых точек и до роты гитлеровцев. Ведя неравный бой, 6 ноября 1943 г. погиб смертью храбрых. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 10 января 1944 г.

50. **КОКОРИН Анатолий Михайлович.** Родился в 1921 г. в Ульяновске. В Советской Армии с 1941 г. Участник боев на Северо-Кав-

казском фронте. Командир стрелкового взвода. За успешное форсирование Керченского пролива 17 ноября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Пропал без вести в декабре 1943 г.

51. **КОНДРАШИН Иван Павлович.** Родился в 1914 г. в с. Хвостихе Барышского района. В Советской Армии с 1936 г. Член КПСС. Будучи командиром танка, ворвался на мост через р. Прегель (Восточная Пруссия), уничтожил двадцать восемь саперов, готовивших взрыв моста, и удерживал мост до подхода своих. За этот подвиг 24 марта 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время подполковник запаса. Живет в Минске.

52. **КОТЕЛЬНИКОВ Николай Александрович.** Родился в 1912 г. в пос. Карсун. Член КПСС. В Советской Армии с 1932 г. по настоящее время. На Первом Белорусском фронте — командир артдивизиона. За умелые решительные действия по разгрому ряда опорных пунктов противника 15 мая 1946 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

53. **КОШЕЧКИН Борис Кузьмич.** Родился в 1921 г. в с. Бекетовке Карсунского района. На Первом Украинском фронте — командир танковой роты. Отличился, выполняя боевое задание по разведке в глубоком тылу противника в районе Тернополя, за что 29 мая 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В 1947 г. окончил Бронетанковую академию. Служит в Советской Армии.

54. **КРОТОВ Борис Андреевич.** Родился в 1899 г. в с. Чириково Барышского района, в семье батрака. В 1917—1918 гг. — красногвардеец рабочего отряда Симбирского патронного завода. В 1928 г. окончил экстерном пехотную школу, а в 1938 г. — академию им. Фрунзе. Член КПСС с 1927 г. В 1941 г. — командир кавалерийского полка, майор. В начальный период войны героически оборонял со своим полком главное направление на Берст-Литовском шоссе. Погиб при отражении атаки танков. 9 ноября 1941 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

55. **КУДАШЕВ Георгий Максимович.** Родился в 1919 г. в Ульяновске. В 1943 г. — командир пулеметного взвода, старшина. С группой бойцов первым ворвался в пос. Философово (в районе Орла). Оказавшись в окружении, в течение двух суток стойко оборонял захваченную позицию. Группа Кудашева истребила сто двадцать два гитлеровца. Звание Героя Советского Союза ему присвоено 15 января 1944 г. Сейчас живет в г. Шепетовке УССР.

56. **КУРИН Алексей Васильевич.** Родился в Ульяновске в 1922 г. В Советской Армии с 1941 г. Член КПСС. В боях южнее Витебска огнем своей батареи нанес противнику большие потери. Посадив

на свои машины пехоту, ворвался в Вильнюс и уничтожил прямой наводкой до сорока гитлеровцев и двадцать пять машин. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 г. Сейчас живет в Москве.

57. **КЯНЖИН Пантелей Кузьмич.** Родился в 1915 г. в с. Н. Домосердке Инзенского района. Член КПСС. В Советской Армии с 1942 г. Заместитель командира батальона. В боях при форсировании Дуная, возглавив стрелковое подразделение, переправился на западный берег, занял немецкие траншеи, расширил захваченный плацдарм и в течение двух суток отразил семнадцать контратак противника. 24 марта 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Живет в Инзе.

58. **ЛАПТЕВ Павел Васильевич.** Родился в 1911 г. в с. Богдашкино Ульяновского района. В Советской Армии с 1933 г. Окончил Харьковское артиллерийское училище. Член КПСС. В годы войны— командир батареи, бригады. Награжден многими орденами и медалями. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июля 1942 г. Умер в 1954 г.

59. **ЛАРИОНОВ Алексей Алексеевич.** Родился в 1922 г. в с. Вязовке Инзенского района. В 1939 г. переехал на Дальний Восток, где работал токарем. В 1941 г. призван в армию. Имел пять ранений. В 1945 г. — командир стрелковой роты. За подвиги, совершенные при форсировании Немана в районе Вильнюса, гвардии капитану Ларионову 24 марта 1945 г. присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время — подполковник запаса, живет в Рязани.

60. **ЛЕВИН Дмитрий Павлович.** Родился в 1920 г. в с. Дмитриевке Ново-Спасского района. В Советской Армии с 1938 г. Член КПСС. Будучи командиром бронекатера, активно участвовал в десантных операциях на Керченском полуострове. Погиб в бою 3 ноября 1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 22 января 1944 г.

61. **ЛЮБАВИН Василий Александрович.** Родился в 1912 г. в с. Большое Нагаткино Ульяновского района. На Первом Украинском фронте — командир стрелкового батальона. 26 декабря 1943 г. батальон капитана Любавина, форсировав р. Тетерев, с ходу выбил противника из с. Минина. В боях за овладение Житомиром бойцы батальона, проявив исключительный наступательный порыв, загнали фашистов в р. Тетерев, где большинство их было уничтожено. 10 января 1944 г. Любавину присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас — подполковник запаса живет в Чернигове.

62. **МАКАРЫЧЕВ Михаил Иванович.** Родился в 1919 г. в с. Гуляевке Сурского района. Призван в Армию с 1939 г. Член КПСС.

Командуя артиллерийским полком, майор Макарычев своими действиями в июне 1944 г. обеспечил частям 67-й гвардейской стрелковой дивизии форсирование р. Западная Двина. 22 июля 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время — генерал-майор. Служит в Советской Армии.

63. **МАРКЕЛОВ Владимир Андреевич.** Родился в 1925 г. в с. Побелке Мелекесского района. В Советской Армии с 1943 г. Участник подвига двенадцати комсомольцев в июле 1944 г. на р. Свирь (вместе с А. Барышевым и другими). Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июля 1944 г. Служит в Советской Армии.

64. **МАТРОСОВ Александр Матвеевич.** Родился в Днепропетровске в 1924 г. Воспитывался в Ивановском детдоме Ульяновской области. В бою у с. Чернушки (в районе Великих Лук) совершил бессмертный подвиг, закрыв своим телом амбразуру вражеского дзота. 19 июня 1943 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

65. **МИЗИНОВ Михаил Петрович.** Родился в 1918 г. в с. Пятино Инзенского района. В 1942 г. — старший лейтенант, командир звена пикирующих бомбардировщиков. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 августа 1943 г. за образцовое выполнение боевых заданий командования. Сейчас майор запаса, живет в Казани.

66. **МИЛАШИН Константин Иванович.** Родился в 1924 г. в с. Елховке Сурского района. Командир противотанкового орудия, сержант. Умер от ран 30 апреля 1945 г. Похоронен в г. Барут (в сорока километрах южнее Берлина). За храбрость и мужество, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, 27 июня 1945 г. посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

67. **МИНЧУГОВ Дмитрий Михайлович.** Родился в 1911 г. в Ульяновске. В Советской Армии с 1932 г., в 1943 г. — гвардии майор, командир авиаэскадрильи. Совершил сто восемнадцать боевых вылетов. Погиб 1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 24 июля 1943 г.

68. **МИРОНОВ Василий Григорьевич.** Родился в 1918 г. в с. Ясашная Ташла Тереньгульского района. В Советской Армии с 1940 г. Пулеметная рота капитана Миронова форсировала Вислу, вплавь переправилась через рукав реки и с ходу вступила в бой с фашистами. Прикрывая переправу полка, рота в течение суток отбила восемь контратак. 27 февраля 1945 г. Миронову присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас живет в Саратове.

69. **МОЛЧАНОВ Евгений Михайлович.** Родился в 1924 г. в с. Жадовке Барышского района. В Советской Армии с 1942 г. Член ВЛКСМ. В июле 1943 г. в районе Белгорода гвардии красноармеец пулеметчик Молчанов, оставшись один на позиции, огнем своего пу-

лемета отразил несколько атак противника, уничтожил пятьдесят шесть гитлеровцев, подбил гранатами танк и погиб под гусеницами другого танка. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 1 ноября 1943 г.

70. **МОРОЗОВ Иван Константинович.** Родился в 1923 г. в с. Б. Кандарать Карсунского района. В Советской Армии с 1940 г. Командир батареи, старший лейтенант. В бою на Курской дуге в районе ст. Змиевка, в исключительно тяжелой обстановке, отразил пять контратак противника, уничтожил шестиствольную минометную батарею, одного «тигра» и около батальона пехоты. Во время этого боя был смертельно ранен. 16 ноября 1943 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

71. **МЫТАРЕВ Иван Петрович.** Родился в 1925 г. в пос. Майна. Член КПСС. В Советской Армии с 1943 г. Участник подвига двенадцати комсомольцев в июле 1944 г. на р. Свирь (вместе с А. Барышевым и другими). Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июля 1944 г. Живет на родине.

72. **ОГУРЕЧНИКОВ Николай Иванович.** Родился в 1915 г. в с. Белый Яр Чердаклинского района. Член КПСС. В Армии с 1941 г., командир отделения саперов. В июне 1944 г. старший сержант Огуречников образцово выполнил боевое задание, проделав с группой саперов четыре прохода в минных полях и проволочных заграждениях противника. Проявил мужество и героизм при наведении переправы через Днепр под сильным огнем врага. 24 марта 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время живет на родине.

73. **ПАНИЧКИН Михаил Степанович.** Родился в 1918 г. в с. Лебедевке Сурского района. В 1938 г. ушел добровольцем в армию, в 1940 г. окончил Челябинское авиаучилище. В годы войны — штурман бомбардировочной авиации дальнего действия. Совершил двести тридцать шесть боевых вылетов. 15 мая 1946 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Подполковник запаса. Живет в г. Белая Церковь УССР.

74. **ПАНИЧКИН Николай Степанович.** Родился в 1914 г. в с. Лебедевке Сурского района. Окончил летную школу Осоавиахима, В Советской Армии с 1939 г. В 1940 г. окончил Челябинское авиаучилище. В годы войны — штурман бомбардировочной авиации дальнего действия. Совершил двести сорок восемь боевых вылетов. 15 мая 1946 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Подполковник запаса. Живет в г. Борисополе УССР.

75. **ПИЛЬНИКОВ Александр Павлович.** Родился в 1924 г. в Ульяновске. В 1941 г. ушел добровольцем в армию. Окончил 2-е Ульяновское танковое училище. 22 августа 1944 г. рота лейтенанта

Пильникова в составе четырех танков совместно с артбатареей отстояла важную магистраль в районе г. Шауляй (Литовская ССР), отразив атаку тридцати шести танков и самоходок противника. 24 марта 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В 1955 г. окончил Бронетанковую академию. В настоящее время служит в Советской Армии.

76. **ПОЖАРСКИЙ Иван Алексеевич.** Родился в 1905 г. в г. Ардатове бывшей Симбирской губернии, в семье рабочего. С 1922 г. по 1924 г. работал по борьбе с кулачеством на продовольственном фронте; после окончания Ульяновской совпартшколы — на комсомольской работе. С 1927 г. — в Советской Армии: секретарь партбюро, политрук, военком. Участвовал в пограничной схватке с японо-манчжурскими захватчиками 25 марта 1936 г. Был награжден орденом Красной Звезды. Окончил курсы усовершенствования политсостава. Погиб в августе 1938 г. при штурме высоты Заозерной на озере Хасан, ведя батальон в атаку. 25 октября 1938 г. посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

77. **ПОЛБИН Иван Семенович.** Родился в 1905 г. в с. Ртищево-Каменка Майнского района, в семье крестьянина. Работал ремонтным рабочим на железной дороге, затем — на комсомольской работе. Член КПСС. Окончил Оренбургскую летную школу. С 1938 г. служил в авиачастях на Дальнем Востоке. За участие в боях на р. Халхин-Гол награжден орденом Ленина. В годы Великой Отечественной войны командовал авиаполком, а затем — авиакорпусом. За подвиги в боях под Волгоградом 23 ноября 1942 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. 11 февраля 1945 г., совершая свой сто пятьдесят седьмой вылет, генерал-майор Полбин погиб смертью храбрых. 6 апреля 1945 г. посмертно награжден второй медалью «Золотая Звезда».

78. **ПРОКОФЬЕВ Виктор Иванович.** Родился в 1923 г. в с. Вырыпаевке Ульяновского района. В Советской Армии с 1942 г. Со своим отделением первый форсировал старое русло Днепра в районе с. Вышгород, занял оборону и в течение пятнадцати часов, ведя неравный бой, обеспечивал огнем переправу своего подразделения. Умер от ран. Звание Героя Советского Союза присвоено 13 ноября 1943 г.

79. **ПУШКАРЕВ Константин Иванович.** Родился в 1914 г. в г. Сенгилее, в семье рабочего. Работал в Ульяновске механиком на мельнице, в МТС и в с. Вышки. В армии с 1936 г. Был механиком-водителем танка. В 1938 г. в бою на озере Хасан участвовал в четырех атаках. Погиб, сражаясь в горящем танке, подожженном врагами, вместе с остальными членами экипажа. 25 октября 1938 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

80. **РЕМИЗОВ Василий Григорьевич.** Родился в 1917 г. в Ульяновске. Член КПСС. На Первом Белорусском фронте — командир стрелкового батальона. Под сильным огнем врага переправился со своим батальоном через Вислу и занял плацдарм. Продвигаясь вперед, участвовал в освобождении городов Зволень и Радом, форсировал реки Пилица и Варта. Звание Героя Советского Союза присвоено 27 февраля 1945 г. В настоящее время живет в Москве.

81. **РУЗНЯЕВ Алексей Николаевич.** Родился в 1910 г. в с. Канадей Николаевского района. В 1943 г. — командир стрелкового батальона, гвардии капитан (на Первом Украинском фронте). Звание Героя Советского Союза присвоено 13 ноября 1943 г. за успешное форсирование Днепра, прочное закрепление и расширение плацдарма на западном берегу реки. В настоящее время — подполковник в отставке. Живет в Куйбышеве.

82. **САВОЧКИН Петр Сергеевич.** Родился в 1905 г. в пос. Сурское (районный центр). Член КПСС. В 1943 г. младший лейтенант, командир взвода автоматчиков. Во время форсирования Днепра умелыми и решительными действиями своего взвода обеспечил переправу батальона на западный берег, за что 15 января 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Умер 26 мая 1951 г.

83. **СЕДОВ Иван Васильевич.** Родился в 1923 г. в с. Конновке Барышского района. В Советской Армии с 1942 г. Участник героического группового подвига тринадцати воинов, погибших 15 января 1943 г. при обороне поселка Красновка (Донской) на подступах к Донбассу. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 31 марта 1943 г.

84. **СЕМЕНОВ Дмитрий Иванович.** Родился в 1911 г. в с. Красная Сосна Инзенского района. Участвовал в боевых действиях в Финляндии в 1940 г. Командир пулеметного расчета, гвардии старший сержант. Погиб смертью храбрых 25 января 1945 г. при форсировании р. Варты. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 24 марта 1945 г.

85. **СЕРГЕЕВ Василий Павлович.** Родился в 1914 г. в г. Ульяновске в семье машиниста. Работал учеником в паровозном депо. В 1935 г. окончил авиационную школу. В 1944 г. — командир эскадрильи штурмовой авиации. За образцовое выполнение боевых заданий командования 26 октября 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время — майор запаса. Живет в Краснодаре.

86. **СОБОЛЕВСКИЙ Анатолий Федорович.** Родился в 1923 г. в с. Кременки Чердаклинского района. В Советской Армии с 1941 г. Член КПСС. В 1943 г. — гвардии старший лейтенант, командир стрелковой роты. 28 сентября 1943 г. во время форсирования Днеп-

ра в районе с. Мишурин Рог рота Соболевского первая переправилась на правый берег, обеспечила переправу всего батальона и в течение четырех дней удерживала захваченные позиции. 22 февраля 1944 г. Соболевскому присвоено звание Героя Советского Союза. Живет в г. Жуковском Московской области.

87. **СОКОЛОВ Николай Васильевич.** Родился в с. Акшуат Барышского района. В годы войны понтонно-мостовая бригада полковника Соколова обеспечивала переправу войск Ленинградского фронта через Неву, строила «дорогу жизни» в районе Синявино, помогала войскам Первого Украинского фронта форсировать Днепр, Случь, Горынь, Днестр. За умелое руководство действиями бригады при наведении переправы для танковой армии через Вислу и проявленный героизм 23 сентября 1944 г. полковнику Соколову присвоено звание Героя Советского Союза, а 2 ноября 1944 г. — звание генерал-майора инженерных войск. Живет в Москве.

88. **СОРОКИН Иван Петрович.** Родился в 1919 г. в с. Елшанке Тереньгульского района. В Советской Армии с 1939 г. Окончил училище зенитной артиллерии, член КПСС. В 1943 г. — командир зенитной батареи. За образцовые действия по прикрытию с воздуха наших войск и личную храбрость 9 февраля 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас — полковник запаса, живет в Тбилиси.

89. **СТАРОСТИН Дмитрий Яковлевич.** Родился в 1923 г. в с. Елховке Куйбышевской области. Учился в 3-й школе г. Ульяновска. Окончил Ульяновское гвардейское танковое училище. Участвовал со своей ротой в боях за овладение г. Фастовом. Захватил аэродром, уничтожил четыре воинских эшелона, восемь пушек, пятнадцать пулеметов и большое количество гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 10 января 1944 г. Живет в Ульяновске.

90. **СТЕМАСОВ Петр Дмитриевич.** Родился в 1917 г. в с. Аркаево Сурского района. Будучи радистом артбатареи, в 1941 г. в боях на подступах к Москве совершил героический подвиг, встав у оставленного орудия и ведя из него огонь по наступающему немецкому полку. Звание Героя Советского Союза присвоено 9 ноября 1941 г. В настоящее время служит в Советской Армии.

91. **СУРКОВ Григорий Николаевич.** Родился в 1916 г. в с. Лобановке Ново-Спасского района. В боях на Курской дуге, командуя пулеметной ротой, отбил двенадцать фашистских контратак, уничтожил около трехсот гитлеровцев и один танк. При форсировании Днепра захватил плацдарм на правом берегу реки и своим огнем обеспечил переправу полка. Звание Героя Советского Союза присвоено 16 октября 1943 г. Сейчас живет на родине.

92. **ТИТОВ Алексей Федорович.** Родился в 1923 г. в с. Малая

Кандала Чердаклинского района. Призван в Армию в 1941 г. Командуя пулеметным взводом, в боях на западном берегу р. Нарев в течение четырех дней отбил тридцать три атаки и уничтожил до трехсот гитлеровцев. Погиб 24 января 1945 г. Посмертно 24 марта 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

93. **ТИХОНОВ Михаил Иванович.** Родился в 1925 г. в с. Коржевке Инзенского района. В Советской Армии с 1943 г. Участник группового подвига двенадцати комсомольцев в июле 1944 г. на р. Свирь (вместе с А. Барышевым и другими). Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июля 1944 г. Служит в Советской Армии.

94. **ТЮРИН Константин Михайлович.** Родился в 1905 г. в Ульяновске в семье рабочего-каменщика. С тринадцати лет пошел работать землекопом, затем — грузчиком, строительным рабочим. Призван в армию в 1942 г. Был рядовым разведчиком и заместителем командира разведвзвода. Имеет тяжелые ранения. За отвагу и мужество, проявленные в боях за Днепр и Киев, 13 ноября 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Живет в Ульяновске.

95. **УМЕРКИН Абдулхак Сагитович.** Родился в 1917 г. в с. Старое Тимошкино Барышского района. В 1942 г. младший лейтенант, командир гаубичной батареи. Звание Героя Советского Союза присвоено 20 июня 1942 г. за мужество и отвагу, проявленные им в боях при обороне Севастополя. В настоящее время живет в Казани.

96. **ХАЗОВ Владимир Петрович.** Родился в 1918 г. в с. Лава Сурского района. В 1939 г. окончил Ульяновское танковое училище. В годы войны — командир танкового взвода и роты. В течение двух дней июня 1942 г. тремя танками своего взвода уничтожил тридцать один фашистский танк. Погиб в сентябре 1942 г. под Волгоградом. 5 ноября 1942 г. посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

97. **ХАРИТОНОВ Николай Павлович.** Родился в с. Лесное Матюнино Барышского района. В Советской Армии с 1937 г. Механик-водитель танка. Член КПСС. В боях за освобождение Польши в районе Бортодзес и Юзефув уничтожил три орудия, три пулемета, двенадцать автомашин и двадцать два гитлеровца. Первым форсировал р. Пилицу и, врезавшись в отступающую колонну, разбил двадцать восемь повозок и истребил семнадцать гитлеровцев. Звание Героя Советского Союза присвоено 24 марта 1945 г. Сейчас живет в Алма-Ате.

98. **ХВАТКОВ Михаил Петрович.** Родился в 1925 г. в с. Луговая Ульяновского района. Гвардии ефрейтор, сапер. Член ВЛКСМ. Героически погиб 25 июня 1944 г. на р. Западная Двина, переправляя на плоту бойцов и оружие. Посмертно 24 марта 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

99. **ХУРТИН Иван Андреевич.** Родился в 1924 г. в с. Красное Тукаево Инзенского района. В Советской Армии с 1942 г., командир пулеметного отделения. В боях за Днепр переправился с пулеметом на правый берег, проник в тыл противника и, открыв огонь, обеспечил своему подразделению форсирование реки без потерь. Умер от ран 14 октября 1943 г. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 17 октября 1943 года.

100. **ХУСАИНОВ Захар Сафитович.** Родился в 1914 г. в с. Мосеевке Старокулаткинского района. В Советской Армии с 1937 г., старшина, командир танка. Награжден несколькими орденами и медалями. 17 октября 1944 г. вступил в бой с восемнадцатью немецкими «тиграми» и «пантерами», уничтожил шесть танков. Во время этого боя он погиб. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 24 марта 1945 г.

101. **ЧАПАНОВ Михаил Петрович.** Родился в 1920 г. в с. Араповке Майнского района. В годы войны — гвардии младший лейтенант, командир взвода. В боях за Зееловские высоты на левобережье Одера Чапанов добрался до вершины высоты 50,2 и водрузил на ней красный флаг — сигнал для атаки. 31 мая 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. Умер в 1950 г.

102. **ЧЕРНОВ Матвей Степанович.** Родился в 1914 г. в с. Малая Якушка Мелекесского района. Участник героического подвига одиннадцати разведчиков, погибших в июле 1944 г. под с. Сунуплява Латвийской ССР при выполнении боевого задания в тылу врага. Звание Героя Советского Союза присвоено посмертно 24 марта 1945 г.

103. **ЧИЖЕНКОВ Николай Николаевич.** Родился в 1921 г. в с. Мокрая Бугурна Ульяновского района. В боях на территории Германии, будучи наводчиком орудия, вступил в единоборство с восемью немецкими танками и отразил их атаку. 10 апреля 1945 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время живет на родине.

104. **ШИЛЬДИН Петр Степанович.** Родился в 1919 г. в с. Тиинске Мелекесского района. В 1943 г. — командир стрелковой роты. В боях за Днепр первый со своей ротой форсировал реку, сбил боевое охранение и захватил плацдарм. Продвигаясь с боями вперед, уничтожил три орудия вместе с расчетами и захватил четыре орудия. 20 декабря 1943 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время служит в Советской Армии.

105. **ШМОТОВ Борис Леонтьевич.** Родился в 1923 г. в с Рызлей Николаевского района. В Советской Армии с 1941 г. В бою у деревни Натолин (Польша) овладел со своей ротой важным узлом сопротивления противника, уничтожив более ста фашистов. Погиб 13 ав-

густа 1944 года и похоронен в с. Рубня Варшавского воеводства. 24 марта 1945 г. ему посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

106. **ЮНОСОВ Борис Николаевич.** Родился в 1925 г. Призван Мелекесским горвоенкоматом в 1943 г. Участник группового подвига двенадцати комсомольцев в июле 1944 г. на р. Свирь (вместе с А. Барышевым и другими). Звание Героя Советского Союза присвоено 24 июля 1944 г. В настоящее время живет в г. Мелекессе.

107. **ЮФИМОВ Иван Степанович.** Родился в 1922 г. в с. Сыреси Сурского района. В Советской Армии с 1941 г. Член КПСС. Награжден медалью «За отвагу» и двумя орденами Красной Звезды. Командуя противотанковым орудием, в боях под г. Яссы отразил девять контратак пехоты с танками, удержав фланг обороны батальона. 13 сентября 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза. В настоящее время живет в Ташкенте.

108. **ЯШНЕВ Алексей Степанович.** Родился в 1912 г. в г. Мелекессе. В Советской Армии с 1941 г. Участвовал в боях на Северо-Западном, Первом и Втором Украинских фронтах. Командуя стрелковым взводом, по льду переправился через Одер, выбил немцев из траншеи и, ведя неравный бой, обеспечил форсирование реки своим батальоном. Погиб 25 января 1945 г. 10 апреля 1945 г. посмертно ему присвоено звание Героя Советского Союза.

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 5
Н. Костин. Крылья над землей 7
А. Ворожейкин. Он был первым . . . 17
М. Кошкин. Непоколебимая стойкость . . 32
Н. Кузминский. У развилки дорог . . . 36
П. Слесарев. Под Севастополем 46
В. Дедюхин. Артиллерист Павел Лаптев . 52
Н. Кузминский, С. Жмырев. Он защищал город на Волге 57
С. Романовский. Как загораются звезды 66
М. Кошкин. Мастер точных ударов. . . 70
Н. Еремин. Гвардии рядовой 73
И. Гудыренко. Штурм ледяного вала . 80
П. Слесарев. Подтверждено фотоснимками 84
М. Кошкин. Командарм Гусев 89
П. Слесарев. Братья 95
П. Ковальчук. Снайпер Петр Голиченков 101
А. Царев. Богатырь воздуха 110
В. Румянцев. Два дня 124
А. Ермолаев. Он родился в двадцать четвертом 132
А. Шарипов. Прямой наводкой 136
В. Радыльчук. На Днепре 144
Ф. Галимов. Подвиг сапера 150
В. Радыльчук, А. Агейчев. За землю, политую кровью! 156
В. Румянцев. Натиск 162
А. Шарипов. Связист Волынцев 166
И. Сорокин. Осенью сорок третьего . . . 169

А. Ермолаев. Под гвардейским знаменем 175
А. Макаров. Разведчик Тюрин 180
В. Радыльчук, П. Слесарев. В осажденном танке 187
Г. Демин, А. Муромцев. По-чапаевски . 191
В. Румянцев. Прорыв 197
М. Кошкин. От рядового — до генерала . 204
В. Фридман. Таран 211
А. Шарипов. Отважный танкист . . . 215
Н. Кузминский. На крымской земле . . 218
А. Ермолаев. Рейд по тылам врага . . . 223
В. Лебедев. Их было двенадцать 230
В. Ерменеев. Бой с «юнкерсами» . . . 241
Н. Кондратьев. «Прошу считать меня коммунистом...» 244
М. Кошкин. Славный путь 251
А. Шарипов. На минном поле 256
В. Радыльчук. Посланец с Волги . . . 260
А. Ермолаев. Засада 265
П. Фролов. На улицах Вильнюса . . . 271
П. Слесарев. Единоборство 274
В. Фридман. Поединок 280
П. Слесарев. Над Тиссой рекой 286
Н. Малинин. Испытание огнем 292
П. Мельников. Батальон идет вперед . . 299
Н. Кузминский. Переправа на Варте . . 305
Н. Кузминский. На Зееловских высотах 311
А. Шарипов. Генерал Давыдов 319
А. Макаров. Мужество солдата 322
В. Помещиков. Неуязвимая пушка . . 327
П. Слесарев. На подступах к Рейхстагу . 330
В. Радыльчук. От Москвы до Берлина . 334
Именной указатель и краткие биографические справки о Героях Советского Союза — ульяновцах 344

65 коп.

УЛЬЯНОВЦЫ В БОЯХ ЗА РОДИНУ

ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1964